

Белов Виктор Николаевич, 1969 года рождения, уроженец г.Елабуга, Татарской АССР в 1986 – 1988 годах учился в Казанском Государственном Университете им. Ульянова-Ленина, в 1988-1990 гг. проходил воинскую службу в рядах ВС СССР. С 1991 по 2002 год работал на различных должностях в органах внутренних дел, - в подразделениях дознания и предварительного следствия, преподавателем юридического цикла Елабужской Средней Специальной Школы милиции МВД РФ. Образование высшее юридическое. В 1998 году окончил Казанский филиал Московского юридического института МВД РФ.

Юрист, специалист в области трудового права и кадрового делопроизводства, обеспечения безопасности розничной торговли и корпоративной безопасности, работы негосударственных структур безопасности на объектах торговли. На протяжении ряда лет работал одним из руководителей службы безопасности крупной региональной сети гипермаркетов розничной торговли, руководителем службы безопасности научно-производственного объединения.

Эксперт журнала «Мир безопасности»; консультант по вопросам корпоративной безопасности Портала «Союз руководителей служб безопасности Урала»; независимый эксперт газеты «Технологии безопасности бизнеса»; консультант портала «Sec.Ru»; автор более 50 статей в журналах «Охранная деятельность», «Директор по безопасности», «Системы безопасности», «Мир безопасности», «Российская торговля», «Вопросы безопасности. Калининград», «Управление магазином», «Точка продаж», «Справочник частного охранника», «Алгоритм безопасности», «Управление персоналом», «Современная торговля», «Корпоративный юрист» и других.

Автор книг «Азбука начальника охраны торгового объекта. Практические рекомендации и образцы служебной документации» (Москва. Издательство «Баярд». 2012 г.), «Организация и тактика работы сотрудников охраны на торговом объекте» (Москва. Изд-во ШО «Витязь». 2012 г.) и «Основы организации эффективной работы руководителя службы безопасности торгового объекта» (Рабочее название), - Москва, Издат-во «Секьюрити фокус», предполагаемый срок выхода, - ноябрь – декабрь 2011 г.

В настоящее время занимается историко-краеведческими исследованиями.

Проживает в г. Елабуга Республика Татарстан. Email: vik1969_10@mail.ru

Виктор Белов
Вознесенская церковь села Кара-Елги и жизнь сельского духовенства второй половины XIX — начала XX века

Вознесенская церковь села Кара-Елги и жизнь сельского духовенства второй половины XIX – начала XX века

Виктор Белов

Виктор Белов

ВОЗНЕСЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ
СЕЛА КАРА-ЕЛГИ И ЖИЗНЬ
СЕЛЬСКОГО ДУХОВЕНСТВА
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX —
НАЧАЛА XX ВЕКА

По благословению
благочинного Елабужского округа Казанской епархии,
настоятеля Покровского собора г.Елабуги,
митрофорного протоиерея отца Сергия Лепихина

К а з а н ь
Центр инновационных технологий
2 0 1 3

УДК 21/29
ББК 86.372
Б43

**О книге В.Н. Белова
«Вознесенская церковь села Кара-Елги
и жизнь сельского духовенства
второй половины XIX — начала XX вв.»**

Б43 **Белов, В.**
Вознесенская церковь села Кара-Елги и жизнь сельского духовенства второй половины XIX — начала XX века / В. Белов. — Казань: Центр инновационных технологий, 2013. — 216 с.

Исследование елабужского историка-краеведа Белова Виктора Николаевича, безусловно, представляет большой интерес в русле развития богатых традиций казанского церковно-исторического краеведения, одной из которых является обстоятельность изложения, пристальное внимание к деталям, стремление к доступности. Эти традиции были заложены епископом Никанором (Каменским), профессором Казанской Духовной академии Евфимием Маловым, протоиереем Андреем Яблоковым, известными краеведами Н.Я. Агафоновым и П.М. Дульским. Часть трудов исследователей второй половины XIX — начала XX вв., как известно, мало доступны массовому читателю, поэтому автор стремится, в первую очередь, ознакомить современную аудиторию с неожиданными сюжетными поворотами и порадовать их новыми открытиями.

В книге содержится значительное количество уникального материала, впервые вводимого в научный оборот. В своём сочинении автор сделал успешную попытку раскрыть достаточно широкий спектр до сих пор малоизученных вопросов: история Вознесенского храма, повседневная жизнь сельского духовенства в предреволюционный период, бытописание сельских жителей этого времени.

Известно, что длительное время обширные территории восточнее рек Шешмы и Зая входили в состав Уфимской

© Белов В., 2013
© Центр инновационных технологий (оформление), 2013

губернии и соответственно Уфимской епархии. И только с 1920 г. они стали частью Татарской автономной советской социалистической республики. Дореволюционная жизнь этого большого региона так и не стала предметом пристального исследования казанских учёных, а тем более уфимских. Поэтому изучение этой «ойкумены», опубликованные исследования восточного региона республики вызывают неподдельный интерес широкого круга историков и краеведов.

В.Н. Белов в своих изысканиях выступает в разных ипостасях — как церковный и гражданский историк, краевед, исследователь повседневности, как бытописатель. Его исследования носят глубоко патриотический характер, заставляют задумываться о прошлом своей «малой родины», побуждают верить в её возрождение, любовно демонстрируют людей не только ушедшей эпохи, но сегодняшних скромных подвижников духа, собирающих некогда разбросанные камни.

Широка и источниковедческая основа исследования: архивные документы, ревизские сказки, метрические записи, епархиальные журналы и газеты, воспоминания очевидцев, мемуарная литература.

Нет сомнения, что книга будет интересна и широкому кругу читателей, и учёным-историкам, в ней содержится заметный справочный материал, и, что не часто можно встретить в современных исторических сочинениях, она даёт возможность самостоятельного научного анализа по широкому кругу проблем как церковной, так и гражданской истории.

Анатолий Елдашев,
доцент Казанской Духовной семинарии,
лауреат Макариевской премии (2011 г.)

ОТЗЫВЫ

(из писем читателей книги «Вознесенская церковь
села Кара-Елги и жизнь сельского духовенства
второй половины XIX — начала XX века»)

«...работа прекрасная. Во-первых она несет много интересной информации. Материал написан в удобоворимой форме, с глубоким анализом, с предоставлением тех сведений, которые нигде не почерпнешь, не каждый же может поехать в Казань и сутками там работать в архиве.

Но главное даже не в этом. Главное в том, с каким глубоким анализом и человеческой теплотой написана первая часть о служителях Храма в те далекие времена. Пример их бескорыстного служения пастве — хороший пример и урок для служителей церкви в наши дни. Вот к такому Батюшке и пойти захочется. Так и представляешь себе прекрасного человека, готового тебя выслушать, разделить твои проблемы и утешить словом Божиим, которое он знает и скажет именно его. Потому люди и шли в церковь, к Батюшке. А утешить надо было как в давние дни, так и теперь. Люди нуждаются в церкви, в исповеди.

Очень важно было бы издать, этот материал, не у всех, особенно пожилых, есть интернет, а книжечку бы раскупили мигом, да еще и повторили тираж... работа просто необходима широкому кругу и верующих и тем, кто стоит на пороге вхождения в Веру и Храм».

М.Д. Попова,
г. Москва

«Мне понравилось все! А главное, метко стрельнуто, что попы у нас ассоциируются, с мироедами, эксплуататорами и богатеями. Я впервые прочла об их жизни ТАКОЕ! Стало очень жаль, что мы совсем, совсем не знаем истории своей страны и жизни различных слоев населения. Прошибло документальностью, ведь не выдуманно все, ЭТО БЫЛО ТАК. Перевернуты все мои устои и отношение к церковникам... За душу взяло. Книга прекрасна в своей правдивости и изложению материала и, думаю, будет интересна не только узкому кругу...».

Н. Лидер,
г. Бавлы, Татарстан

«Слава Богу, сегодня достаточно много появляется исследований по краеведению, родословным, врачуя 70-летний «провал» исторической памяти россиян. Свою достойную лепту в реабилитацию оклеветанного большевистской властью духовного сословия вносит и Виктор Белов. Исследование Виктора Николаевича для меня было интересно, прежде всего, тем, что помимо большого фактического материала, оно содержит живые зарисовки сельского быта XIX — начала XX столетий. Благодаря им, довольно четко воссоздается перед глазами читателей образ сельского пастыря — доброго наставника крестьян, честного труженика, который часто, по слову Спасителя не имеет где главу преклонить (Лк. 9:58). Да и сегодня служение большинства священников в глубинке многотрудное и неблагодарное по земным меркам, особенно если сравнить их положение с духовенством больших городов. На таких примерах из обыденной жизни и становится ясно, что значит нести Крест Христов...».

Н.В. Назарова,
помощник благочинного Елабужского округа
Казанской епархии, г.Елабуга, Татарстан

«Благослови Бог Виктор Николаевич! Книгу прочитал, к сожалению пока бегло — не было достаточно времени. Что прочитал — понравилось. Уверен, — если выйдет в свет Ваша книга — она разбудит в сердцах читателей любовь к Богу, любовь к истории церкви. В те прежние годы — до 1930 года, народ шел в церковь, вся жизнь была связана с религией, с церковью, все это описано у Вас. Сейчас люди многие далеки от Бога, хотя считают себя верующими. В церковь идут крестить или зовут отпеть. Особенно это ощущается в селе. Дай Бог, чтоб книгу приняли к печати. Во славу Божию!».

*С уважением, Настоятель храма
Вознесения Господня села Кара-Елга
иерей Василий Казаков*

«Виктор Николаевич! Если вкратце о моих впечатлениях: «Это такая ГЛЫБА»! Получил истинное удовольствие от прочитанного. Пересмотрел некоторые свои взгляды, понял и прочувствовал вещи, сути которых раньше не только не понимал, но даже и не догадывался. Я пишу, как воспринимаю. Я не специалист в истории и тем более в делах церковных. Но ведь Ваша книга это по-сути инструкция по возрождению национальной культуры и воспитанию духовности у людей, а сейчас этого так не хватает, особенно если посмотреть, чем нас потчует СМИ и телевидение в частности. Церковь и духовенство (во всяком случае опять же то, что показывают по телевизору) тоже в последнее время не радуют. И для меня та работа, которую Вы проделали собирая этот материал, действительно ГЛЫБА, без всякого преувеличения. Для того чтобы проделать такую работу, нужно по-настоящему любить свои родные места, свой народ, свою культуру — для меня Ваша книга это настоящий гражданский подвиг! Спасибо!».

А. Бобров,
главный редактор Интернет-портала
SEC.RU. г.Москва

«Приятно был удивлен новой книгой Белова Виктора Николаевича. Немного предыстории. Знаком с Виктором Николаевичем как с профессионалом в сфере безопасности. Не раз с удовольствием и пользой для дела изучал его материалы на тему безопасности. Обращаясь за советом при подготовке к своим выступлениям на конференциях, форумах и телепередачах, Виктор Николаевич давал ценные рекомендации по специфическим моментам обеспечения безопасности бизнеса.

К сожалению, приходится признать, что работа «безопасника» накладывает свой отпечаток. И если посмотреть список литературы, которую я прочел за последние три года, то большинство книг — на профессиональные темы по безопасности — так называемая, профессиональная «зашоренность». Приятно осознавать, что коллега — человек разносторонний, открытый, интересующийся различными темами. Как человеку верующему, вдвойне приятно было прочитать книгу о православной церкви и культуре. Отмечу, что книга личная, чувствуется желание автора прикоснуться через книгу к истории свих предков. Автор с душой и открытым сердцем подошел к ее написанию. Стоит отметить большой труд в изучении архивных материалов, их обработку, изложения исторических фактов в книге. Радостно на фотографии видеть вновь возрожденный жителями села Кара-Елги храм, который вселяет надежду на возрождение духовных ценностей русского народа. Желаю читателю приятного чтения, а автору новых творческих побед!».

К.В. Сергеев,
руководитель исполнительного комитета
«Союза руководителей служб
безопасности Урала», г. Екатеринбург

«...серьезная заявка на историко краеведческое исследование! На мой взгляд, — и доступность изложения и документированная достоверность тянут на монографию!»

С.Н. Каширников,
кандидат политических наук, преподаватель
Финансовой Академии при Правительстве РФ,
член подкомитета по безопасности ТПП РФ,
директор по безопасности федеральной аптечной сети
ОАО «Аптечная сеть 36,6», автор ряда
научных статей и книг, г. Москва

«Работа хорошая, источники есть, чувствуется глубокий интерес к краеведению. Очень хорошо, что сохранились метрические книги по селу. А вообще с источниками по Мензелинскому уезду плохо. Как я установил, в 20-е годы из Уфы в Казань передали много документов, но там они пропали, — сдали в макулатуру. Потом, после войны, Казанский архив ещё раз обращался в Уфу с просьбой передать им дела о Мензелинском уезде. Отправили немного, они и лежат в Казани. Историки из Казани специально приезжают в Уфу искать документы. Видно, что человек Вы пишущий, стиль есть, компоновка материала не плохая. Ваш труд, — это добротная историко-краеведческая работа, которая принесёт пользу...».

М.И. Роднов,
доктор исторических наук, профессор, г.Уфа

«Мое мнение о книге как читателя, более чем положительное. Работа насыщена большим количеством интересного краеведческого материала, который, думаю, будет интересен не только жителем села и его окрестностей, но и всем вообще интересующимся историей сельских храмов и сельского духо-

венства. Тем более что эта тема до сих пор остается мало изученной. Кроме того, работа написана очень эмоционально, автором, явно не равнодушным к истории своего края и людей в нем живших».

Я.С. Свице,
краевед, ведущий специалист
по учебно-методической работе
Уфимского государственного нефтяного
технического университета, г.Уфа

«В целом, сочинение мне понравилось и его необходимо издать. В любом случае такая книга будет полезна, и не только для тех, кто живет сейчас в селе, но и для детей, молодежи, которых необходимо учить истории своей малой родины. И книга хороша именно в таком виде и с таким содержанием, без каких-либо «околонаучных» изысков. Тем более, что автор хорошо поработал и в архиве, и с необходимой литературой. Еще раз хочу сказать, что читать было интересно».

Э.Л. Дубман,
доктор исторических наук,
профессор кафедры Российской истории
Самарского государственного
университета, г.Самара

«...начал читать и увлекся! ...Книга, кроме того что просто интересная, считаю что еще и очень важная. Эту страну может спасти только истинная вера... возродить истинную веру могут только искренне болеющие за это дело люди. Эта книга, на мой взгляд, достойный вклад... Много интересного узнал для себя и по части истории юридического быта XIX века. ...дочитал Вашу рукопись не мог оторваться, пишу далеко за полночь... Вы просто Молодец!!! Вот мой краткий отзыв:

«С большим интересом прочитал рукопись книги «Вознесенская церковь села Кара-Елги и жизнь сельского духовенства второй половины XIX — начала XX века». Автор книги Виктор Николаевич Белов является известным специалистом в области экономической безопасности. В представленной книге его многогранный талант открывается со стороны исследователя-краеведа. Основательный подход к рассматриваемому вопросу, известный по трудам Виктора Николаевича в сфере безопасности, в полной мере нашел себе применение и в краеведческом исследовании. Большой объем архивного материала, исследованный автором внушает доверие к результатам. Автор с большой любовью излагает историю своей Малой Родины.

*Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу;
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.*

(А.С. Пушкин, 1855)

У меня, как юриста по профессии, большой интерес вызвала та часть книги, где автор излагает историю метрических книг и технологию работы с ними в архивах, а так же статистические данные из архивных источников. Сцены из жизни духовенства и картины крестьянского быта XIX века не менее интересны.

Книга Виктора Николаевича является крайне своевременной и насущной. Трепетное отношение к своей Родине, уважение традиций населяющих свою страну народов и знание культуры предков одни из главных составляющих, дающих будущее любой нации.

Верю, что книга будет с благодарностью встречена читателями».

А.Г. Коршунов,
преподаватель НОУ ЦО «Альтернатива МКТА,
«Учредитель Консалтинговой компании
«Полезная Площадь», адвокат, г. Челябинск

«С удовольствием прочитал Вашу книгу! Почерпнул для себя много интересной и полезной информации. На мой взгляд, цель, которую Вы ставили по изменению стереотипа представлений о сельском духовенстве, полностью достигнута. Подробно описаны условия существования сельских священнослужителей, как им приходилось зарабатывать средства на жизнь, точнее, на элементарное существование, повседневно выполняя огромный круг обязанностей, имея при этом мизерный набор прав («выпрашивать подаяния»). До прочтения Вашей книги, мне почему-то казалось, хотя моя информированность в этих вопросах минимальная, что условия жизни духовенства, и в частности сельского, в период до 1917 г. была намного лучше (видимо сказывался заложенный еще в школе стереотип одностороннего и выгодного с точки зрения политики трактовки истории). Другой информации взять было просто негде, да и целью особой в этом направлении я, как и любой обычный человек, не задавался...

Очень интересно было ознакомиться с бытом и условиями жизни простого населения того времени; с ценами на основные продукты питания и вещи, действовавшие в начало 1870-х годов; суммой жалования, которое получали священники в тот период; с трудностями, которые в ходе своей деятельности, да и вообще по жизни им приходилось преодолевать...

В целом, получил большое удовольствие от прочтения книги. Сразу видно, что для ее написания затрачена масса времени и проделан колоссальный труд!».

Геннадий Мурашко,
г.Владикавказ

«Я с огромным интересом прочитал Вашу оригинальную и очень ценную историко-краеведческую работу, посвященную Вознесенской церкви и жизни сельского духовенства. Думаю, она станет весомой частью исследования истории села Кара-Елга. Ничуть не сомневаюсь в том, что знакомство с ней будет

чрезвычайно полезно нашим современникам. Я прочитал немало литературы такого рода, и все же почерпнул из вашего исследования немало нового...».

Борис Киришин,
главный редактор газеты «Челябинский рабочий»,
декан факультета журналистики
Челябинского государственного университета,
кандидат филологических наук, г.Челябинск

«Книга В.Белова «Вознесенская церковь села Кара-Елги и жизнь сельского духовенства второй половины XIX — начала XX века», как и написано в предисловии, необходима, чтобы в первую очередь, чтобы понять «...истоки тех морально-психологических качеств, которые были заложены в наших дедушках и бабушка, родителях, и которые, безусловно, сохранились в нас самих».

Краеведение заставляет нас решать главные вопросы нашего бытия: о смысле жизни, ответственности за свои поступки, кто я, куда я иду, что я сохранил от предков и что оставлю потомкам... Преемственность поколений, сохранение исторической памяти — вот основа нашей жизни, если мы не хотим стать Иванами, родства не помнящими...».

Л.Н.Холева,
главный редактор медиопортала о безопасности
«Хранитель» и журнала «Охранная деятельность»,
г.Москва

«Книга достойная, настоящая — документальная. Все персонажи и события — реальные. Большое количество интересных архивных врезок, что делает книгу более насыщенной и интересной. Очень понравилось, что церковь представлена не в той помпезности, как мы ее видим сегодня, а именно так, как оно в принципе и должно быть. Надеюсь, что данное произведение,

послужит подспорьем нашему подрастающему поколению в освоении истории наших предков и Российской империи. Спасибо автору и его помощникам, за проделанный колоссальный труд! От всей души желаю Вам интересных исследований и творческих успехов!»

*Инесса Соломонова,
главный редактор журнала
«Вопросы безопасности», г. Калининград*

ОТЗЫВ

на «рукопись» книги В.Н. Белова

«Вознесенская церковь села Кара-Елги и жизнь сельского духовенства второй половины XIX — начала XX века»

О подготовленной к изданию «рукописи» Белова В.Н. «**Вознесенская церковь села Кара-Елги и жизнь сельского духовенства второй половины XIX — начала XX века**» я узнал от своих троюродных братьев Анатолия и Петра Инюшевых, проживающих в Мурманске. И благодарен автору и своим братьям за предоставленную возможность прикоснуться к истокам жизни своих предков (по материнской линии), в то далекое и непростое время. Нас всегда интересовали различные документальные материалы об условиях быта наших бабушек и дедушек и все, что связано с их малой Родиной — селом Кара-Елга. Учитывая эти обстоятельства, наш совместный отзыв вряд ли может быть объективным, но мы постараемся.

Впервые В.Н. Беловым осуществлена попытка описания истории села Кара-Елги. По нашему мнению данная рукопись является блестящим результатом большой методичной работы, проделанной автором в историко-краеведческих исследованиях на тему, абсолютно точно сформулированную в ее названии. Вся история Вознесенской церкви села Кара-Елги, достаточно

полно изложенная автором от начала строительства до настоящего времени позволяет сопережить большой временной период и открыть для себя многие обстоятельства жизни жителей села и наших предков. Автор совершенно справедливо соединил историю этого храма с жизнью **сельского** православного духовенства. «**Невозможно говорить об истории отдельно взятого села, не затронув отдельной темой историю приходского храма села и его служителей**» и мы полностью согласны с этим утверждением автора. Для нас было открытием, что большинство сельских священнослужителей того времени не получали «жалования от казны», какими усилиями доставались им средства для существования и как сложно решались вопросы проживания. Ранее нам это представлялось иначе. При этом мы отчетливо понимали огромную роль, значимость и влияние сельского духовенства на жизнь крестьян. Список лиц духовенства с перечнем фактических событий безусловно позволяет сформировать свои представления и уважение к служителям алтаря Вознесенской церкви села Кара-Елги. С особым чувством радости мы восприняли этап сложного возрождения Храма и прониклись уважением к Василию Николаевичу Казакову — отцу Василию — настоятелю Вознесенской церкви в настоящее время. Дай Бог ему здоровья и долгих лет жизни! И сегодня действующая Вознесенская церковь по-прежнему остается визитной карточкой села Кара-Елги. Особый интерес вызывает информация о метрических книгах села Кара-Елги, к счастью сохранившихся до наших дней и доступных для ознакомления в Национальном Архиве Республики Татарстан г. Казани. Мы уверены, что эта рукопись не останется интернет-изданием, а будет издана одним из православных издательств и выйдет в свет приличным тиражом. Желаем от всей души автору дальнейшей реализации творческих замыслов и ждем продолжения истории села Кара-Елги.

*Анатолий и Петр Инюшевы, г.Мурманск;
Юрий Сергеев, г.Санкт-Петербург, сентябрь 2012 г.*

«Ваша книга ценна! В целом несомненна ценность краеведческих исследований! Именно такая деятельность (и книги) создает в наших душах светлый огонек! И Ваша книга полна внимательного тепла к нашим истокам и всеобъемлющей благодати! Исследовательская работа — сложный, но безумно интересный труд, тем более, если речь идет об изучении истории своего родного края. Подобные «погружения» дают нам сведения из прошлого, помогающие лучше понять самих себя. Работа Виктора Белова вызывает чувство большого уважения! Проведена колоссальная работа по пониманию того, кто есть мы (люди настоящего) через призму прошлого. Книга будоражит генетическую (подсознательную, духовную) память, откликается в сердце. Желаю автору вдохновения и новых творческих успехов! Благодарю Вас за доверие и терпение!».

Елена Ненашева,
редактор Издательского Дома
«Имидж-Медиа», г. Москва

«Должен сказать, что книга меня очень тронула. Считаю что Вы делаете большое дело — помогаете прикоснуться к истокам. К сожалению, потрясения, наполнившие российскую историю за последние сто лет, способствовали разрыву связи поколений — сегодня мы часто не знаем, как жили наши родители, не говоря уже о дедах. Этой связи нам очень не хватает. Посмотрите на Европу — вполне обычная картина, когда люди живут в том же самом доме, где жили их предки четыреста лет назад. Такие труды, как Ваш, такие подробности бытописания, которые не встретишь ни в одном учебнике истории, помогают нам восстановить эту связь поколений. Это то что я думаю, прочитав небольшой кусочек книги...».

Николай Дворецкий,
главный редактор журнала
«Директор по безопасности», г. Москва

*«Я продолжаюсь
Я путешествовую по временам:
Самозабвенно в архивах копаюсь,
Предков своих нахожу имена —
Вижу, как в прошлое я продолжаюсь.*

*Землю от предков наследую я,
С ней благочестье и веру приемлю,
И, возлюбив Бога, ближних и землю,
Я обретаю Ключи Бытия.*

*В нынешнем, прошлом и будущем дне
Вижу пред Вечностью я оправданье:
Вечности этой моё созиданье,
И поколений, живущих во мне...».*

В. Ситнов

От автора

Работа по поиску и обобщению сведений об истории Вознесенской церкви была начата мной в рамках более комплексной работы, которую ведет небольшая группа добровольных исследователей истории села Кара-Елги, проживающих в разных городах. Нас даже начали называть «инициативной группой». Все мы, так или иначе, связаны узами родства различной степени, объединяет же нас, кроме всего прочего, в первую очередь, желание не просто собрать какие-то конкретные факты. Это желание понять условия быта наших

предков, духовно-нравственную атмосферу, в которой они жили и растили детей. Истоки тех морально-психологических качеств, которые были заложены ими в наших дедушках и бабушках, родителях, и которые, безусловно, сохранились в нас самих.

Хотелось бы надеяться, что материал, собранный в настоящей книге, позволит получить хотя бы небольшое представление об истоках формирования качеств, о которых мы говорим.

Учитывая колоссальное значение и роль, которые играло православное сельское духовенство в жизни крестьянской общины в рассматриваемый временной период, невозможно говорить об истории отдельно взятого села, не затронув отдельной темой историю приходского храма села и его служителей. В настоящей книге мы затронем вопросы, касающиеся истории Вознесенской церкви села Кара-Елги, ее священно и церковнослужителей, их роли в жизни села. В ходе освещения указанных вопросов, думается, будут развенчаны некоторые мифы, бытующие, как это ни удивительно и по настоящее время, касающиеся повседневной жизни и служения православного духовенства, в особенности сельских священников в период, предшествовавший Октябрьскому перевороту и непосредственно после него.

Искренне Ваш В. Белов

Истоки

Говорить об истории отдельно взятой сельской приходской церкви дело, возможно и благодарное, но весьма не простое. Данных по отдельным церквям до середины XIX века практически не было. Об этом говорит даже известный историк — краевед XIX века Руф Гаврилович Игнатъев — автор статьи «Монастыри Уфимской Епархии», напечатанной в части 2 (Исторической) «Памятной книжки Уфимской губернии» в 1873 году, то есть во времена намного более приближенные к описываемым событиям, чем нынешние:

«Сказав о монастырях в настоящее время существующих в Губернии, обращаемся к приходским уездным церквям, заимствуя сообщаемые сведения из клировых ведомостей¹ благочиний за 1869 год, находящихся в Духовной Консistorии. При этом должно оговориться, что о времени построения церквей, судя по клировым ведомостям, нельзя найти бесспорные факты, потому что редко где встречается известие о прежде бывших церквях; если церковь сгорела или разрушена и на место ее выстроена новая, то в клировые ведомости уже вносят сведения о новой церкви, не упоминая о прежней. Чтобы иметь точные сведения о церквях, необходимо разве

¹ **Клировая ведомость** (списки лицам духовного ведомства) — документ о службе лиц духовного сословия. По закону считался актом, удостоверявшим состояние лиц духовного звания. Впервые они были введены в 1769 г. под названием «именных списков всем лицам духовного звания православного исповедания». Форма клировых ведомостей была установлена в 1829 г., а в 1876 г. была дополнена графой о собственных имущественных владениях духовного лица, а также его родителей и жены.

разобрать все церковные архивы и архив Духовной Консис­тории, где дела с 1800 года, как учредилась в Уфе епархия. Но Уфимская губерния по делам духовным переходила то к Казанской епархии, то Вятской, следственно о здешней цер­ковной старине нужно искать в Казани и Вятке, а между тем Казань неоднократно выгорала, и едва ли сохранились там в целости старинные архивы. В настоящем сведении о церк­вах, полагаем, современно важен теперь поднятый и правитель­ством и литературой вопрос — о средствах содержания цер­ковных причтов¹. Эти средства покуда кроме доходов с треб²

¹ **Причт** — состав лиц, служащих при какой-либо одной церкви (при­ходе): как священнослужителей (священник и дьякон), так и церковно­служителей (псаломщики и др.); в позднейшем словоупотреблении иногда означает только последнюю категорию лиц.

Причт каждой церкви образовывался по положенному для неё шта­ту, который составлялся консисторией и архиереем по просьбам при­хода и при непрременной наличности достаточных средств содержания для всех членов причта. На учреждение нового причта, а равно на изме­нения в его составе каждый раз испрашивалось архиереем разрешение Святейшего Синода. Содержание сельскому причту доставляли главным образом доходы за требоисправления у прихожан (разделяемые между членами причта по утверждённым Синодом правилам), земельная цер­ковная собственность, иногда — готовое помещение в церковных домах, жалованье (не во всех епархиях).

Право прихожанам избирать членов причта, как общее, отменено, но за прихожанами остается право заявления епархиальному епископу своего желания иметь известное лицо членом причта своей церкви.

² **ТРЕБЫ** — богослужения, совершаемые не ежедневно (т.е. не входя­щие в суточный богослужебный круг), а по их необходимости (по требо­ванию). Требы делятся на содержащие совершения таинств — крещение, миропомазание, венчание, исповедь, елеосвящение; и не содержащие — отпевание, панихида, постриг, различные молебны, освящение дома. ко­лодца и т.п. Совершителями треб являются священник или архиерей (за исключением крещения, которое в крайних случаях может совершаться мирянином). Чинопоследования треб содержатся в требнике.

и служения молебнов и т.п. состоят из весьма недостаточного жалования от казны, редко от помещиков. Те большею час­тью после 1861 года отказались, даже заводчики, от платы жа­лования причту, которое прежде до разрешения крепостного вопроса платили. Кроме жалования духовенство собирает по заведенному из-стари обычаю хлебную ругу с каждого семей­ства, что называется «ругой с венца» т.е. с мужа и жены. Для причта в большей части приходов есть дома, построенные на общественной или владельческой земле от сельских обществ и помещиков. От тех и других отводятся в пользование ду­ховенства пашенные земля и луга. Но есть церкви, которые ничего этого не имеют или имеют только дом для причта, а причт существует на одни доходы за требы и молебны. Значи­тельные доходы за молебны, составляющие почтенную циф­ру, пали только на долю церквей села Березовки и Табынско­го и отчасти села Богородского, — только духовенство этих 3-х церквей может считаться вполне обеспеченным.

В настоящее время уездные церкви разделяются на 11 благочиний¹; но теперь Святейший Синод нашел необходи­мым открыть еще 3 новые благочиния, о чем уже предло­жено Преосвященному сделать распоряжение. В 1871 году расписание церквей должно измениться. Теперь мы видим, что церкви в заведении иного благочинного состоят часто в 2 уездах. Кроме того обширность пространства благочи­

¹ **Благочиние (благочиннический округ)** — в Русской православной церкви — часть епархии, объединяющая группу приходов и церквей, на­ходящихся в непосредственной территориальной близости друг от друга. Возглавляется благочинным. Если территория епархии Русской церкви как правило совпадает с размером региона, то благочиние может совпа­дать, например, с размером района. Однако некоторые епархии не имеют благочиний.

ний лишает возможности надзора, так например в ведении 2 благочинного Мензелинского уезда (**В состав которого как раз и входила Вознесенская церковь села Караилга — В.Б.**) священника села Акташ пространство на 300 верст. Благочиние Белебеевского уезда простирается на Восток — 80 верст, на запад — 40 верст, на Север — 150 верст и на Юг — 60 верст. По новому распределению здесь должны быть 2 благочиния.

Приходы, т.е. приходские деревни часто бывают отдалены от церкви на 10, 15 и даже 20 верст, редко бывают деревни 3 или 4 версты, в особенности разбросаны приходы единоверческих церквей, где прихожане, живя посреди раскольников, потом часто и сами сворачиваются в раскол. Все это конечно произошло от исторических причин: церквей было мало, а православное население не вдруг, а постепенно, стало возникать среди нехристианских инородческих племен. Теперь и число православных жителей и число церквей год от году увеличивается».

Таким образом, сообщаемые в настоящем разделе сведения были собраны лишь из доступных источников, до архивов же Духовной Консистории добраться нам пока, к сожалению, не удалось, в частности и по причинам, изложенным автором вышеприведенной статьи. Хотя, как знать, возможно, когда-нибудь дело дойдет и до них.

Пока же известные сведения о Вознесенской церкви заключаются в следующем:

До построения каменной церкви в селе стояла церковь деревянная. Где именно она стояла, точных сведений нет, и лишь совокупность некоторых отрывочных данных позволяет предположить, что стояла она не на том самом месте, где была построена каменная. Было ей, думается, не менее 100

лет, то есть с достаточной долей уверенности можно (пока только предположительно), сказать, что в середине XVIII века церковь в селе имелась.

О времени постройки каменной церкви различные источники сообщают, что строительство продолжалось в период с 1860 по 1867 год, в котором она и была освящена. Таким образом, основное строительство велось под наблюдением настоятеля церкви священника Арсения Васильевича Желвицкого, принявшего приход в 1862 году. Церковь, по имеющимся данным, строилась на средства местного землевладельца генерал-майора артиллерии Гриви, имение которого «Отрадное», находилось в нескольких верстах от Кара-Елги, близ деревни Шумыш, относящейся к приходу Вознесенской церкви, а также на средства прихожан.

Как и большинство приходских церквей, Вознесенская церковь строилась «всем миром». Прихожане — жители Кара-Елги и окрестных деревень, относящихся к приходу, — Шумыша, Савалеево, Утяшкина, не ограничиваясь пожертвованиями, сами активно участвовали в строительстве. Имеются данные о том, что многие жители Кара-Елги славились как каменщики далеко за пределами села. Народная память жителей сохранила свидетельства того, что даже дети принимали посильное участие в строительстве новой церкви. Так, мой прадед Роман Евлампиевич Чугунов (10-ти лет от роду) вместе с двоюродным братом Данилой ежедневно объезжал на лошади все село, собирая куриные яйца для замеса раствора на строительство. Найденные мной исторические материалы в источниках 1870–1890-х годов о строительстве других приходских церквей в Мензелинском уезде свидетельствуют о том, что имевшаяся в те годы практика предполагала, что «наряд на строительство» жители получали не только на

добровольной, но и на добровольно-принудительной основе. Конечно, следили за этим и обязывали исполнять этот «наряд» не представители духовенства, а сами крестьяне — представители сельской общины, в частности церковные старосты, которые избирались «миром» на сходе каждые три года и утверждались в должности епархиальным архиереем.

По окончании строительства в 1867 году новая церковь была освящена Епископом Уфимским и Мензелинским Филаретом (см. фото 1 прил. № 6)¹. Несмотря на то, что мне не удалось разыскать конкретных свидетельств об освящении именно Вознесенской церкви, но обнаруженные материалы близкого к тому времени (освящение новостроенных церквей в 1870–1880-х годах) однозначно свидетельствуют о том, что, без сомнения, это было знаковым Событием с большой буквы, как для прихожан, так и для духовенства. Как правило, собирались все прихожане села и окрестных деревень (а применительно к приходу тех лет это было ни много ни мало — более 2000 человек), обязательно присутствовало

¹ Филарет (Мальшевский) (1807—1873), епископ.

В миру Мальшевский Фома Федорович, родился в 1807 году в селе Рогине Рогачевского уезда Могилевской губернии в семье униатского священника. С 1836 года состоял членом Литовской духовной консистории. 15 июля 1837 года был возведен в сан протоиерея. 15 сентября 1837 года был вторично назначен в Полоцкую духовную семинарию на должность инспектора и профессора библейской и церковной истории и нравственного богословия. Вскоре после Полоцкого Собора, провозгласившего присоединение униатов Российской империи к Православию, 6 марта 1839 года был принят в общение Православной Церкви. 13 сентября 1860 года был назначен епископом Уфимским и Мензелинским. С 1864 года — присутствующий в Святейшем Синоде. 28 февраля 1869 года был переведен епископом Нижегородским и Арзамасским. Скончался 7 февраля 1873 года. Был погребен в Нижегородском Преображенском соборе.

Уездное духовное руководство и руководство благочинного округа, к которому относился приход, представители светского волостного и уездного начальства. Практически никогда подобные события не обходились без награждения настоятеля новопостроенной церкви, и для молодого священника Арсения Васильевича Желвицкого, которому на тот момент шел 27 год это событие наверняка было одним из самых знаменательных.

В части второй «Памятной книжки Уфимской губернии за 1873 год» был опубликован список приходских церквей Мензелинского уезда Уфимской губернии, благодаря которому нам и стали известны некоторые сведения о Вознесенской церкви тех лет. Под пунктом 79 изложена следующая информация:

ного 20 вер.
79) Вознесенія Господня, въ с. Караилгѣ, каменная; освящена въ 1867 году.
Причта: священникъ и 2 причетника, безъ жалованья отъ казны; есть дома для причта.
Прихожанъ, въ с. Караилгѣ, дер.: Савалеевой, Шумышъ и Утямкиной, — государственныхъ крестьянъ — 341 дв., — 1045 м. и 1180 ж. Училище съ 1861 г.; въ 1869 г. было 7 мальч. Церковь отъ г. Уфы въ 300, — благочиннаго 10 вер.

«п.79. Вознесения Господня, в с. Караилга, каменная. Освящена в 1867 году. Причта: священник и 2 причетника, без жалования от казны. Есть дома для причта. Прихожан, в с. Караилга, деревнях Савалеевой, Шумыш и Утямкиной — государственных крестьян 341 двор., — 1045 муж. И 1180 женщ. Училище с 1861 года. В 1869 году было 7 мальч. Церковь от г.Уфы — 300 верст, благочинного (в селе Акташ — В.Б.) — 10 верст.»

Итак, мы видим, что через пять лет после освящения приход Вознесенской церкви составляет 2225 прихожан, проживающих в основном в четырех населенных пунктах: селе Караилга, деревнях Савалеево, Шумыш и Утямкиной (совре-

менное название — Утяшкино). В Метрических книгах Вознесенской церкви (О которых мы обязательно поговорим отдельно) за те годы часто встречается регистрация прихожан деревни Камышинка, которая здесь не указана, возможно в силу своего небольшого размера. В любом случае, общее количество прихожан составляло даже более той цифры, которую мы указали выше.

На размышления наводит информация о том, что причт Вознесенской церкви: священник и 2 причетника — псаломщик и дьякон, содержится без жалования от казны. Помним, что в статье Р.Игнатьева, отрывок из которой приведен в начале раздела, говорилось о том, что причты сельских приходских церквей содержались зачастую лишь на средства от доходов с треб и служения молебнов (ну и «руги с венца» — см. выше), а также весьма недостаточного жалования от казны. В данном же случае мы видим, что жалования от казны причту Вознесенской церкви вовсе не установлено. При этом в соседних приходских церквях жалование причту установлено в размере 168 рублей в год (в некоторых и того меньше — 122 рубля). Например, причту церкви Казанской Богородицы в селе Поручиково, с количеством прихожан 1445 человек. В другом соседнем селе — причту церкви святого Николая Чудотворца в селе Онбии с числом прихожан (в с.Онбия и деревне Чебуклы) 1054 человека, то есть вдвое меньше чем в Кара-Елге, вновь устанавливается содержание «без жалования от казны». То есть ни прямая, ни обратная пропорция не позволяет с уверенностью предположить, — по какому же принципу епархиальное начальство устанавливало, кому и в каком размере платить жалование от казны. Буду благодарен, если кто-либо из читателей выскажет свои соображения по данному поводу.

Думаю, будет небезынтересно узнать, сколько же указанное «жалование» составляло в так сказать «продукто-вещевом» выражении. Для начала давайте посчитаем, какая доля приходилась на каждого члена причта. Чуть забегаая вперед, можно сказать, что спустя 30 лет, в 1903 году жалование платилось уже всем причтам в размере 300 рублей в год — священники и 100 рублей — причетнику (Иногда — 380 и 120 рублей соответственно). По аналогии сумма в 168 рублей в год, скорее всего и распределялась таким же образом: 126 рублей священнику и 42 рубля в год причетнику (несмотря на то, что в Кара-Елге был установлен штат в 2 причетника, как правило, обязанности, возможно в целях экономии, исполнял один — либо псаломщик, либо дьякон). Соответственно, следуя привычной нам помесечной оплате труда, ежемесячная оплата священника составляла 10 рублей 50 копеек, а причетника — 3 рубля 50 копеек (напомним, — там, где таковое жалование вообще имело место быть!). Ну и для сравнения приведем цены на основные продукты питания и вещи, действовавшие в рассматриваемые (начало 1870-х) годы.

Пуд (16 кг) пшеничной муки — 86 коп.
 Пуд крупы перловой — 3 руб. 50 коп.
 Огурцы свежие (сотня) — 4 рубля.
 Огурцы соленые (ведро) — 40 коп.
 Капуста свежая (100) вилок — 2 руб. 75 коп.
 Лук репчатый (100 головок) — 22 коп.
 Курица живая — 37 коп.
 Курица колотая — 33 коп.
 Сено (пуд) — 11 коп.
 Солома (воз) — 55 коп.

Картофель (пуд) — 30 коп.
 Индейка — 1 руб. 14 коп.
 Яйца (100 шт.) — 1 руб. 38 коп.
 Молоко (ведро) — 1 руб. 35 коп.
 Масло коровье (пуд) — 4 руб. 53 коп.
 Рыба свежая стерлядь (пуд) — 11 руб. 50 коп.
 Рыба свежая судак (пуд) — 5 руб. 25 коп.
 Рыба свежая налим (пуд) — 3 руб. 40 коп.
 Соль молотая — 1 руб.
 Свечи стеариновые (пуд) — 11 руб. 20 коп.
 Воск желтый (фунт) — 72 коп.
 Светильная лампа — 20 коп.
 Веники (пара) — 2,5 коп.
 Шерсть русская (пуд) — 11 руб. 40 коп.
 Холст рубашечный (аршин) — 12 коп.
 Чернила канцелярские (штоф) — 50 коп.

Исходя из представленной информации (по состоянию на 1874 год) каждый желающий может с калькулятором в руках посчитать, сколько и чего мог приобрести священник и причетник, которым посчастливилось получать «жалование от казны». Напомним: у Арсения Васильевича Желвицкого и причетников Вознесенской церкви, служивших в это время, — не было и этого.

Как зачастую доставались средства на жизнь священникам «без жалования от казны», замечательно иллюстрирует рассказ сельского священника одной из приволжских губерний (предположительно — Самарской или Уфимской), напечатанный в одном из выпусков издания «Русская старина» в конце 1870-х годов (действие происходит в начале 1860-х годов):

«После чаю я пошел по селу славить. Идти в одном теплом кафтане было холодно, а шуба моя, хоть и теплая, но страшно тяжелая. Я пошел в шубе. Пришлось, из двора во двор, лазать по сугробам. Местами по колени. Я измаялся, шубу измочил. Но к вечеру все-таки прошел все село. Ходить было трудно невыносимо; но не в пример тяжелее того была нравственная пытка, которую терпишь при этом. Приходишь в дом. Помолишься, пропоешь, дашь приложиться к кресту и стоишь. Мужик-хозяин не торопясь полезет в карман. Не торопясь вынет оттуда кожаный мешочек, бессмысленно посмотрит на него, не торопясь начнет рассматривать и развязывать кожаный ремешок, засунет в мешок руку, начнет перебирать там деньги и, наконец, не торопясь вынет и подаст грош. Что чувствуется в то время, когда мужик возится со своим мешком, а ты стоишь. Смотришь и ждешь, — так это не передаваемо. Чтобы понять это, нужно иметь порядочное образование и то безвыходное и безнадежное состояние, в которое поставлены мы. Но до такого состояния — не дай Бог никому!... В этот день я набрал около полутора рубля медью (43 копейки). Домой пришел я поздно вечером. Совершенно обессиленный, голодный, изломанный, мокрый и почти без памяти... Отдохнувши немного я решил не ходить по деревням. А их у меня было девять (!). Думаю: моя шуба стоит дороже того, что я могу собрать — не пойду! Но потом: да чем же мы с женой будем существовать? Ведь у нас нет ни угла, ни хлеба. Ни соли, ни чашки, ни горшка — ровно ничего. А ведь все это надобно покупать. А на какие средства покупать? Люди мы брошенные совершенно на произвол судьбы... Надобно идти! Но, может быть, без всего этого можно будет пока обойтись? Чаю и хлеба на неделю хватит, а там. Может быть случится какой нибудь

доход — побольше крестин, похороны... Ну, а если не будет ничего, тогда что? Может случиться и это. Надобно идти.»

Думаю, что для общего понимания необходимо несколько слов сказать и о территориально-административном делении по религиозно-духовному ведомству, которое имело место в рассматриваемый временной период (с конца 1860-х годов и до 1917 года).

Так, Уфимская и Мензелинская Епархия включала в себя пять уездных Благочиннических округов — Уфимский, Бирский, Белебеевский, Златоустовский и Мензелинский, каждый из которых, в свою очередь, делился на ряд благочиннических округов. Все округа были абсолютно разными как по обживаемой территории, так и по количеству приходов. Так, например, 1-й благочиннический округ Златоустовского уезда включал в себя лишь 4 прихода. Самым большим и территориально (вновь можно сослаться на статью Р.Игнатьева, который пишет, что в ведении священника села Акташ — 300 верст) и по количеству приходов был как раз 2-й благочиннический округ Мензелинского уезда, к ведению которого и относился приход Вознесенской церкви села Кара-Елги.

По состоянию на 1876 год, Благочинным Мензелинского уезда являлся протоирей Мензелинского Николаевского собора Павел Петрович Желателев. Его помощник и благочинный первого округа — священник села Мысовых Челнов Алексей Петрович Алфеев.

Второй благочиннический округ Мензелинского уезда на указанный год включал в себя Благочинного, которым являлся священник села Акташ, Исаак Семенович Миролубов. В ведении благочинного находились приходы, расположенные

в селах: Акташ, Новотроицкое, Новоникольское, Александровка, Ляки (Петропавловское), Налим, Слобода Александровская, Заинск, Алексеевка, Токмак, Лебяжье, Сухарево, Уратьма, Поручиково, Кара-Илга, Омбия (ныне — Онбия), Малыклы, Багряш, Старая Елань, Буты. Таким образом, в округ входило 20 приходов!

Следует отметить, что административным центром благочиннического округа являлся тот населенный пункт, священник церкви которого назначался на должность благочинного. Соответственно территориально он довольно часто менялся. Таким образом, как было сказано выше, в 1876 году Благочинным являлся священник церкви села Акташ (расположенного в 10 верстах от Кара-Елги), в 1878 году — Благочинным второго округа назначается священник села Новоспасского Дмитрий Семенович Суздальский, позднее, в разные периоды времени, Благочинными являлись священники сел Буты, Старая Елань, пригорода Заинска и т.д. Ведением дел благочинного округа занимался благочинный совет, в который входили, кроме благочинного, его помощник, член благочинного совета (один из священников церквей, входящих в округ) и духовно-судебный следователь.

Например, в 1882 году в состав благочинного совета 2-го благочинного округа Мензелинского уезда входили:

- Благочинный, священник села Буты Владимир Евфимиевич Фелицин.
- Помощник благочинного Протоирей села Акташа, Исаак Семенович Миролубов.
- Член благочиннического совета Протоирей села Новоспасского Дмитрий Семенович Суздальский.
- Духовно-судебный следователь Священник села Малыклов Николай Семенович Надеждин.

Исторической справедливости ради следует отметить, что сведений о том, что центр благотворительного округа когда либо находился в Кара-Елге, не нашлось.

Вознесенская, как и любая иная сельская приходская церковь, являлась для села не просто православным храмом, а, фактически, центром и духовной, и светской, и культурной, и просветительской жизни села Кара-Елга и его жителей. Никогда не оставалась она в стороне и от значительнейших событий, происходивших в стране. В период русско-турецкой войны 1877-1878 годов Уфимский комитет для попечения о вдовах и сиротах, убитых на войне, учрежденный 28 сентября 1877 года, выпустил приглашение к пожертвованиям, написанное его председателем — Екатериной Петровной Бестужевой. Это приглашение, отличающееся искренней теплотой и сердечностью, свойственной истинно русской женщине, горячо любящей свое отечество, согласно предписанию Уфимского Епископа было распространено по всем приходам Епархии. Нет сомнений, что оно висело и на дверях Вознесенской церкви села Кара-Елги.

Текст его я решил привести, практически в полном виде:

«Всем известно, что в настоящее время наши братья — воины, исполняя свой гражданский долг, сражаются за отечество и падают тысячами.

Вообразим себя в положении воина, пораженного на смерть. Вот он еще имеет несколько томительных мгновений сознания, перед его окончательною потерей... «Конечно!... расчет с жизнью окончен... Боже!... там, на далекой родине, дорогое существо — жена, ранняя вдова, горемычные сироты — дети... Тебе, Отец Небесный, Их поручаю.... По-

кидаю их Царю — Отцу — Отечеству и Матери — России, за которых я умираю!...»

Заметьте, это к нам обращены такие предсмертные заветы; к нам обращены теперь тысячи таких, никем, кроме Бога, неслышимых, но несомненных, предсмертных завещаний наших братьев — воинов, умирающих на поле брани.

Кровь, проливаемая ими, вопиет на небо о милосердии. А к нам — о сердоболости к их вдовам и сиротам.

Заметьте: Россия — это мы с Вами — живые люди, а не географическое название! Это за нас теперь, за Россию, проливается кровь этих доблестных людей.

Жертвуя своей жизнью, полагая душу свою за нас — выше этой жертвы — по слову Христа — они принести не могли, как и никто не может.

В замен этого, — в ничтожной замене, нам, нашей признательности, нашей любви, нашему родственному попечению завещаны ими эти преждевременные, горемычные вдовы их и сироты! Мы уже не воротим им их героев — мучеников, мужей и отцов; не воротим их кровных ласк, любви, нежной попечительности, которых ни на какие деньги не купить, никаким способом искусственным не создать!... Воротим же этим несчастным, что можем, что мы в силах дать: заботу об их благосостоянии, о пропитании. О пристанище и воспитании детей — сирот, об устройстве их судьбы.

Мы можем, мы обязаны это сделать!...

Обязаны не из одного только чувства долга и признательности, но и из чувства родственной любви.

Все эти вдовы, эти сироты — наши! Нам не чуждые! Наши родные! Свои!... Мы для них отечество! Мы для них — Мать — Россия, за которую мужья и отцы их отдали свою жизнь.

Мы обязаны им отеческим попечением, материнскою ласкою.

Горе — разделенное — половина горя, или даже того меньше.

Обращаемся ко всем жителям здешнего края, ко всем народностям и вероисповеданиям, ко всем сословиям, званиям и состояниям.

Помогите нам все, добрые люди!

Обращаемся к дворянству, которое всегда, во всяком патриотическом деле, идет впереди, предводительствуя народом.

Купечество, всегда готовое на обильные жертвы отечеству, вероятно не откажется помочь нам.

Обращаемся к сельскому населению, которое сильно не богатством своим, но численностью: пусть они помнят русскую поговорку: «С миру по нитке — голому рубашка».

Обращаемся к православному духовенству, прося его помочь нам делом и, особенно, словом своим духовным, которое до сих пор всегда находило доступ к сердцу нашего христолюбивого народа; тем более, что попечение о вдовах и сиротах всегда было особенным призванием христианских пастырей.

Обращаемся к мусульманскому духовенству, прося его объявить нашим мусульманским соотечественникам, что наш комитет обязан пецись о вдовах и сиротах. Павших на поле брани воинов, мусульманских столько — же, сколько и христианских.

Всех граждан Уфимского края приглашаем записываться в члены нашего комитета, извещая, что на звание члена дает право внести и эту сумму — пусть жертвует на общее благо, святое дело — кто чем может — «всякое деяние благо!».

Невозможно представить, что большинство караелжцев не откликнулись на это искреннее воззвание, тем более, что наверняка не один из них принял участие в этой войне. Точно знаем мы — вернулись не все! Не понаслышке знали караелжцы и положение вдов и сирот, — в записях Метрических книг начала 1880-х годов постоянно встречаются записи о «солдатских вдовах», «сын (дочь) убитого солдата» и т.д.

Прежде чем продолжить рассказ о значении сельского духовенства в жизни села и обстановке, в которой приходилось ему осуществлять свою неизмеримо тяжелую миссию, несколько отвлечемся от повествования и вспомним о тех священно и церковнослужителях Вознесенской церкви, о которых нам удалось найти какие-либо сведения.

Священно-церковно-служители Вознесенской церкви села Караилги

Кратко, в силу скудности имеющихся сведений, рассмотрим вопрос об истории возникновения самой церкви в селе, остановимся на конкретных ее служителях и той информации, которой мы по ним располагаем.

Имеющиеся сведения опять же в силу неполноты информации, в ряде случаев не последовательны или отрывочны, однако это не лишает их той исторической значимости, которая важна для понимания и дальнейшего изучения истории села. Особенно же они важны для того, чтобы в восстановленной Вознесенской церкви в поминальных молениях звучали имена конкретных людей, которые в тяжелейших условиях несли Слово Божие пастве, которую составляли наши предки — жители села Кара-Елги.

Итак, постараемся назвать их поименно.

1. Священник отец Тиховидов

Предположить, что до начала 60-х годов 19 века служителем Вознесенской церкви, тогда еще деревянной, был отец Тиховидов, позволила запись из Метрической книги от 29 июня 1884 года, согласно которой скончалась «священническая вдова Александра Афанасьевна Тиховидова, 58 лет. Погребена в церковной ограде». Известно, что сельские священнослужители исключительно редко служили в приходах сел, которые являлись местом их рождения, а назначались к месту службы распоряжениями Оренбургского, а затем, с 1865 года, Уфимского епархиального руководства. Переме-

щались они к месту службы, конечно с семьями. И то, что вдова похоронена в селе Караилга, однозначно указывает на то, что и сам батюшка скончался в селе, во время служения, в период не позднее 1863 года, причем учитывая возраст его супруги (ориентировочно 1825–1826 г.р.) в достаточно молодом возрасте.

Я бы рискнул высказать еще одно предположение. В «Книге памяти республики Татарстан» имеются сведения о Тихомирове Иване Павловиче, родившемся в 1860-м году в с. Кара-Елга, русском, священнике, который был арестован в августе 1920 года за «выступления против Советской власти» но отпущен под подписку о невыезде. В Интернете имеется небольшая информация о том, что он якобы служил на момент ареста в караелжской церкви. По всей вероятности этот вывод был сделан на основании, опять же, записи в «Книге памяти», согласно которой он «Проживал: Заинский р-н, с Кара-Елга». Однако в иных, изученных мной источниках, подтверждения этой информации я не нашел, как отсутствует информация и о его служении в Вознесенской церкви в более ранние годы. Это дает право предположить, что, скорее всего, если он и проживал в 1920 году в Кара-Елге, то находился уже «на покое».

Так вот, я бы высказал предположение, что имеется вероятность того, что Иван Павлович являлся сыном священника Тихомирова и Александры Афанасьевны (что по предполагаемым годам их рождения и служения в церкви вполне укладывается во временные рамки), а в фамилии «священнической вдовы» записанной в Метрической книге, просто допущена ошибка (или ошибка в «расшифровке» рукописной записи). Если это мое предположение верно, то священника, служившего в Вознесенской церкви ориентировочно до 1862 года, звали отец Павел Тихомиров.

2. Арсений Васильевич Желвицкий

Про батюшку Арсения Желвицкого мы можем сказать уже более определенно и уверенно, хотя сведений о нем самом и о его семье так же весьма недостаточно. Он, как и подавляющее большинство священнослужителей того времени, являлся представителем большой династии священно-церковно-служителей. О служивших представителях этой фамилии мы упомянем чуть ниже. Имеется информация, что он родился в 1841 году и в 1864 году закончил Уфимскую духовную семинарию. Не исключено, что корни рода Желвицких идут из Тамбовской губернии, так как именно туда несколько раз Епархиальное начальство «увольняло в отпуск» Арсения Васильевича.

Годы его служения настоятелем Вознесенской церкви села Караилги я бы определил ориентировочно с середины или конца 1862 года по 1889 год. Это значит, что вероятнее всего, оканчивал он семинарию уже будучи рукоположен в священнический сан и назначен к служению в приходе, хотя в те годы это и не практиковалось. Служение его началось в новостроящейся Вознесенской церкви и бесспорно первые годы его служения, с 1863 по 1867 год, когда строительство церкви было закончено и состоялось ее освящение, были связаны с каждодневными заботами как духовного, так и строительно-хозяйственного характера. Столь продолжительное служение (почти 30 лет) в одном приходе говорит о том, что именно этот батюшка оказал существенное влияние и на развитие самого села и на духовное, нравственное, культурное и просветительское развитие не одного поколения караелжцев.

В период служения в селе Караилге, А.В.Желвицкий был награжден скуфьей¹. Есть предположение, что перевод о.Арсения, состоявшийся в октябре 1889 года, был связан с жалобами на него местного землевладельца Генерал-майора артиллерии Гриви. И не смотря на то, что основательность жалоб была проверена лично епископом Уфимским и Мензелинским Дионисием, посетившим Караилгу в июне 1889 года и нашедшим, что они не имеют под собой никакого основания, Консистория, куда были переданы жалобы, все-таки удалила А.В.Желвицкого от прихода. Он был переведен «на священническое место к Свято-Троицкой церкви с. Шильны того же (Мензелинского — В.Б.) уезда²».

С момента перевода и до апреля 1908 года о. Арсений служил священником указанной церкви и также же неоднократно поощрялся епархиальным начальством. Так в 1897 году он был награжден камилавкою³, а в 1905 году — наперстным крестом⁴. Упоминание об Арсении Васильевиче обнаружено

* Священник, Троицкой церкви села Шильны, Мензелинского уезда, Арсений Желвицкий, согласно прошению, Епархиальным Начальством уволен из Тамбовской губернии, сроком от 1 июля вперёд на один месяц.

¹ Уфимские епархиальные ведомости, 1882 г., № 29, с. 267; **Скуфья** — головное покрытие православного священника, жалуемое ему начальством как награда, почему она носится не только в общезжитии, но и во время богослужения (снимается обязательно лишь в более важные моменты священнослужения). (Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона).

² Уфимские епархиальные ведомости, 1889 г., № 23.

³ Уфимские епархиальные ведомости, 1897 г., № 11, с. 435; **Камилавка** — головной убор в Православной церкви фиолетового или чёрного цвета в виде расширяющегося кверху цилиндра, является также наградой для священников.

⁴ Уфимские епархиальные ведомости, 1905 г., № 11, с. 783.

мною в Выпуске № 13 (от 1 июня 1904 года) Уфимских Епархиальных Ведомостей, где в официальном отделе размещена информация о том, что *«Священник Троицкой церкви села Шильны, Мензелинского уезда, Арсений Желвицкий, согласно прошению, Епархиальным начальством уволен в Тамбовскую губернию сроком от 1 июля впредь на один месяц»*.

В апреле 1908 года А.В.Желвицкий, по его прошению, перемещается в село Старая Мазины Мензелинского уезда, где прослужив еще чуть более года, в июне 1909 года, опять же по его прошению в 68-летнем возрасте увольняется за штат.

Супругу Арсения Васильевича звали Екатерина Алексеевна. Достоверно известно о трех сыновьях А.В.Желвицкого — Александре, Петре и Николае.

Александр Арсентьевич Желвицкий, в 1883 году обучался в Уфимском епархиальном мужском училище. В 1891 году посвящен в стихарь и утвержден в должности псаломщика Троицкой церкви с.Новотроицкого Мензелинского уезда. В 1903–1907 гг. А.А.Желвицкий служит дьяконом сначала в с.Федоровка Стерлитамакского уезда Уфимской епархии, а затем с. Покровского-Дурасова того же уезда. С 1907 по 1909 год он служит в должности псаломщика-дьякона Казанско-Богородского собора г.Стерлитамака, а 2 августа, по выходу его отца А.В.Желвицкого на покой, Александр Арсентьевич «Его Преосвященством рукоположен в сан священника с назначением на священническое место в с. Старо-Мазино Мензелинского уезда»¹. В 1916 году он «для пользы службы» перемещается на священническое место в с.Маткауш того же

уезде, где и служит до 1917 года после которого сведений мы, к сожалению не имеем.

Сын его, (соответственно — внук о. Арсения), по имеющимся сведениям, в 1903-1914 годах обучался сначала в Уфимском епархиальном мужском училище, а затем в Уфимской духовной семинарии, которую и окончил в 1914 году¹. В качестве священника он числится в списках членов Уфимского епархиального комитета православного миссионерского общества².

Второй сын Арсения Васильевича — **Петр Арсентьевич Желвицкий**. Родился 23 сентября (по старому стилю) 1869 года в селе Кара-Елга. Запись в Метрической книге Вознесенской церкви (Национальный архив РТ, Фонд 4, Описание 153, Дело 303):

«23 сентября. Петр. Родители: села Караилги священник Арсений Желвицкий, его законная жена Екатерина Алексеева. Восприемники: села Акташ священник Иоан Семенов Миролюбов, священника села Токмак Алексия Тиховидова дочь девица Анна».

В 1883 году окончил Уфимское епархиальное училище. В 1886 году был определен псаломщиком в Саткинский завод Златоустовского уезда Уфимской губернии, откуда в 1889 г. был переведен на ту же должность к Христорожденской церкви Кусинского завода того же уезда. В 1897 году был по его прошению переведен на должность дьякона Никольской церкви села Николаевки Стерлитамакского уезда и в этом же году — в село Покровское-Дурасово этого же уезда. В 1900-

¹ Уфимские епархиальные ведомости, 1909 г., № 17, с. 778.

¹ Уфимские епархиальные ведомости 1903 г., № 13, с. 150; 1905 г., № 12, с. 572; 1909 г., № 13, с. 592; 1912 г., № 13, с. 548; 1914 г., № 13, с. 150.

² Уфимские епархиальные ведомости, 1915 г., № 24, с. 1020.

1901 г. П.А.Желвицкий служит в Христорожественской церкви Усть-Катавского завода Уфимского уезда. В 1901 г. Петр Васильевич переводится на должность дьякона Успенского собора г.Уфы, и в этом же году — в Мензелинский Никольский собор, в 1903-1916 годах он служит сначала в пантелеймоновской церкви с.Симбугина Уфимского уезда, а затем в селе Иваненкова, Белебеевского уезда, где П.В.Желвицкий и скончался 6 февраля 1916 года. Супругу его звали Марией Тимофеевной Желвицкой¹.

Третий сын Александра Васильевича — **Николай**, родился в 1873 году в Кара-Елге, где и скончался в 7-летнем возрасте 4 июля 1880 года от золотухи.

Известно так же, что у Арсения Васильевича была дочь, по имени Клавдия (записана восприемницей крестьянского младенца в мае 1889 года). Кроме имени иных сведений о ней обнаружить не удалось.

Упоминания об иных представителях этой династии встречаются в различных источниках в период, начиная с 1860-х годов и до 1917 года. Так в 1882-83 годах дьяконом, состоящим на должности псаломщика Богородицкой церкви села Поручикова Мензелинского уезда, служил Аркадий Дмитриевич Желвицкий. В источниках этого же года имеются данные о священнике Василии Дмитриевиче Желвицком, служившем помощником настоятеля церкви села Новоселовки 2-го благочинного округа Бирского уезда Уфимской

¹ Уфимские епархиальные ведомости, 1983 г., № 14, с. 464; 1886 г., № 20, с. 634; 1889 г., № 11, с. 594; 1895 г., № 17, с. 544; 1897 г., № 16, с. 588; 1897 г., № 19, с. 703; 1900 г., № 2, с. 21; 1901 г., № 6, с. 326; 1901 г., № 14, с. 836; 1903 г., № 4, с. 226.

губернии. Позднее, в 1891 году, этот же Василий Дмитриевич Желвицкий перемещен на служение в новостроящуюся церковь сельца Казанцева 1-го благочинного округа Бирского уезда. Согласно Епархиальному распоряжению от 15 декабря 1904 года: «**Защитный священник Василий Желвицкий, согласно прошения, резолюцией Его Преосвященства на 20 ноября с.г. допущен к исполнению обязанностей псаломщика к церкви села Шарана, Белебеевского уезда**». Запись 1897 года гласит о том, что учителем Ново-Тепляковского училища Бирского уездного земства является Михаил Аркадьевич Желвицкий. В источниках 1904 года находим данные о том, что дочь священника Павла Желвицкая исполняет обязанности учительницы при Тастубинском сельском одноклассном начальном женском училище. Есть и иные данные о представителях этой фамилии служивших на различных должностях в духовных и мирских учреждениях Уфимской губернии. Но, пожалуй, названными и ограничимся.

3. Платон Павлович Сильванов

В 1860-х (возможно и ранее) — 1870-х годах служил в Вознесенской церкви пономарем. Скончался в Кара-Елге 28 июля 1884 года в 71-летнем возрасте¹, где и похоронен. Иных сведений, к сожалению не имеем.

4. Василий Еварестов

Представитель священнической фамилии, многие из носителей которой служили в Уфимской епархии. Начало служения в Вознесенской церкви в качестве дьячка относится

¹ Метрическая книга по Вознесенской церкви за 1884 г. (НА РТ Ф.4 Оп.166 д.63).

не позднее, чем к 1871 году, позднее служил в качестве исполняющего должность псаломщика (1875 год), еще позднее — дьяконом. Окончание службы (с чем оно связано выяснить не удалось), относится к началу октября 1881 года.

5. Николай Евлампиев

Известно лишь, что в 1871 году некоторое время (точно период службы установить не удалось) служил помощником настоятеля Вознесенской церкви, священником. Иными сведениями не располагаем.

6. Афанасий Ермолаевич Ермолаев

Исключительно мало сведений о священнике, помощнике настоятеля Вознесенской церкви отце Афанасии Ермолаевиче Ермолаеве. С достоверностью мы можем сказать, что служил он в качестве второго священника, вместе с Арсением Васильевичем Желвицким, в течение примерно семи лет с 1884 по 1891 год. Официальные записи говорят именно о том, что в этот период в Вознесенской церкви служило два священника. Полученная информация позволяет с достаточной уверенностью предположить, что из Кара-Елги он был перемещен в церковь села Налим 2-го благочинного округа Мензелинского уезда, где и служил в качестве священника как минимум до 1917 года. Сведения о дальнейшей судьбе или родственниках А.Е.Ермолаева отсутствуют. Мы знаем лишь о том, что супругу Афанасия Ермолаевича звали Ириной Ефимовной и у них была, как минимум, одна дочь Вера, родившаяся 17 сентября (по старому стилю) 1885 года и сын Александр, родившийся 16 августа 1887 года.

7. Александр Васильевич Малиновский

Служил с начала октября 1881 года по 1884 год исполняющим должность псаломщика Вознесенской церкви села Кара-Елги. Известно лишь, что он являлся также представителем династии священнослужителей, поскольку имеется достаточно упоминаний о служителях этой фамилии по духовному ведомству Уфимской губернии. Так же установлено, что супругу Александра Васильевича звали Евдокия Ильинична.

8. Иван Сацедотов

Служил псаломщиком при помощнике настоятеля Вознесенской церкви с 1884 года до (ориентировочно) 1888 год. Супругу звали Марией Степановной. Известно о двух детях рождавшихся в Кара-Елге в этот период: дочь Анна, 3.07.1885 года рождения и сын Иван, 15 мая 1887 года, скончавшийся в возрасте 3,5 месяцев от поноса.

9. Иван Веселицкий

В середине 1880-х годов некоторое время служил псаломщиком при настоятеле Вознесенской церкви (одновременно с И. Сацедотовым, служившем при помощнике настоятеля). Известно лишь, что представители этой фамилии служили в Уфимской и Нижегородской епархиях. Про самого же И. Веселицкого, его семью и судьбу иных сведений пока обнаружить не удалось.

10 и 11. Капитон и Николай Уваровы

Дьякон Капитон Уваров служил в Вознесенской церкви села до 1892 года. Сведения, полученные из записей в Метрических книгах, говорят о том, что скончался он от «ката-ра желудка» в возрасте 65 лет (то есть был ориентировочно

1826-1827 года рождения). После его смерти исполняющим должности псаломщика назначается его сын Николай Капитонович Уваров. Служение Николая Капитоновича в качестве псаломщика, а позднее дьякона Вознесенской церкви продолжается до его смерти, последовавшей 18 сентября (по старому стилю) 1902 года. Умер он в возрасте 34-х лет и был погребен, как и положено священнослужителям и членам их семей, «в церковной ограде».

12. Виктор Степанович Константиновский

С февраля 1891 года после А.Е.Ермолаева к служению в Вознесенской церкви в качестве священника приступает Виктор Степанович Константиновский. Виктор Степанович происходил из большой священнической династии, — и отец его и братья также служат в духовном ведомстве Уфимской епархии на различных должностях. Родился Виктор Степанович в Уфе, в 1868 году, окончил Духовную семинарию, после чего и был назначен в приход Вознесенской церкви села Караилги Мензелинского уезда.

Об отце Виктора Степановича — Степане Яковлевиче Константиновском известно следующее. В «Адрес-календарях лиц, служащих в Уфимской губернии, за 1873–1876 года» он упоминается как Благочинный городских церквей 2-го округа г.Уфы, а также как законоучитель 2-го Приходского уездного училища г.Уфы. В 1883–1891 годах священник Степан Яковлевич Константиновский упоминается в качестве протоиерея (на священнической вакансии) градо-Уфимской Успенской церкви. В 1891–1893 годах он одновременно является сверхштатным членом Уфимской духовной консистории, а также членом училищного совета Уфимского женского епархиального училища от духовенства.

Брат Виктора Степановича — Павел Степанович Константиновский в 1889–1891 годах — священник Никольской церкви села Мана-Гора 3-го благочинного округа Уфимского уезда. В 1897 году Павел Степанович является законоучителем и учителем Манагорской церковно-приходской школы и т.д. В 1912–1915 годах священник Павел Степанович является настоятелем Феодоро-Студийской церкви села Языково Уфимского уезда.

Второй брат — священник Иоанн Степанович Константиновский служит в 1889 году экономом в Уфимском мужском духовном училище.

Сравнительно непродолжительное служение в Вознесенской церкви села Кара-Елги, которое, по имеющейся информации, явилось началом его служения в священническом сане и первым приходом, дало старт дальнейшей карьере батюшки. За время его службы в Кара-Елге у отца Виктора и его супруги, матушки Агрипины Исааковны¹ родилось как минимум двое детей — сын Александр в 1991 году и дочь Надежда в 1893 году, которая скончалась в том же году в возрасте 3-х месяцев. Служение его в Вознесенской церкви продолжалось ориентировочно по 1895 год, после чего он был перемещен в г.Уфу, где занимал следующие должности:

- 1899 год — Член (он же делопроизводитель) Уфимского уездного отделения училищного совета;
- 1903 год — Благочинный всех(!) градо-Уфимских церквей (*количество коих в тот период составляло 9 церк-*

¹ Скорее всего Агрипина Исааковна была дочерью протоиерея церкви села Актас Исаака Симеоновича Миролюбова. Братья ее так же были священнослужителями, так Василий Исаакович Миролюбов служил в соборе в уездном городе Мензелинске, Исаак Исакович — в церкви пригорода Заинск, Исаак Исакович Миролюбов был настоятелем церкви села Онбиа Мензелинского уезда.

вей — В.Б.), настоятель градо-Уфимской Успенской церкви. В этом же году с должности Благочинного его перемещают, однако уже в начале 1904 года вновь назначают на эту должность.

- 1905 год — Законоучитель 2-го городского четырехклассного училища, а также член Распорядительного отдела Епархиального братства Воскресения Христа (он же делопроизводитель и казначей братства);

- 1904 год — *«*Резолюцией Его Преосвященства от 23 февраля, Благочинный градо-уфимских церквей, священник Гавриил Грамаков, согласно прошению, освобожден от занимаемой им должности Благочинного; исправление — же таковой поручено бывшему Благочинному, священнику градо-уфимской Успенской церкви Виктору Константиновскому»* (Уфимские Епархиальные Ведомости № 6 от 15 марта 1904 года) (см. фото 2 прил. № 6).

- 1904 год — Член временного Епархиального Ревизионного Комитета для проверки приходно-расходных книг и отчетов Уфимской Духовной Консистории, Епархиального Попечительства, Духовной Семинарии Епархиального женского училища и мужского Духовного училища;

- 1904 год — Действительный член Уфимского Комитета Православного Миссионерского общества

- 1904 год — Депутат Уфимского Епархиального Съезда духовенства 1904 года, член комиссии по ревизии отчетов прихода, расхода и остатка сумм и смет по содержанию мужского училища.

- 1904 год — член Совета Уфимского Епархиального женского училища.

- 1905–1917 года — священник Успенской (городского благочиния) церкви города Уфы.

- 1912–1915 годы — законоучитель второго городского четырехклассного училища г.Уфы;

- 1916 год — член педагогического собрания от духовенства Уфимской Духовной Семинарии, законоучитель второго высшего начального училища.

О послереволюционной судьбе священника Виктора Степановича Константиновского, начавшего свое служение в скромной Вознесенской церкви отдаленного села Кара-Елги Уфимской губернии, как и о судьбе многих служителей алтаря, подвергшихся репрессиям и гонениям в годы советской власти известно, что в начале 30-х годов он служит в Церкви Святого Сергия Радонежского в Уфе. 20 ноября 1937 года весь причт церкви и Виктор Степанович в том числе, арестовывается (к моменту ареста В.С. был уже вдовцом). Уже через 10 дней после ареста Тройкой при НКВД Башкирской АССР он осужден по ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР по обвинению «в участии в контрреволюционной группе, возглавляемой Уфимским Епископом Григорием (Козловым)», и приговорен к расстрелу. 10 декабря 1938 года приговор был приведен в исполнение. 19 августа 1958 года решением Военного Трибунала Приволжского Военного округа Виктор Степанович Константиновский реабилитирован¹.

¹ Уже после окончания рукописи, и представления ее на ознакомление известному уфимскому историку, доктору исторических наук Роднову М.И. получил от него письмо, выдержку из которого привожу: «Отдельно о В.С. Константиновском. Мы на осень готовим сборник трудов В.Константиновского, это был известный священник в Уфе. Также готовится к печати сборник об Успенской церкви Уфы, где он служил, куда вошла и статья уфимских краеведов Я.С. Свице и М.Ю. Ергина «Священник градо-уфимской Успенской церкви Виктор Степанович Константиновский (1868–1937)».

13. Василий Мелихов

О священнике, назначенном к приходу Вознесенской церкви села Караилги у нас имеется единственная информация, обнаруженная в официальном разделе Уфимских епархиальных ведомостей в № 22 за 1894 год (стр. 748): *«Окончивший курс в Рязанской духовной Семинарии Василий Мелихов Его преосвященством, Епископом Уфимским и Мензелинским, рукоположен в сан священника 1 сего октября и определен на священническое место к Вознесенской церкви с. Караилги Мензелинского уезда»*. По всей видимости, В.Мелихов служил в приходе весьма непродолжительное время, вероятно менее года, и более ничего о нем неизвестно.

14. Василий Федорович Петров

Священник Василий Федорович Петров был назначен на должность в Вознесенскую церковь села Кара-Елги после перемещения В.С.Константиновского, ориентировочно в 1895 году, и служил в селе как минимум по 1916 год. Ни о предшествующей, ни о последующей судьбе батюшки Василия Федоровича нам не известно. Что же касается его родственников, то известно, что его отец — Федор Петров в 1904 году занимал должность священника церкви села Старой Елани Мензелинского уезда. Супругу Василия Федоровича звали матушка Мария Алексеевна Петрова¹ и с достоверностью мы знаем о следующих детях, родившихся в семье: дочь Елизавета и сын Николай (родившиеся в 1895–1900 годах), дочь Ольга 1903 года рождения, дочь Варвара 1911 года рождения (скончалась в 1913 году в возрасте 2-х лет) и дочь Любовь

¹ Существует предположение, что Мария Алексеевна была дочерью священника Алексея Степановича Котлова, а следовательно — родной сестрой Федора Алексеевича Котлова, речь о котором пойдет ниже.

1913 года рождения. Последнее упоминание о Василии Федоровиче датировано 1916 годом и, как я уже сказал, иных данных о нем и его семье у нас нет.

15. Илья Дмитриев

К сожалению, к выдержке из № 4 от 15 февраля 1904 года Уфимских Епархиальных Ведомостей, по отсутствию иной информации, мне добавить нечего *«*Утверждены Епархиальным начальством в должности церковных старост¹: 5) крестьянин Илья Дмитриев — к церкви села Караилги, Мензелинского уезда»*. Лишь в качестве комментария и предположения можно отметить, что в Метрических книгах села (за 1914 год) я обнаружил лишь одного Илью Дмитриева, скончавшегося в 1913 году в возрасте 77 лет (фамилия не указана) и второго — Илью Дмитриева Белова. Скорее всего, об одном из них и идет речь в данном распоряжении Епархиального начальства.

16. Иван Павлович Тихомиров

Об Иване Павловиче мы уже упоминали в самом начале настоящего раздела, как и о сведениях, имеющихся о нем, поэтому, думается, нет необходимости повторяться. В виду отсутствия точных данных о том, кто именно занимал долж-

¹ **Церковный староста** — поверенный прихода, избираемый при каждой приходской церкви для совместного с причтом приобретения, хранения и употребления церковных денег и всякого церковного имущества, под надзором и руководством благочинного и епархиального начальства. В своей деятельности Ц. староста руководится особою «Инструкцией», Высочайше утвержденною 12 июня 1890 г., и другими постановлениями, подчиняясь во всех своих действиях распоряжениям епархиального начальства. Староста избирается прихожанами на 3 года, с согласия причта, при благочинном, и утверждается в должности епархиальным архиереем.

ность священника в период с 1916 года, когда имеются последние сведения о В.Ф. Петрове и до 1920 года, когда священником стал Ф.А. Котлов, речь о котором пойдет ниже, можно лишь предположить, что в этот период И.П. Тихомиров МОГ занимать должность священника Вознесенской церкви. Однако полагаю, что независимо от того, подтвердится ли это предположение, Иван Павлович Тихомиров достоин упоминания в нашем списке и как служитель Русской Православной Церкви, и как уроженец села Кара-Елги.

17. Федор Алексеевич Котлов

Отдельного рассказа заслуживает последний (из служивших в церкви до ее закрытия-разграбления-посрамления) священнослужитель нашей Вознесенской церкви, на долю которого пришлось, пожалуй, самые страшные годы, переживавшиеся когда-либо русским православным священничеством.

Федор Алексеевич Котлов родился в 1877 году в деревне Моширово (Можаровка то ж) Мензелинского уезда Уфимской губернии, в котором с 1874 года служил его отец Алексей Степанович Котлов. Происходил он из большой священнической династии, представители которой в XIX—XX веках служили на территории Уфимской губернии, большей частью — в Мензелинском уезде. У его деда Степана Котлова, по всей видимости также имевшего духовное звание, было три сына — Алексей Степанович, Григорий Степанович¹ и

¹ Сын Григория Степановича — Василий Григорьевич (двоюродный брат Федора Алексеевича Котлова) служил недалеко от Уфы в селе Богородском и скончался в 1888 году молодым. От его праправнучки, Янины Сигизмундовны Свице, — ныне известного уфимского краеведа и получены дополнительные сведения о семье Котловых.

Никифор Степанович. Известно о трех сыновьях Алексея Степановича — Федоре, Михаиле и Петре, все они были священно-церковно-служителями.

Алексей Степанович¹, как было сказано выше, служил в селе Мажарово, в 1890 году был переведен в село Александровскую слободу, где служил настоятелем церкви до своей смерти, последовавшей в 1910 году. Супругу его (матушку Федора Алексеевича) звали Клавдия Георгиевна Котлова.

¹ **Алексей Степанович Котлов** (? — 17.01.1910) по крайней мере в 1874 г. служил священником в Михаило-Архангельской церкви с. Мажарово Мензелинского уезда.

В 1881 г. был депутатом на Епархиальном съезде духовенства Уфимской епархии. [Уфимские епархиальные ведомости, 1881 г., № 21, с.698.]

В 1882 г. священнику Алексею Котлову епископом Никанором выражена благодарность за учреждение приходского училища, удовлетворительное развитие учеников и заведение хорошего и многогласного клиросного пения.

В 1883 г. был награжден скуфьею, в 1890 г. камиллавою. В 1887 г. Алексею Котлову объявлена признательность епископа Дионисия за полезную и похвальную деятельность по народному образованию. В обзоре «Законоучители церковно приходских школ и их деятельность», опубликованном в «Уфимских епархиальных ведомостях» в 1891 г., — особенно выдающимися из них — среди прочих указан законоучитель Мажаровской школы священник Алексей Котлов, занимавшийся по всем предметам и с особенным успехом по пению.

В июле 1890 г. Алексей Котлов, согласно прошения переведен на праздное священническое место к Христорожественской церкви с. Александровская Слобода того же уезда. Был законоучителем в земской школе. В 1898 г. награжден наперсным крестом. В 1903г. награжден орденом Св. Анны III степени.

17 января 1910 г. священник Алексей Степанович Котлов скончался. [ЦГИА РБ, ЦГИА РБ, Уфимские епархиальные ведомости, 1910 г., № 4, с.109.]

Федор Алексеевич, окончив 2 класса Уфимской духовной семинарии в 1902 году, после скоропостижной и ранней смерти псаломщика Николая Капитоновича Уварова попадает на служение в Вознесенскую церковь села Кара-Елги, под начало священника Василия Федоровича Петрова. В 1908 году Федор Алексеевич был рукоположен в сан дьякона с оставлением на паломническом месте. На протяжении 14 лет с 1902 по 1916 годы Федор Алексеевич служит сначала исполняющим делами псаломщика, затем псаломщиком, а позднее дьяконом Вознесенской церкви села Кара-Елги. Супруга Ф.А.Котлова — матушка Александра Ивановна родила ему трех дочерей, — Нону 30.07.1906 г.р., Марию 22.06.1909 г.р. и Клавдию, 23.10.1913 года рождения. В период с 1916 по 1920 годы точных данных о служении Ф.А.Котлова нет, однако нет и причин предполагать, что в эти годы прекращалось его служение в церкви, поскольку точно известно, что в 1920 году он рукоположен в священнический сан и продолжает службу в Караелжской церкви в новом гораздо более ответственном качестве.

Подробностями служения священника Ф.А. Котлова в последние 13 лет своего 31-го летнего служения в Вознесенской церкви села мы, к сожалению, не располагаем. И лишь благодаря «Книге памяти Республики Татарстан» известно, что приостановилось оно 26 марта 1933 года, когда он был арестован и обвинен по ст.ст. 58-10 ч.1, 58-11 и 58-13 УК как «член братства святого Гурия». Так же доподлинно не известно, получил ли Федор Алексеевич реальный срок, который отбыл и вышел на свободу. Известно, например, что житель Кара-Елги Бутяев Дмитрий Петрович, арестованный по этому же делу как «участник религиозно-монархической контрреволюционной группы истинно православных церковни-

ков», 16 июля 1933 года был приговорен к 5 годам ссылки и отправлен в Севкрай. По крайней мере приговоры начала 30-х годов были далеко не так суровы, как в 1936-39 годах, что вполне позволяет предположить, что после отбытия срока (если таковой имел место быть) Федор Алексеевич продолжал служить в церкви.

По крайней мере, по состоянию на 1 января 1937 года священник Федор Котлов еще числился в «Списке Приходов — церковью Казанской Епархии и состоящего в них штатного и заштатного духовенства», как священник Караелжской церкви.

Прекратилось же его 35-летнее беззаветное служение приходу Вознесенской церкви, надо полагать, 10 июля 1938 года, когда он вновь арестовывается и будучи обвиненным в «антиколхозной агитации», 20 ноября 1939 года 62-х летний батюшка приговаривается военным трибуналом Приволжского Военного Округа к 8 годам лишения свободы с поражением в правах сроком на 4 года.

Скончался Федор Алексеевич Котлов 18 октября 1940 года в Исправительно-трудовой колонии № 5, расположенной на острове Свияжск.

21 мая 1993 года священник Федор Алексеевич Котлов реабилитирован.

О судьбе семьи Ф.А. Котлова к сожалению ничего не известно.

Кое-что известно и о родных братьях Федора Алексеевича, краткий рассказ о которых, полагаю, не нарушит канву настоящего повествования, поскольку непосредственно касается службы и судеб сельского духовенства Уфимской епархии.

Младший брат Федора Алексеевича **Котлов Петр**. Обучался в Уфимской духовной семинарии. В 1901 г. оставлен в III классе на повторный курс. В 1904 г. допущен к исправлению должности псаломщика при церкви с. Ново-Макарово Стерлитамакского уезда Уфимской губернии. В 1905 г. перемещен с тем же званием к церкви с. Налим Мензелинского уезда и в этом же году перемещен к церкви с. Новая Елань того же уезда. В 1906 г. был допущен к исправлению должности псаломщика с. Акташ Мензелинского уезда [Уфимские епархиальные ведомости, 1903 г., № 13, с.852]. В 1911 г. назначен псаломщиком 2-го штата к церкви с. Новоспасское Мензелинского уезда. Иными сведениями о Петре Алексеевиче, как и о его семье мы пока, к сожалению не располагаем.

Больше известно о старшем брате о.Федора — Михаиле Алексеевиче Котлове.

Михаил Котлов (см. фото 3 прил. № 6) родился 7 февраля 1874 г. в с. Можарово Мензелинского уезда Уфимской губернии. Его отец служил священником в этом селе. Обучался в Уфимском епархиальном мужском училище. В 1896 г. окончил Уфимскую духовную семинарию. В августе этого же года был рукоположен в священника и определен на священническое место к церкви с. Дурасово¹ Уфимского уезда. Первое

¹ Деревянная церковь во имя Святителей Николая Чудотворца и Арсения в селе Дурасове была построена в 1882 г. иждивением прихожан.

Совершая поездку по обозрению церковей Уфимской епархии в 1889 г., епископ Уфимский и Мензелинский Дионисий писал: «Церковь в селе Дурасове во имя Святителя и Чудотворца Николая деревянная, на каменном фундаменте, построена иждивением прихожан, на добродетельные их даяния, в 1883 г.

В приходе состоит мужского пола 658 душ и женского 634; все они православные русские. Несмотря на незначительное число прихожан,

назначение молодого 22-х летнего священника оказалось для него единственным. В этом селе он прослужил до 1937 г. В 1909г. Михаил Котлов был награжден скуфьею [Уфимские епархиальные ведомости, 1909 г., № 7, с. 308].

Священник Михаил Котлов, по воспоминаниям его внука пользовался большим уважением в селе. Люди шли к нему за советом и за медицинской помощью.

Прослуживший в Дурасовском приходе более 40 лет о. Михаил Котлов

11 ноября 1937 г. был арестован, с 12 ноября находился под стражей в Уфимской тюрьме. Считаю возможным привести текст характеристики, выданной работниками сельсовета на арестованного священника:

Характеристика

На Котлова Михаила Алексеевича деревни Дурасово того же с/совета Чишминского района.

приход раскинут на расстоянии 90 верст, а именно: до деревни Новониколаевки 7 верст, до Новой-Баскаковой 8 верст, до Кизяк 8 верст, до Упадышевки 7 верст, до Рязановки 7 верст, до Новотроицкой 15 верст, до Нового-Енгальшевского выселка 12 верст и до Новоцаревщиной 2 версты. По отзыву причта прихожане к церкви Божией усердны...

Церковно-приходская школа грамотности открыта с 1887 г., помещается в квартире здешнего крестьянина; учащихся в ней в 1888–89 гг. было мальчиков 15 и девочек 3. Обучением грамоте и пению занимаются священник с псаломщиком Николаем Черновым. Так как дети были распущены по домам, то мы только некоторых испытывали в церкви и ответами их остались довольны».

В 1899 г. в приходе, состоявшем из села и 3 деревень, было 1492 душ обоего пола. Причт состоял из священника и псаломщика. Получал за требоисправления до 300 руб. в год и руту, помещался в общественных домах. Земли при церкви не было.

До Революции в хозяйстве имел 2 лошади, выездного жеребца, держал работников, коров имел 3 головы. Пчел имел 50 ульев.

Служил попом в Дурасовской церкви. После Революции хозяйство то же самое. Это хозяйство с целью дабы не забрали все попродали. Оставил только один дом. Так же до настоящего времени работает попом церковного совета. Кроме того был оштрафован за невыполнение налогов. Кроме этого был осужден за крестатуру (возможно карикатуру? /авт./) с/совета на 500 рублей. А сейчас ведет агитацию против избирательного закона, против Советской власти. Организует вокруг себя группу верующих для извращения сталинской конституции Мальцева Александра, Грибова Мария, Лось Григорий, Банный Никита, Худяков Егор и др. В октябре месяце 1937 г. была ими послана по деревне Дурасовой старушка (фамилия неразборчива /авт./) Анисья с агитацией что с/совет собирает собрания для закрытия церкви.

Выдана 26 ноября 1937 г. Дурасовским сельсоветом.

В обвинительном заключении, в отношении о.Михаила в частности говорилось: «Начиная с весны 1936 г. на территории Дурасовского с/совета Чишминского района БАССР существовало и проводило активную деятельность к/р группа б/кулаков и активных церковников, руководимых попом-кулаком Котловым Михаилом Алексеевичем. Котлов имел связь с Уфимским центром повстанческой к/р организации и был руководим непосредственно членом центра епископом Бреховым... будучи враждебно настроен по отношению сов.власти и являясь членом к-р. повстанческой организации Котлов М.А. создал повстанческий отряд из кулацко-церковного актива и проводил работу по подготовке свержения сов.власти».

Через 18 дней после ареста, 29 ноября 1937 года Михаил Алексеевич Котлов был осужден.

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 42
Заседания Тройки НКВД Башкирской АССР
от 29 ноября 1937 г.

СЛУШАЛИ	ПОСТАНОВИЛИ
<p>Дело Чишминского РО НКВД БАССР № 6910 По обвинению: Котлова Михаила Алексеевича, 1874 г. рождения, русского, священник б/кулак, раскулачен. Обвиняется в том, что являлся активным членом к-р повстанческой организации церковников, существовавшей на территории Башкирской АССР, в которую был завербован епископом Бреховым. По заданию Брехова организовал и возглавлял повстанческую группу церковников в Чишминском районе БАССР в которую завербовал 15 человек кулаков и активных церковников. Подготавливал вооруженное восстание против сов. власти и вел среди населения активную /нераз/нческую агитацию. Виновным себя признал. Находится в Уфимской тюрьме.</p>	<p>КОТЛОВА Михаила Алексеевича – РАССТРЕЛЯТЬ. Лично принадлежащее имущество — КОНФИСКОВАТЬ.</p>

Приговор был приведен в исполнение 15 января 1938 г. в 23 ч. 14 мин.

Посмертно реабилитирован Михаил Алексеевич Котлов был в 1959 г.

Женой священника Михаила Котлова была Анна Ивановна Котлова (1874 — ? после 1937 г.). У Михаила Алексеевича и Анны Ивановны была дочь Вера Михайловна в замужестве Попова. В 1937г. она жила с семьей в Москве. Ныне в Москве живут потомки о. Михаила Котлова¹.

18. Сергей Нестерович Нестеров

Об этом священнослужителе удалось узнать лишь по рассказам ныне здравствующих старожилов села — Веры Кирилловны и Василия Андреевича Ноякшиных. Вера Кирилловна, 1928 года рождения, — дочь Кирилла Даниловича Чугунова, который со своей супругой — Татьяной Терентьевной был в начале 30-х годов XX века певчим в Вознесенской церкви села.

Отец Сергей Нестеров, родившийся в 1886 году в деревне Бердибяково Рыбно-Слободского уезда Казанской губернии, был, по всей видимости, помощником настоятеля храма — священником. К сожалению, пока не удалось выяснить годы служения его непосредственно в селе Кара-Елга. Известно лишь, что в марте 1930 года он был арестован по обвинению в контрреволюционной и анти-колхозной агитации (ст. 58-11), а в августе того же года расстрелян в г.Казани. Фамилия его выбита на стелах Мемориала расстрелянным — жертвам политических репрессий на Архангельском кладбище г. Казани, под № 1299 Нестеров Сергей Нестерович 1886 12/08/30.

Семья Нестеровых (кряшены) приехала из села Кукмор, Вятской епархии. Про семью Котловых в селе не помнят, что

¹ Вся информация о священнике о.Михаиле Алексеевиче Котлове приведена на основании материалов, любезно предоставленных уфимским краеведом Свице Я.С.

дает возможность предположить, что сразу после ареста Федора Алексеевича его супруга с дочерьми уехали. Супруга же Сергея Нестерова, — Анастасия с детьми жила в селе. Звали ее, — «за глаза» — попадшей (что, таки, скорее всего не соответствовало действительности), а «в глаза» — матушкой. Было у них четыре сына, — Серафим (которого в селе звали Гурием), Валентин, Дмитрий и Михаил. Про Дмитрия и Михаила более ничего не известно, кроме того, что они были. Про Серафима же Сергеевича память народная сохранилась, — он был призван в первые дни Великой Отечественной Войны и поехал с двумя своими односельчанами, — Иваном Зиновьевым и Тремасовым (имя рассказчики не вспомнили) в волостное село Акташ на телеге. Только выехали из села, — лошадь вышла из оглобли. И «матушка» Анастасия сказала соседке (кстати, — сестре моей родной бабушки), — «Все, Романовна, наши дети не вернуться!». Так и случилось, — никто из трех солдат, уехавших в тот день из Кара-Елги, с войны не вернулся.

«Матушка» Анастасия жила в селе и в 50-е годы. В те же годы (50-е и начало 60-х) председателем сельсовета был один из сыновей, — Валентин Сергеевич Нестеров. Будучи «при власти», Валентин Сергеевич, похоже, всячески пытался «отречься» от прошлого своих родителей. Это предположение сделано мной на том основании, что, по воспоминаниям односельчан «матушка Анастасия» жила и скончалась в полнейшей нищете. При этом народная память сохранила событие, озаглавленное «грандиозной дракой», случившейся по поводу того, что кто то из сельчан назвал Валентина Сергеевича — «Поп, толоконный лоб»! По воспоминаниям сельчан, матушка Анастасия со стороны властей как жена репрессированного и расстрелянного священника преследовалась

очень сильно. Из своего дома она была выселена, никакого содержания ей не полагалась и жила она лишь на подаяния односельчан.

Дополнение

Удалось ознакомиться с одним из обвинительных заключений по делу о «религиозно-монархической контрреволюционной группе истинно православных церковников», по которому и был в 1933 году обвинен и арестован Ф.А. Котлов¹.

Суть обвинений сводилась к следующему:

В июле месяце 1932 года в село Кузайкино Акташского района Татарской АССР из Соловецких концлагерей ОГПУ возвратился по отбытию срока наказания бывший священник этого села Лукин Иван Лукич (Лукин И.Л. до 1927 года был священником в селе Ерсубайкино, а потом, до момента его ареста в 1929 году, священником в селе Кузайкине. С ним вместе в 1929 году были арестованы и священники приходо-селений: Дербедень, Верхний Акташ и Ерсубайкино, которые и на момент возвращения Лукина И.Л. т.е. на 1932 год находились в ссылке), который в 1929 году за «контр-революционную деятельность» был осужден к 3 годам заключения в концлагерь и который по прибытии в село Кузайкино, где у него оставалась после его осуждения в 1929 году проживать семья, в церкви служить не стал, «но прикрываясь профессией портного, начал бродить по селениям района и заниматься среди населения антисоветской агитацией и пропагандой». В вину «контрреволюционной группы» вменялось и то, что они прикрыли скрывавшийся в этих же селениях после ареста священников в 1929 году и фактического прекраще-

¹ Полный текст обвинительного заключения приведен в Приложении к настоящей книге.

ния церковной службы «осевший, бежавший из закрытых монастырей монашествующий элемент».

Что понимала под термином «бежавший из закрытых монастырей монашествующий элемент» советская власть, наверное никто не скажет лучше представителей ее, писавших эти протоколы: «Монашка Волкова Евфалия (Анна) Петровна до 1927 года находилась в Бугобашском монастыре около города Бакалы Белебейского уезда Башкирской республики. В этом монастыре она вместе с обвиняемой монашкой Климовой Серафимой (Анна) Ивановной пробыла свыше 30 лет. (!!!!! — В.Б.). Монастырь находился в подчинении епископа Андрея, бывшего князя Ухтомского. В этом монастыре она жила с матерью священника, ныне осужденного по линии ОГПУ Волокитина Аркадия, являющегося одним из активных членов к.-р. организации «андреевцев», с которыми Волкова и Климова имели постоянную связь. Когда митрополит Сергей Нижегородский опубликовал в 1927 году декларацию о лояльном отношении к Соввласти, Волкова Евфалия с поручением от настоятельницы монастыря ездила в Нижний Новгород специально к митрополиту Сергию узнать о причинах, вызвавших подписание им декларации. Как она сама дает в своих показаниях, поездка ее туда была с целью выяснить истинность православия Сергия, но из беседы с ним вынесла впечатление, что он уклонился от православия. Этот факт свидетельствует об авторитетности Волковой в рядах «андреевцев» и той роли, какую она занимает в этой группе.

После закрытия монастыря в 1927 году Волкова и Климова сначала переехали на жительство в село Ерсубайкино, а после того, как там арестовали священника «андреевца» Николая Паштыкова, Волкова и Климова переселились в село Александровская Слобода к родственникам, где построили

келью и жили там до их ареста. Волкова и Климова, проживая в Александровской Слободе, занимались обновлением икон, т.е. подновление их красками, внешнего убора цветами, для чего в своей келье устроили специальную мастерскую, кроме того, выделывали нагрудные деревянные крестики. Это их занятие имело широкую известность в районе и за пределами его и привлекало к ним большие группы верующих. Используя скопление верующих в своем доме, Волкова и Климова вели с ними беседы, устраивали молебствия и обрабатывали верующих в «андреевском» направлении, распространяя различные провокационные слухи против Соввласти

В 1930 или 1931 году Волкова Е. П. ездила в город Казань для свидания с прибывшим из ссылки священником Волокитиным Аркадием, последний ее познакомил со ссыльным епископом Нектарием Яранским, который, по показанию Волковой, «такой же святости, как и Андрей» (л. д. 119). Для связи «андреевцев» между собой существовала сеть курьеров-связистов, в письме от Антония (личность его следствием не установлена) к Волковой и Климовой имеется сообщение, что он получил посылку от них и просит письма впредь посылать не почтой, а нарочными (приложение № 1 0151 л. д. 76). Волкова и Климова, при следствии вначале отрицавшие наличие курьеров-связистов, признали в конце следствия, что связисткой у них была монашка Мариша из Первомайского района, по данному делу привлеченная».

Итак, «монашествующий элемент» изобличен! Изготовление крестиков, обновление икон, житие в келье, молебствия, свидания со ссыльным епископом, — чего еще больше? Оказывается, можно и больше! Рузанова Февронья Устимовна объявляется реакционно настроенной монашкой на основании того, что в прошлом (!!!), в 1905–1906 годах ходила на

богомолье в Иерусалим, Саров и на Кавказ. Что была на миссионерских курсах в Бугобашском монастыре (то есть в том же монастыре, в котором монашками были Волкова Евфалия и Климова Серафима). Ну а то, что при обыске в ее доме был обнаружен портрет императрицы Елизаветы Федоровны, которую, она (Феврония Рузанова), по ее словам «читит», не оставило уже никаких сомнений по поводу принадлежности ее к указанной «контрреволюционной группе».

Ну, и напоследок, к вопросу о «монашествующем элементе» еще один «штришок», — Васянина Матрена Владимировна, жительница села Дербедени, названа «монашкой» и привлечена лишь на том основании, что «имела и сохранила связи с Лукиным», подтвержденные тем, что после его посещения, она кому-то из односельчан сказала «Я запишусь в колхоз, побуду год в колхозе, а там выпишусь». Ее слова тут же постарались подтвердить обыском, в результате которого и были обнаружены зарытые в снегу «30 штук поминаний» — криминал на лицо!

По поводу обвинения Федора Алексеевича Котлова, определяющими, наверное, явились следующие выдержки из обвинительного заключения: «учтя ярую враждебность в отношении Соввласти со стороны попа Фокина Андрея Николаевича, Лукин И. Л возложил на него обязанность выяснить возможность присоединения к ним попов из села Кара-Елги — Котлова Федора Алексеевича и села Онбии — Котлова Павла Никифоровича, что Фокин и выполнил и установил с ними связи, после чего оба Котловых стали выполнять указания к.-р. группы». Чуть позднее следует: «Кулак села Караелги Бутяев Димитрий Петрович, не являясь членом указанной выше к.-р. организации, тем не менее, как церковный старо-

ста, имел близкие взаимоотношения с попом села Караелги Котловым Федором Алексеевичем и проводил действия на разложение колхоза, причем он привлекался по следственному делу весной 1932 года за организацию массового выхода из колхоза, но от следствия скрылся и был объявлен в розыск. Организация им массового выхода из колхоза была основана на религиозной почве, что имеет в своих действиях отражение группы «андреевцев», почему Бутяев и привлечен по настоящему делу».

Что же касается в целом оснований для обвинения группы в «контрреволюционной деятельности», то они основывались на следующих высказываниях священника И.Л. Лукина и иных обвиняемых по данному делу, которые приведены в обвинительном заключении:

- Ильмигашев Павел Сафронович показывает «Как истинно-православный верующий, не могу признавать власти антихриста, власти безбожия, каковою является Советская власть, не могу и выполнять и законы этой власти, в своих убеждениях я не один»;

- Макарова Евдокия Андреевна говорит: «Советскую власть как власть безбожия считаю порождением дьявола и ко всем мероприятиям этой власти должна относиться только враждебно, быть против мероприятий Соввласти. Я являюсь последовательницей епископа Андрея, который только в числе немногих остался верным истинно-православной христианской церкви. Он, как и я, не признает Советской власти»;

- Она же продолжает: «Советская власть, будучи властью антихриста, идет и борется с Богом и учением Бога, верующих людей притесняет и мучает, и свой арест я считаю мучением за веру Христову»

- Обвиняемый Лукин И. Л. прямо заявил: «Считаю, что на территории СССР преследование христианства есть и выражается оно в закрытии церквей, в арестах духовенства, в чрезмерном налогообложении духовенства и церкви. Преследования эти являются со стороны Советской власти».

- «Воспитание при советской системе, — продолжает Лукин, — я вижу и наблюдаю только через тюрьмы. Результатом советской системы воспитания есть увеличение числа преступности».

- Другой обвиняемый — священник церкви села Онбии Котлов Павел Никифорович (двоюродный брат Федора Алексеевича) в своем заявлении называет представителей Советской власти «эксплуататорами, угнетателями трудового крестьянства», о чем он заявил, по его признанию, публично в сельсовете.

- О чистке колхозов от кулаков Котлов П.Н. отзывался так: «Нынче зимой во время чистки колхозов выдворяли из колхозов полезных трудящихся, оставляя без куска хлеба».

Конечно, подобные заявления и мнения, тем более высказываемые публично, власть не могла расценивать иначе как «контрреволюционные». Но представьте, — какое мужество было необходимо для открытого противопоставления власти, достаточно твердо стоявшей на ногах, которой было от роду уже более 15 лет.

Большинство обвинений, предъявляемых членам группы, выглядят нелепыми и надуманными, но, думается, они уже являлись неким дополнением, «довеском» к приведенным высказываниям, которое ретивые следователи добавляли к обвинению основному. Например, Лукину П.Л. вменялось в вину то, что он, в целях отвлечения крестьян от подготовки к весеннему севу в селе Ерсубайкино в доме «кулака» Дмитрия

Афанасиева и Павла Ильгибашева стал проводить крещение детей.

Особых доказательств для того, чтобы выдвигать обвинения, и не требовалось. Например, указывая на то, что членами группы было принято решение о поездке в Нижний Новгород, следователь прямо пишет, что «цель этой поездки следствием не установлена, но она бесспорно проводилась в интересах контрреволюционной группы». «Бесспорно» и все тут! Какие могут быть сомнения?

Я не стал приводить более обширные сведения из обвинительного заключения. Интересующиеся могут посмотреть его в приложении в полном объеме. Думаю и приведенных «зарисовок» достаточно для того, чтобы получить представление об условиях, в которых происходило служение церкви и приходу в те роковые годы.

В заключение этого раздела книги, хотел бы отметить, что, безусловно, приведенный список не претендует, да и не может претендовать на абсолютную полноту. Наверняка «за кадром оказались» многие лица, в том числе духовных званий, которые имели непосредственное отношение к служению в Вознесенской церкви села Кара-Елги. Но приведенные фактические данные уже дают определенный «задел» для дальнейших поисков, а так же все-таки приводят достаточно значимый пласт имен, фамилий, дат и событий, дающий представление о служителях алтаря Вознесенской церкви. Про тех же, кто упомянут в настоящей работе, в заключение стоит лишь помолиться, ибо пока помним и молимся за них мы, помнят и молятся и они за нас.

ВЕЧНАЯ ИМ ПАМЯТЬ!

Сельский пастырь

Пастырь, батюшка, отец, священник, настоятель, иерей — вот лишь некоторые из благозвучных наименований, которыми именовались как в быту, так и в духовной и светской литературе XIX века настоятели приходских церквей. Однако, достаточно широко распространено было и другое наименование: «Поп», ставшее после Октябрьского переворота именем нарицательным. По сути своей, оно не представляло собой ничего отрицательного и означало «Пастырь Овец Православных». Однако поскольку оно применялось мирянами достаточно часто, с существованием этого термина приходилось мириться. Литература и иные имеющиеся источники позволяют сказать, что именно то, как называли прихожане своего настоятеля, отражало истинные отношения между иереем и паствой. Если крестьяне говорили за глаза «поп», это могло свидетельствовать об отсутствии должного уважения (хотя и не всегда), что не могло не сказываться и на духовно-нравственной атмосфере в сельской общине. Если же даже за глаза и в повседневных разговорах между собой священник уважительно именовался исключительно «батюшкой», то было понятно, каким огромным уважением и авторитетом пользуется настоятель у прихожан. Заслужить же подобный авторитет в тех условиях служения, в которые были поставлены сельские священники и причетники, было весьма и весьма не просто.

Несмотря на все потрясающие трудности повседневной жизни, в условиях которых приходилось нести свой крест сельскому духовенству, даже общая статистика говорит о

том, что в подавляющей своей массе духовенство с этим справлялось.

Приходилось встречать разочарование у некоторых людей, интересующихся своей генеалогией, которые не обнаруживали своих корней в дворянских родах, а предков находили лишь в сословии крестьян. Хочу предложить таковым ознакомиться с любопытной статистикой, опубликованной в «Юридическом вестнике» в 1881 году: *«по уголовно-статистическим сведениям, изданным министерством юстиции за 1873-77 года, получается 36 осужденных на 100 000 крестьян. Между тем, другие сословия дают гораздо большие цифры: так дворяне осуждаются в числе 910 на 100 000 дворян; почетные граждане и купцы дают 58 осужденных на 100 000; мещане — 110; отставные нижние чины и их семейства так же 110, духовенство осуждается лишь в размере 1,71 (т.е. менее 2-х человек) на 100 000 духовных лиц, и относится к крестьянам в этом отношении приблизительно как крестьяне к дворянам».*

Учитывая количественное соотношение крестьян к иным сословиям, проживавшим в Российской Империи, нетрудно предположить, чья же заслуга в том, что крестьяне совершали преступления в десятки раз реже, чем те же дворяне. Вряд ли полицейских урядников, которые в лучшем случае находились в волостных правлениях, а то и исключительно в уездных городах в количестве одного человека на многие тысячи крестьян.

Конечно, основная задача, которая стояла перед сельским духовенством в целом и настоятелем сельской приходской церкви в частности, — это духовно-нравственное воспитание прихожан, паствы, подавляющее количество которых составляло крестьянское население. Служение в церкви, ис-

полнение треб, проповедование слова Божия, православных заповедей, личный пример смирения перед житейскими невзгодами и трудностями крестьянской жизни — вот те «инструменты», имевшиеся в руках у сельского пастыря. И при их лишь наличии большинству священнослужителей удавалось выполнять эту миссию.

Кара-Елга — большое и богатое село. Многие прихожане — зажиточные крестьяне, намного состоятельнее своего «батюшки». При этом религиозно-нравственная атмосфера, которая могла поддерживаться исключительно настоятелями Вознесенской церкви, культивировалась и сохранялась в жителях села на протяжении многих и многих десятилетий. И даже лихолетия всех страшных событий XX века не смогли истребить в потомках караелжцев те морально-нравственные основы, которые были заложены в наших предках. Об этом свидетельствует и вышеприведенная статистика об осужденных крестьянах. Но если это общая тенденция, то есть и частные свидетельства о высоконравственной и духовной атмосфере, царившей в Кара-Елге до Октябрьского переворота.

Об этом же говорят и данные о том, что жители села периодически совершали пешие паломничества в Святые Земли. Это и свидетельства о нетерпимости многих караелжцев к употреблению алкоголя, что, в общем-то, в те годы в крестьянской среде являлось нонсенсом, — чего греха таить, случалось, что и сельское духовенство «злоупотребляло», чему есть непреложные свидетельства, но, безусловно, не в Кара-Елге.

Любопытные выводы можно сделать, проанализировав метрические книги села, — основной, и, пожалуй, единственный доступный источник для изучения родословной крестьянских семей.

Динамика записей о рождениях детей однозначно свидетельствует о том, что, например, посты соблюдались во всех их ограничениях, не только на словах, но и на деле, причем всеми без исключения православными жителями села. Если ограничения по венчаниям (бракосочетаниям) по времени могли обеспечить светские и духовные власти путем прямого запрета на венчания в определенные периоды времени (что и было сделано), то запрет, например, на телесную близость, могли блюсти лишь сами верующие. О том, что он соблюдался, по крайней мере, в период Великого поста, говорит практически полное отсутствие записей о рождении детей в августе месяце (каждого года).

Известно, что при крещении младенцев крестные отец и мать именовались «восприемниками¹» и в это понятие, как и в отношении к этому таинству, вкладывался не только религиозный, но практический смысл. Отнюдь не формальное отношение к священной обязанности восприемников, как духовных родителей и воспитателей крестника, предполагало не просто «запись в метрической книге». Известно, что восприемники после ранней смерти родных родителей принимали в семью и воспитывали как родных детей и своих крестников. Так, в семье моего прадедушки Романа Евлампиевича Чугунова помимо своих семерых детей вос-

¹ **Восприемники** — крестные отец и мать, лица, которые при крещении взрослых являются свидетелями и поручителями за серьезность намерения и за правую веру крещаемого, а при крещении младенцев и больных, лишенных дара речи, дают за них крещальные обеты и произносят Символ веры. На восприемников возлагается обязанность следить за ростом религиозного и нравственного сознания новокрещенного. В случае необходимости восприемники должны оказывать покровительство своим крестникам или даже брать их на свое попечение.

питывалось четверо восприемников, — детей умершей его сестры.

Для того, чтобы обеспечить непосредственное участие обоих восприемников в обряде таинства крещения, в «Руководстве для сельской паствы» (№ 12 за 1886 год), предписывался следующий порядок: при крещении младенца мужского пола восприемница держит его на своих руках от начала крещения до акта погружения, на вопросы об отречении от сатаны, сочетании с Христом и прочее она дает ответы. После акта погружения воспринимает младенца мужского пола восприемник. При хождении вокруг купели (с правой стороны) в первый раз несет младенца мужского пола восприемник, следуя за священником, а восприемница идет позади восприемника, во второй раз несет младенца уже восприемница, и она непосредственно следует за священником, а восприемник идет позади нее. В третий раз — как и в первый. При крещении младенца женского пола осуществляется все то же только в обратном порядке.

Указом Святейшего Синода от 27 августа 1837 года был установлен возраст, так называемое «церковное совершеннолетие», с которого допускалось участие в обряде в качестве восприемников. Так, для лиц мужского пола возраст был установлен с 15-летнего возраста, для девушек — с 13 лет.

О том, что «духовное родство», в которое вступали восприемники, участвующие в таинстве крещения младенца, почиталось церковью и народом так же (а иногда и более) как фактическое, говорит то, что действовали запрещения на заключение брака не только между восприемниками и воспринятыми (крестниками) но и с родителями последних. Т.е. крестный отец и крестная мать не могли вступать в брак ни с самими крестниками, ни с их родными отцом или матерью.

Брак между крестными братьями и сестрами официально не запрещался. Но в виду того, что духовное родство сильно уважалось в среде простого народа, священникам рекомендовалось не приступать к повенчанию и таких лиц без предварительного разрешения от своего епархиального начальства.

Коль скоро мы заговорили о восприемниках и духовном родстве их с крестниками, следует отметить, насколько важное значение придавала крещению младенцев Православная Церковь. Статья 183 Устава Духовных Консистолий (издание 1883 года) прямо предполагала следующее: «Совершение таинства крещения лежит, прежде всего, на обязанности приходского священника. Если он по нерадению допустит умереть младенца без святого крещения, то отрешается от места и определяется в причетники, до раскаяния и исправления».

Дабы избежать этого, в рекомендациях приходским священникам разъяснялось, что совершению таинства крещения не может служить препятствием под известными условиями отправление служб церковных. Даже литургии (если последует приглашение священника крестить младенца до великого выхода — до перенесения Св. Даров с жертвенника на престол, то он должен оставить на время службу в храме и поспешить для крещения слабого младенца). А тем более не считались оправданием для отказа в немедленном совершении обряда крещения какие-либо частные домашние занятия.

Но что делать священнику, когда одновременно пригласят его и для крещения слабого младенца, и для напутствия св. Тайнами больного, находящегося при смерти? В таком случае священнику предписывалось поступать следующим образом: крещение слабого младенца предоставить кому-ли-

бо из членов причта или даже мирян, а самому немедленно отправиться к опасно больному для напутствия последнего св. Тайнами. Так необходимо было поступать потому, что «крещение в крайней нужде предоставляется и мирянину совершить, тогда как напутствовать больного никто не может, кроме священника, даже и дьякон не может преподавать св. Тайны другим»¹.

Для того, чтобы представить себе нагрузку священника, связанную только с исполнением треб по крещениям, бракосочетаниям и отпеваниям прихожан, предлагаю ознакомиться с некоторыми статистическими данными, выявленными на основе анализа записей метрических книг по Вознесенской церкви села Караилги за вполне среднестатистический, с этой точки зрения, 1913 год.

Итак, в указанном году состоялось 157 крещений младенцев (80 мужского пола и 77 женского), из которых 78 младенцев родились в Караилге, остальные по другим деревням прихода.

Венчаний (бракосочетаний) за год состоялось 34, из них 22 брака — жителей села Караилги.

Как всегда ужасающая статистика по смертности, в основном — детской.

Общая статистика выглядит следующим образом:

Всего по приходу было зарегистрировано 113 умерших лиц мужского пола и 124 лица женского пола. Таким образом, было совершено 237 отпеваний. При этом напомним, что заменить священника можно было лишь в исключительных случаях при крещении, отпевать же умерших мог только

¹ Забелин П. Права и обязанности пресвитеров по основным законам Христианской Церкви и церковно-гражданским постановлениям Русской Церкви. Изд. 3-е. Киев, 1899.

настоятель и никто иной. Если учесть при этом, что из указанного общего числа умерших по Караилге было 86 душ, остальные же — в иных деревнях прихода, то можно представить насколько часто в любое время года, в любую погоду, священнику приходилось разъезжать по окрестным деревням только для совершения отпеваний. В период эпидемий часто умирало от 2 до 5 человек за один день! Например, в Караилге, только в августе 1913 году умерло 35 человек, с записью «от поноса». Огромное количество людей умерло от «дифтерии» в деревне Утяшкино в сентябре — ноябре этого же года.

Не правда ли, впечатляет документальное подтверждение того, что о.Василию Петрову, бывшего в рассматриваемом году настоятелем храма, не приходилось долго оставаться без дела?

Мы еще вернемся к разговору о метрических книгах села. Сейчас же хотелось сказать о том, ограничивались ли юридические и фактические обязанности настоятеля сельской приходской церкви только лишь духовно-нравственным и религиозным наставничеством прихожан.

Отнюдь! И священники, служившие в Вознесенской церкви Кара-Елги, конечно не были исключением. Было бы лукавством и исторической неправдой идеализировать жизнь села и его жителей. Среди более чем полуторатысячного населения села (и иных деревень прихода), конечно, проживали разные люди со своими недостатками, пороками склонностями и слабостями. И пастырю приходится заниматься делами весьма, вроде бы, далекими от его основных обязанностей:

- Священнику приходится убедить крестьян изъявить желание открыть школу: он должен найти помещение, при-

искать средства на отопление, прислугу, учебные пособия и содержание учителя, убедить отцов и матерей отпускать детей своих в школы, убедить самих детей ходить в них, сам должен учить и наблюдать за преподаванием других. Словом, он должен быть попечителем и учителем народной школы. В конце 1870-х годов Министерство Народного Просвещения Российской Империи пришло к убеждению, что **«успехи народной школы, по самой задаче ее, состоящей в утверждении религиозных и нравственных понятий среди народа, естественно обуславливаются степенью участия, какое в ведении её принимает наше православное духовенство. Нет сомнения, — говорилось в министерском распоряжении, — что сословие сие, призываемое на поприще народного образования и долгом пастырства и волею монарха, и историческим значением православной церкви в судьбах отечественного просвещения, обязанного ей высокими заслугами, может, по своему умственному развитию и по близости к народу, при должном на него влиянии, оказать в сем отношении большие заслуги.»** Тем самым фактически духовенству в целом, и сельским священникам в частности, вменялось в обязанность принимать участие, а то и непосредственно обеспечивать деятельность не только церковно-приходских школ, но и народных земских школ. (которая, кстати, в частности и действовала в Кара-Елге с 1861 года.)

- Между крестьянами, как и между другими сословиями, очень нередко семейные неприятности: то сын нагрубит своей матери, то отец выгонит из дома сына, то пьяница муж искалечит жену. Где искать защиты и помощи несчастным? Единственное лицо — местный священник. Он непременно должен быть умиротворителем семейных неприятностей.

- В народе усиливается пьянство, безнравственность, азартные игры, воровство, — местные же светские власти, зачастую, бывают пьяны прежде других. Единственное лицо — это приходской священник, который есть и должен быть наставником и блюстителем народной нравственности.

- Иногда в приходе получается такое начальственное распоряжение от светских властей, которое крестьяне считают притеснительным и обременительным для себя. Местным же своим властям они не всегда доверяют, и поэтому недоумевают, что им делать дальше — исполнять его или нет. И они идут к своему батюшке-священнику за беспристрастным и справедливым словом. Стало быть: священник должен быть руководителем в делах общественных.

- Крестьяне бывают крайне небрежны в обращении с огнем и не предпринимают никаких предосторожностей против пожаров. Сельские власти, из тех же крестьян, рожденные и воспитанные среди беззаботного в этом отношении народа, относятся к этому делу так же небрежно, как и их подчиненные. Поэтому единственное лицо в приходе, которое может сделать что-нибудь полезное, — это приходской священник. И действительно, многие священники следили, чтобы при каждом доме были постоянно наготове кадки с водой, осматривали пожарные инструменты, велели чинить старые и покупать новые, и по несколько раз в течение лета осматривали все дома по деревням и все пожарные сараи.

- Во время падежа скота опять только один священник может повлиять, чтобы были предпринимаемы все необходимые предосторожности и исполнялись предписанные врачом меры.

Но кроме этих текущих ежедневных забот, которые сельские священники практически добровольно брали на себя

сами, есть еще заботы обязательные, которые взваливали на них различные светские и духовные учреждения через непосредственное начальство церковного причта — Уфимскую Духовную Консисторию, нимало не заботившуюся о том, имеется ли у священника время и возможность выполнить все взваленные на него поручения:

- Всевозможные статистические комитеты за сведениями всех возможных родов непременно обращались к священнику. Так, губернский статистический комитет ежегодно требовал сведений о числе родившихся вообще, о родившихся по временам года, о числе незаконнорожденных, двойней, тройней, уродов; о брачующихся холостых с девицами, холостых со вдовами и прочее, умерших по возрастам и временам года.

- Другие комитеты требовали сведений этнографических, топографических и метеорологических, — о направлении господствующих ветров, средней температуре зимы и лета, времени вскрытия рек, количестве выпадающей влаги и прочее. Стало быть священник должен был иметь и барометры, и термометры и дождемеры и т.д., наблюдать, вести журналы, сообщать сведения.

- При ремонте церквей, постройках и ремонте квартир причтов, от благочинного и местного священника требовалась смета, надзор за производством работ и строгая отчетность. Стало быть, священник должен был быть инженером и техником, и знать работы каменные, плотничные, столярные, малярные и пр. и пр.

- Очень часто поручалось священникам делать дознания или производить следствие. Стало быть, священник должен был основательно изучить следственную часть, и вообще изучать законы. Духовная Консистория же при этом священ-

никам, назначаемым следователями, спуску не давала и кара-ла их штрафами за самый малый недосмотр или упущение.

Для наглядности, возьму на себя смелость привести перечень сведений, которые требовало от сельских священнослужителей так называемое «Вольное Экономическое Общество» (Предписания о предоставлении сведений направлялись священникам от имени Духовной Консistorии через благочинного, как правило, с пометками «срочно», «к такому то времени» и т.п. при этом часто подчеркивалось, что неисполнение карается штрафами, выговорами и иными взысканиями).

Итак, оно требовало:

«Количество ревизских душ — мирских и окладных, наличных по семейному списку; число рабочих 50-60 лет; в каком году кто отделился; сколько имеет усадебной земли; сколько имеет земли казенной или надельной, наследственной или четвертной, купленной самим хозяином, артелью, общиной; сколько земли нанимает пахотной, луговой, огородной; сколько за какую платит; сколько удобряет земли и по сколько вывозит навозу на полевую землю; сколько продает земли. Т.е. отдает в наймы; сеет ли лен, коноплю, табак и пр. Сколько засеивает этими растениями и по сколько пудов на десятину высевает; сколько пудов получил в прошлом году хлеба и какого с десятины; сколько четвертей и какого хлеба продал и на какую сумму. Сколько скота: рабочих лошадей и волов, сколько молодых и гулевых, рогатого скота: лошадей и коров, сколько овец и свиней, сколько скота держит на чужой земле и по какой цене платит за каждую штуку. Сколько грамотных и учащихся; каким промыслом занимаются — отхожим или кустарным, сколько средним числом зарабатывает в год, сколько человек из семьи было в заработках — в своей

деревне, на стороне, сколько времени пробыли в заработках; сколько членов семьи кабалилось и на какие сроки; сколько членов семьи нищенствовало. Сколько платится на душу повинностей: выкупного платежа или оброчного за землю сбора, подушного или государственного земского сбора, земских сборов, волостных сборов, сельских сборов за пастьбу скота, сторожам на школу, пожарные инструменты. Сколько недоимок, до какого времени хватило своего хлеба...» и проч. и проч.

Не правда ли, что масса сведений страшная! Прошу при этом иметь в виду, что эти сведения требовались по каждому дому отдельно! Учитывая количество дворов в Кара-Елге, Савалеево, Шумыше и Утяшкино в 1870-х годах, можно представить объем работы, которую необходимо было проделать священнику для предоставления запрашиваемых сведений.

В периоды войн именно духовенство, и в большей степени сельское, призвано было возбудить надежду на Бога, поднять сильно упавший дух народа и усилить ненависть к врагу. И священники читали воззвания к народу в церквях и иных общественных местах, в том числе на базарах и ярмарках, молились вместе с народом и употребляли все способы, чтобы возбудить нравственные силы народа к перенесению тяготы, вызванной войною.

Мы уже приводили образец воззвания к пожертвованиям, которое распространялось, в том числе, и через духовенство Вознесенской церкви в период русско-турецкой войны. Не осталось в стороне оно в Русско-японскую войну. Тем более примечательно, что священники и церковнослужители именно 2-го благочинного округа Мензелинского уезда, в числе которых был и настоятель Вознесенской церкви села Кара-Елги Василий Федорович Петров, выступили инициа-

торами в Уфимской губернии отчислений из своего скромного священнического жалования на нужды войны. В № 17 «Уфимских Епархиальных Ведомостей» (от 1 сентября 1904 года), в разделе «Епархиальные распоряжения и известия» был опубликован следующий документ:

**Его Преосвященнейшему Христофору,
Епископу Уфимскому и Мензелинскому,
Благочинного 2-го округа, Мензелинского уезда,
священника Иоана Миролюбова.**

РАПОРТ

Сим долгом имею почтительнейше доложить, что духовенство вверенного мне округа, послушное Архипастырскому голосу Вашего Преосвященства, призвавшему всех в эти переживаемые тяжелые дни отечественной войны к сердечному участию и к посильным жертвам на Алтарь Отечества, с искренней готовностью изъявило желание делать %-е отчисление из получаемого казенного жалования во все время войны на нужды ея, что и выразило сначала в прилагаемых при сем рапортах. Сумму, образовавшуюся от этого отчисления удобнее было бы удерживать в Консistorии при распределении жалования, направляя таковую по усмотрению Вашего Преосвященства. После сего, собравшись 1-го июля на окружном съезде, духовенство уполномочило меня почтительнейше просить Ваше Преосвященство повергнуть к Священным стопам Помазанника Божия, Нашего Обожаемого Царя-Батюшки от лица пастырей и пасомых крепчайшие верноподданнические чувства с непрестанной теплой молитвой о даровании победы над коварным врагом.

При этом духовенство округа, собравши по настоящее время на нужды войны более 800 рублей и много вещевых пожертвований, обещает и впредь собирать равные вдовичей лепты от скудности деревенской и вметать их в общую сокровищницу с большими и богатыми жертвами — в уверенности, что и малая лепта от многих миллионов лиц составит много и многое сделает.

При сем же долгом имею представить список священно-церковно-служителей, пожелавших делать %-ное отчисление из жалования.

Вашего Преосвященства, Милостивейшего Архипастыря и отца, всепочтительнейший послушник, Благочинный, священник Иоан Миролюбов.

1904 года 12-го июля, № 818-й.

На сем рапорте последовала резолюция Его Преосвященства от 16 июля с.г. таковая: «**В Консistorию. Пример достойный подражания. Пропечатать о сем в Епархиальных Ведомостях в ближайшем № к сведению духовенства епархии**».

К рапорту был приложен:

СПИСОК

Священно-церковно-служителей 2-го благочинного округа, Мензелинского уезда, изъявивших желание делать 5-ное отчисление из получаемого казенного жалования на нужды войны России с Японией, начиная с января сего 1904 года и до окончания войны.

№	Наименование села и имя и фамилия членов причта	Количество процентов
1	Пригорода Заинска: священник Иоан Миролюбов. Псаломщик Евгений Лавров, псаломщик Александр Орлов	10 %
2	Села Кузайкина: священник Алексей Виноградов. И.д. псаломщика Илья Кандарицкий	5 %
3	Села Ерсубайкина: священник Иоан Смирнов, псаломщик-диакон Тимофей Яковлев	3 %
4	Села Сиренькина: священник Владимир Котельников. И.д. псаломщика Дмитрий Рождественский	5 %
5	Села Малыклов: священник Николай Теплов, псаломщик Георгий Аникин	5 %.
6	Села Старой Елани: священник Федор Петров, и.д. псаломщика Никита Веденин	3 %
7	Села Буты: священник Александр Фелицин, псаломщик — дьякон Иоан Громов	5 %
8	Села Караилги: священник Василий Петров, псаломщик Федор Котлов	4 % 2 %
9	Села Акташа: священник Федор Родосский, священник Николай Агров, дьякон Александр Миропольский, псаломщик Александр Воздвиженский	5 %
10	Села Налим: священник Афанасий Ермолаев, псаломщик-дьякон Иаков Кузнецов	5 %
11	Села Верхнего Акташа: священник Николай Менщиков, диакон Александр Колокольцев и и.д. псаломщика Николай Котлов	2 %

№	Наименование села и имя и фамилия членов причта	Количество процентов
12	Села Новоспаска: священник Андрей Винтилин, псаломщик — диакон Иоан Желвицкий, псаломщик Иоан Лёшин	3 %
13	Села Онбии: священник Исаак Миролюбов, и.д. псаломщика Александр Румянцев	2 %
14	Села Багряш-Никольского, священник Павел Сельский из годового оклада жалования	7 рублей.

Благочинный, священник Иоан Миролюбов».

Однако, при всем том многообразии и многочисленности общественных функций и священнических обязанностей, возложенных на сельское духовенство каким же образом обеспечивалось оно для должного их выполнения.

Как мы видели из той информации о Вознесенской церкви, которая была напечатана в «Памятной книжке Уфимской губернии за 1873 год», при церкви «имеется дом для причта». Сказать, что это обстоятельство ставило священнослужителей Вознесенской церкви в не в пример выгоднейшие условия перед коллегами из большинства соседних приходов — это не сказать ничего. При отсутствии общественного жилья для духовенства при церкви никаких мер по обеспечению жильем для них со стороны епархиального начальства не предпринималось вообще. То есть священник, назначенный в новый приход, прибыв в село, самостоятельно должен был подыскивать себе место для жительства¹.

¹ В приложении к книге приведены извлечения из книги «Записки сельского священника» где очень живописуется именно эта деталь быта сельского священника.

Особенным счастьем члену причта (приехавшему в новый приход) было, если в селе его найдутся у мужика две избы и одну из них он уступит ему. При этом, в виду абсолютного отсутствия иных вариантов, взять с него могут столько, сколько и сама изба ни стоит. Как бы он не бился, какую бы нужду не терпел он, получай хоть 50 рублей в год, будь он и сам и дети босы и голодны, — но построить свой дом он все-таки должен. Иначе ему с семьей придется умирать на улице.

Собрался, наконец, с силами, предположим, священник, можно бы и строиться, — но где? Усадебные места — или церковные, или прихожан, в собственность приобрести нельзя ни тех, ни других, нужно строить на чужой земле. Если нет церковной усадьбы, то нужно просить прихожан, чтобы они позволили строить на своей. Тут нужно просить и, разумеется, поить мужиков, а до этого несколько раз убогатворить коноводов-стариков, иначе никогда не состоится никакая сделка. Запоенные и задобренные коноводы сами скажут, когда у них будет общая мирская попойка. Они скажут, что на сход, пока мужики не подопьют, идти нельзя, иначе понадобится много водки, что на сход нужно будет идти прямо с водкой. Тогда полупьяные мужики бывают согласны на все. Выпивши ведра два-три, крестьяне позволяют строиться на их усадьбе, но позволение это обыкновенно делалось безо всякого юридического оформления. То есть без составления каких либо актов. Если дом предшественника был на церковной земле, то иногда было возможным купить и его, если же на крестьянской, то его, почти всегда, забирали за бесценок сами крестьяне. При этом следует отметить, что покидая приход, священнику зачастую не удавалось продать дом свой и за десятую часть его реальной стоимости. Соответственно

на новом месте ему при отсутствии иного жилья начинать приходилось практически с нуля.

В достаточных приходах священнослужители, имевшие возможность, строили себе порядочные дома и жили годами до старости. Но как только по болезни или старости выходили за штат, то дожить спокойно в своем доме им не давали практически никогда. Их вынуждали продать за бесценок свой дом, или уйти к какому-нибудь родственнику, или построить келью на конце селения. Со священническими вдовами зачастую бывало поступали еще хуже — их прямо почти выгоняли из дома.

В одном из сел Уфимской епархии был такой случай: священник приехал туда на должность перед Пасхой и с женой и ребенком поселился у одного из крестьян села, в одну избу с семейством крестьянина. Изба топилась по черному (печь без дымовой трубы), едва с месяц пробыл там несчастный! Как только сошел снег и стало просыхать — он вырыл в круче над оврагом землянку и жил там все лето, пока строился его флигель. В другом приходе священник жил с семьей целый год в кабаке. Во всем селе не оказалось ни одной избы, где священник мог бы приютиться.

В 1880-м году произошел следующий случай. В один приход, большой, достаточно богатый и состоящий из множества деревень поступил вдовый священник, имеющий четырех детей. После достаточно продолжительных мытарств с трудом ему удалось у одного крестьянина снять избенку за селом, на берегу речки: маленькую низенькую, гнилую, покосившуюся, полураскрытую, с двумя крохотными тусклыми оконцами, с большой глинобитной печью, пол из коротеньких горбылей, наброшенных кое как. Ни сеней, ни амбара, ни погреба, ни чулана — не было ровным счетом ничего. Священник, на его

большое горе, был высокого роста. Он не мог даже встать во весь рост и сделать пять шагов от одной стороны до другой. Спал с детьми на полу. Еду себе готовил сам, при помощи детей-мальчиков (у него было три малолетних сына и дочка), изредка только помогала соседка — старуха. Одним словом, избенку эту можно было назвать жильем лишь с большой натяжкой.

В приходе были его прихожане, — дворяне — землевладельцы. Один из них имел 1000 десятин земли и до 200 000 рублей в банках, другой имел 6 000 десятин и 250 000 рублей, третий помещик имел 500 десятин, другие так же около того.

Сколько раз просил этот священник прихожан своих, и помещиков и крестьян, дать ему сносную квартиру или построить общественный дом, сколько кланялся, просил со слезами. Сколько пропойл мужикам водки — все напрасно. Наконец старшина сжалился, собрал сход и на сходе положили построить общественный дом для квартиры священника. Написали приговор и стали подписываться. Но в это время, откуда ни возьмись, приехал в волостное правление, где происходил сход, один из крупных землевладельцев, прихожанин его (имеющий 200 000 рублей в банках). По приезду он вбегает и начинает кричать и доказывать, что строить дома попу не нужно; что попы дерут и с живого и с мертвого, что пусть он живет где знает, что крестьяне и без того бедны и т.д. и т.п. Что сельские крестьяне не должны давать ему под дом и места, если б он вздумал строить свой или на церковные средства, так как земля принадлежит одним крестьянам, а поп для всего прихода. Мужики сперва призадумались. А потом видят, что барин старается для них же, подняли шум, ссору и решили: не давать попу ничего. И под диктовку этого «прихожанина» — землевладельца написали приговор, «что-

бы священник не смел строить дома и на церковные деньги, если б он вздумал строить. Так как деньги в церкви они дают Богу а не на дом попам». Несчастный священник зарыдал на сходе и пошел домой не помня себя.

Священник подал прошение в консисторию, прося ее содействия в обеспечении его квартирой. Консистория сама не имеет никаких средств к воздействию на прихожан и потому предписала священнику через благочинного: «усугубить убеждения прихожанам к отводу квартиры или постройки общественного дома». Через месяц священник донес благочинному. Тот — консистории, что он много раз просил прихожан своих об отводе ему квартиры и постройке дома, но те не делают ни того, ни другого. Консистория отнеслась за содействием в губернское правление, то предписало полицейскому управлению, это — становому приставу. Приехал пристав, созвал человек 20 мужиков и те от имени всего прихода дали новый приговор — ни квартиры, ни дома не давать! Так дело и кончилось. Так и служил этот несчастный священник, убитый вдовством, нуждой и наглостью! Не удивительно, что тогда же он положил для себя — ни одного из троих своих сыновей не пускать в духовное звание.

Конечно, последний возмутительный пример — это показатель не только того, насколько важным обстоятельством являлось наличие «дома для причта» в Кара-Елге, но и того, каким образом отношение прихожан сказывалось и на быте православного сельского духовенства. По всей вероятности, предшественник этого священника, который сам по себе характеризовался исключительно с положительной стороны, не смог наладить должных отношений с паствой, что и явилось причиной столь уничижительного положения, в котором оказался его преемник в священнической должности.

Но, пожалуй, следует все-таки признать, что означенный пример является скорее исключением, чем правилом. Вышеприведенные примеры, подтверждающие исключительное значение пастырской службы в Кара-Елге, как и само наличие дома для причта, капитального каменного храма, периодически ремонтируемого на средства паствы, набожных прихожан-паломников и т.д., говорят о том, что отношения между священнослужителями Вознесенской церкви и жителями села скорее всего складывались таким образом, как описывает один из сельских священников того времени:

«Трудно встретить таких добрых прихожан, которые с таким почтением относились бы к своему священнику, как относятся мои ко мне: при встрече с крестьянином я первым словом говорю ему раза три, чтобы он надел шапку. Иначе говори с ним сколько угодно, он, все время будет стоять без шапки. Иду я или еду по улице и, не говоря уже о том, что все взрослые издали встают и стоят без шапок, — вся мелюзга, дети кричат мне со всех сторон: «батюшка, здравствуй!». Иной ребенок, лет трех, не умеет еще выговаривать толком, а тоже кричит за всеми «А, а!» и кланяется. Лошадей своих я не держу, и мне все возят прихожане. Куплю, например, пятачков пять дров, верст за 20 от села, пишу деревенским старостам записки, и на другой день подвод 80 привезут мне дров. Куплю для коровы сена — привезут и это. Вычистить пригороду, куда выпускаются коровы, вывести со двора снег, которого случалось, наносилось возов 200, набить ледники и т.п., все это делают мои прихожане. Перед свадьбами, по крайней мере половина, идут ко мне за советом: взять ли за сына дочь у такого то крестьянина, или отдать — ли дочь к

такому то? Приколотит пьяный мужик свою жену, — и она идет ко мне с жалобой. Крайне редки случаи, чтобы пьяный мужик прошел мимо моего дома, — непременно постарается пробраться где-нибудь по закоулкам, чтобы я его не заметил. Толпятся мужики у кабака, иду или еду я, издали увидят — мгновенно все разбегутся. Слово мое в приходе есть закон. Конечно, все это зависит от доброты моих прихожан, но и я дорожу этим расположением. Насколько только возможно, я держусь правила — не ссориться ни с кем, ни при каких обстоятельствах, тотчас исполнять всякое требование каждого и быть, насколько есть сил, строгим к себе.

Летом, по праздникам, в утрени в церкви народу у нас бывает довольно много. После утрени я выйду на амвон, просто, без епитрахили, прочту и объясню евангелие этого дня, прочту еще что-нибудь. Спрошу, — поняли ли. В хорошую погоду выйдем все на крыльцо церкви, — сяду, около меня посядут все, обступят со всех сторон внизу, — я и читаю, и толкую с ними час или полтора. Тут дело идет у нас запросто. Тут я выслушиваю вопросы и суждения каждого, — мы тут не стесняемся совсем друг друга.»

Вот, пожалуй, образчик чисто пастырских, наставнических и исключительно добрых взаимоотношений, которые и складывались, по всей видимости, у настоятелей Вознесенской церкви и паствы. Об этом говорит и тот факт, что практически все настоятели, о которых мы знаем, — Желвицкий А.В., Петров В.Ф., Котлов Ф.А., служили в Вознесенской церкви не по одному десятку лет. Исключение составляет разве что В.С. Константиновский, но и его последующий послужной список не дает оснований предположить, что он был удален от прихода за какие либо «неисправности в служ-

бе», скорее напротив. А ведь Устав Духовных Консистолий от 1883 года, который мы уже цитировали, статьей 191 прямо предусматривал, что *«Священнослужители и причетники, которые по жалобам прихожан, оказываются виновными в неисправности по совершению богослужения и треб и в немирлоубии, исправляются монастырским подначальством и другими средствами, по мере вины. А в тех случаях, когда жалобы сего рода с законной ясностью не доказаны, но между тем большая часть прихожан просят удалить от их церкви подвергнувшихся таковым жалобам, они переводятся на другие места с поручением особому надзору»*. То есть для удаления от прихода даже не являлось обязательным, чтобы жалобы на священника нашли свое подтверждение при производстве расследования. Достаточно было, чтобы такие жалобы или просьбы поступили от большей части прихожан. Иногда же достаточно было и одной жалобы, но дворян.

Чтобы не быть голословным хотелось бы привести отрывок из «Обозрения церковей Уфимской епархии его преосвященством, Преосвященнейшим Дионисием, епископом Уфимским и Мензелинским с 30 мая по 24 июня 1889 г.».

Итак, непосредственный начальник настоятеля Вознесенской церкви, епископ Дионисий, посетивший Караилгу в середине июня 1889 года, пишет¹:

«Село Караилга.

Церковь в с.Караилга каменная, во имя Вознесения Господня. Постройкой начата тщанием жителей, а освящен-

на в 1867 году. Причта при ней положено: один священник и один псаломщик.

Прихожан в приходе в 1887 году было: русских 1028 муж. пола и 1142 женск.; старокрещенных из татар муж. пола 414, женск.435. а с 1888 года, по случаю постройки церкви в бывшей приходской деревне (ныне село) Савалевой (так написано — В.Б.), приход Караелгинский стали составлять одни русские, которых в приходе муж. пола 997, женск. — 1082. Деревень к селу принадлежит две: Шумыш (в 4-х) и Утяткина (в 2-х верстах).

В 1888 году исповедавшихся и причастившихся было муж.пола 565, женск. — 665; исповедавшихся, но не причастившихся, муж. пола 183, женск. — 216. Не бывших у исповеди, по отлучкам, муж. пола 54, женск. 24.

В Караилге училище открыто в конце 1879 года Мензелинским уездным Земством. Детей в училище обучает дочь землевладельца села Поручикова Александра Подъячева, а Закон Божий преподает священник Арсений Желвицкий.

«Тяжебных и следственных дел ни по церкви, ни между членами причта нет», пишет причт в своем рапорте Преосвященному, а между тем в бытность Преосвященного в 1888 году в С.-Петербурге землевладелец с.караилги Генерал Майор Артиллерии г.Греви заявлялся к нему с жалобой на здешнего священника Арсения Желвицкого, что он, Желвицкий, якобы и ведет себя зазорно, и за требы вымогает, и на служение ленив, и просил удалить его. Ныне в бытность мою в Караилге г.Греви опять прислал мне письмо и, повторяя те-же хулы на священника, паки просит удалить его из этого села. Между тем у священника при обозрении оказалось все исправно, а прихожане дали

¹ Уфимские Епархиальные ведомости, 1889, № 7. Стр.235-241.

письменный отзыв о священнике с отличной стороны. Не в защиту священника говорю это, а для выражения тех затруднений, в каковые иногда мы поставляемся обстоятельствами выслушивать то, чего на самом деле нет. Хотя письмо г. Гриви было и частное, но я предложил его Консistorии на рассмотрение и заключение».

Сложно сейчас предположить, что именно явилось причиной неприязненных отношений со стороны местного землевладельца в отношении о. Арсения Васильевича Желвицкого. Но приведенный отрывок наглядно доказывает, что все обвинения были голословны и не имели под собой абсолютно никакой почвы. Однако, к сожалению, следует признать, что именно «хулы» г.Гриви явились причиной, по которой решением от 26 октября 1889 года, А.В.Желвицкий, прослуживший в Караелгинском приходе более четверти века, переводиться в село Большая Шильна. По видимому Консistorия, которой было предложено на рассмотрение «частное» письмо Гриви, приняла-таки его сторону и удалила батюшку от прихода.

Это еще раз доказывает, насколько сельские священнослужители, не имеющие, в силу специфики службы и удаленности, защитников среди «сильных мира сего», были не защищены и зависимы даже от неоправданных и необоснованных наветов дворян.

Особа роль батюшки была и в тех случаях, когда приход постигала беда, например, пожары, которые, порой, практически уничтожали огромные поселения. Считаю возможным привести здесь воззвание священника одного из приходов Уфимской епархии, которое непременно озвучивалось во всех остальных приходах, в том числе, и в Кара-Елге. Уверен, что и жители села не могли остаться безучастными к несчастью, постигшему единоверцев.

ВОЗЗВАНИЕ¹

Доброхотные жертвователи!

Как ни тяжело выплакивать свое горе и просить сочувствия у мира, но долг пастырства побуждает к сему. 20 августа прошлого года от неосторожности крестьян сгорело село Шуган в количестве 359 дворов и церковь во имя Святителя и чудотворца Николая и все в ней находящиеся.

Ветер в тот день был настолько силен и переменчив, что не прошло и ¼ часа, как село со всех концов было объято пламенем, так что предпринимать какие-либо меры к сохранению имущества не было никакой возможности.

При всеобщем смятении, женщины в страшных рыданиях спешили, дабы вытащить своих детей в поле, а мужчины все силы употребляли лишь только к тому, чтобы спасти скот, но не смотря на их усиленное старание, скота погорело около 150 голов; кроме того было найдено три человеческие жертвы и, если бы не озеро, в которое очень многие бросались, чтобы затушить на себе горевшее платье, то еще больше было бы жертв и увечий.

Перо не поддается, чтобы описать все бедствия, произошедшие от пожара, и язык отказывается, чтобы перечислить те невзгоды, кои понесли Шуганцы в течение моего двухлетнего служения.

Настоящий пожар для крестьян еще осложнился и тем, что они горели в 1901 году 29 августа; после пожара все деньги, запасенные «на черный день», были ими затрачены и вот, лишь только было понастроили они новых хат, при чем многие даже не успели их застраховать, как снова пришлось нести тяжкий крест.

¹ Уфимские Епархиальные ведомости. № 3. 1904 г.

Пожар, бывший в 1901 году, не так был чувствителен и разорителен, как настоящий, потому что тогда огонь оставил хотя хлеб. А настоящим пожаром не оставлено ни кола, ни двора, в закромах ни зерна, на гумне ни снопа, и если правительство не придет на помощь, то положение крестьян совершенно безвыходно, так как своими силами они не в состоянии влачить свое жалкое существование и уже не одна семья, даже из домов зажиточных, надели сумы, чтобы прокормиться.

Ждать или просить какой-либо материальной помощи от крестьян на сооружение нового храма было бы делом безумия, по пословице «у нищего кошель отнимать».

Между тем, постройка храма необходима в этом селе, зараженном расколом; если и при полном благополучии крестьян среди некоторых семей не трудна была пропаганда раскола, то теперь и того легче расколо-учителям посеять семена раскола в сердцах колеблющихся между православием и расколом. И если надолго замедлится постройка храма, то есть опасность, что в недалеком будущем большая часть населения перейдет в раскол и тогда уж трудно будет привлечь их в лоно Православной Церкви.

И лишь только было стало сердце мое радоваться при виде многочисленности молящихся, а мои пасомые только что начали было свыкаться с церковью и презирать раскол, как явилось новое испытание, которое без посторонней помощи непоправимо.

Посему всецело передаем себя в руки Промысла Божия и будем надеяться на отзывчивость русского народа, на средства которого не одна сооружена на Руси церковь!

А Вас, служители алтаря, покорнейше прошу поведать наше горе добрым людям и словами сострадания располо-

жить вверенных вам пасомых к посильным пожертвованиям. Ваш труд и их лепта послужат лучшим залогом приобрести вечного ходатая за гробом в лице Святителя и Чудотворца Николая и временного молитвенника перед Престолом в лице смиренного иерея Сергия Яковлева.

Пожертвования денежные и вещественные благоволите пересылать по следующему адресу:

Г.Белебей, через Нагайбакское Волостное Правление в село Нагайбак, священнику Сергию Яковлеву.

Однако какие бы ни сложились у приходского священника доверительные и уважительные отношения с паствой, всегда оставался камень преткновения — взносы, пожертвования или платы за различные требоисправления, на которые фактически и должны были существовать священник и причетники (дьяконы, пономари, псаломщики), а так же их семьи.

Как мы уже говорили в водной части, в начале 1870-х годов «жалование от казны» назначалось далеко не всем приходом, а кому оно и назначалось, было таким мизерным, что существовать на него не было практически никакой возможности. Если настоятелю храма жалование платилось хотя бы в том размере, чтобы не умереть с голоду, то суммы, которые «жаловались» причетникам, были и вовсе несуразны. Я упоминал сумму в 42 рубля в год (псаломщику), но в других источниках приходилось встречать и такие размеры жалования, — настоятель — 140 рублей в год; его помощнику (там, где в штате причта было утверждено два священника, один из них назначался настоятелем, другой его помощником. Было такое на протяжении примерно 2-х лет в 1889-1891 годах и в Кара-Елге, когда в Вознесенской церкви одновремен-

но числились А.Желвицкий и А.Ермалаев) устанавливалось жалование в 108 рублей в год, псаломщик — дьякон получал 36 рублей, а псаломщик пономарь и вовсе 24 рубля в год.

Должность причетника (псаломщика, дьякона и т.д.), для христианина — должность высокая. Это единственный чтец-певец при богослужении в церкви. Мало того: это приходской нотариус, утверждающий действительность и время событий рождения, брака и смерти тысяч прихожан и от исправности и неисправности которого может зависеть многое, — он являлся письмоводитель церковных актов.

Не смотря, однако же, на важное значение для церкви, государства и общества тех функций, которые выполняли причетники, очень часто случалось, что люди, считавшие себя и высокопоставленными, и умными, и христианами, причетника считали хуже собаки. И это не аллегория и не преувеличение. Например, приходит священник с крестом в дом барина: ему подают руку, а пономарю нет, — а в то же время ласкают и гладят собаку. Садятся закусывать — собака тут же возле ног, а причетника отсылают в лакейскую....

Самая обыкновенная кухарка, неграмотная деревенская баба, получала не менее 3-4 рублей в месяц жалования, имея при этом помещение, стол, чай, кофе и праздничные подарки. Самый последний мужик-работник, даже крепко выпивающий, получал 80-90 рублей в лето и опять же имеет помещение, стол, водочные подачки. Псаломщик же пономарь получал 2 рубля в месяц жалования и был пущен на произвол судьбы: жить где примут, и есть, что соберет по миру... При этом, в причетники направлялись епархиальным начальством лица, окончившие как минимум несколько классов духовной семинарии, а то и полный курс. Во все уже нелепым являлось то, что из жалования причетников вычиталось

ежегодно по две копейки в «пенсионный капитал», пенсия же им не полагалась вовсе.... Как бы это ни выглядело дико сегодня, но это были реалии быта священнослужителей тех лет о которых мы говорим.

Можно ли, зная, в какие порой невыносимые условия жизни были поставлены сельские священнослужители, осуждать их за что либо? Пожалуй, ответ однозначный, — нет! Поэтому нередко в селах того времени молебны на святую Пасху, по описанию очевидца, выглядели следующим образом:

*«В селах на святую Пасху служат молебен во всех домах прихожан. При этом носят несколько икон, большую часть пять. Мужики, носящие иконы, называются **богоносцами**. Теперь, когда стало возможно брать невест где угодно, — иконы носят преимущественно холостые парни, и высматривают невест.*

*Я знал и прежде, что при пасхальном хождении, кроме поющих, за иконами ходит много и **припевающих**, но не знал, сколько будет этих припевающих теперь, и как они будут вести себя, потому, не увидевши всего собственными глазами, не хотел нарушать порядка, освященного веками и не сделал никакого распоряжения. В первый же дом мы явились: поп, дьякон, дьячек, пономарь, пятеро богоносцев, церковный сторож, дьяконица, дьячиха, пономарица, просвирня, четыре юнца — детей дьякона и дьячка и шесть старух богомолок, итого 25 человек, а сзади целый обоз телег. Крестьяне встречают священника с хлебом-солью у ворот. Хлеб этот во время молебна лежит на столе, потом он отдается причту. Для этого и идет телега, на нее же кладутся яйца, которыми христосуются члены семейства с причтом. А так как соби-*

рают и хлебом и яйцами и бабье, — дьяконица, дьячиха и пр., то и они тащат одну или две телеги. Таким образом на каждый дом крестьянина делается целое нашествие.

В первый еще дом все явились уже навеселе и чувствовались только суета и теснота; но дворов через 15-20 перепились все и далее ходить уже не было никакой возможности. Богоносцы шли впереди меня и, по очереди, успевали выпить до меня, а хвост мой, на просторе, имел возможность пить сколько угодно. Таким образом, скоро перепились все до единого, кроме ребятишек и старух. Войдя в дома, я начинал петь, за мной вваливала вся толпа. Но вваливала не затем, чтобы молиться, а всякий, наперерыв один перед другим, старался поскорее с хозяином и хозяйкой похристосоваться. Схватить яйцо, грош и маленький, нарочито для этого случая испеченный, хлебец. Ввалил толпа, — и пойдет шум, гам, возня, ссора! Беда. Если кто схватит что-нибудь не почину — пономарица прежде дьяконицы, просвирня прежде пономарицы, дьячков мальчик — прежде дьяконова! Всякий старался только о том, чтобы поскорее схватить что-нибудь и не остаться без подачки и больше не думал ни о чем. О благоговейном же служении тут не могло быть и речи, даже между членами причта, а хвост, — так просто, потеха! Выносит например хозяйка хлебец, нужно бы по чину, взять дьяконице, а дьячиха, откуда ни возьмись, да и схватит. — ну и пошло писать! Тут потянутся все прародители, да и с детками! Не скоро, вероятно, хозяева приходили в себя, когда мы отваливали! Наконец я увидел, что один член причта, тычась носом сам, ведет под руку свою благоверную супружницу, тоже крепко клюкнувшую. Я велел тотчас отнести иконы в церковь. А сам ушел домой. Причт мой был несказанно рад, что я дал отдохнуть ему и выспаться....

Утром нужно было ехать в деревню и я объявил причту, что если чья-нибудь жена их явится туда, то я ту же секунду уеду с деревни. Не приехала, действительно, ни одна; но зато причт мой отомстил мне самым жестоким образом: дворе в десятом все трое были пьянехоньки. Я один прошел три деревеньки, отстоящие одна от другой верст на 5. Распутица была страшная: нельзя было ехать ни в телеге, ни в санях, ни даже верхом, и я должен был идти пешком, проваливаясь в мокрый снег и воду на каждом шагу; приходилось делать огромные обходы — или переползать через овраги и речки по сугробам и льдинам, под которыми вода клокотала. Такие переходы, конечно, прямо угрожали жизни, но нужда опасности не знает.

На следующее утро я объявил причту, что я тогда только поеду в деревни, если все они дадут мне честное слово, что они пить водки не будут ни одной капли. Слушая мои увещевания, дьячек задумался, улыбнулся и говорит: «я, пожалуй, не стал бы пить, да право, батюшка стыдно. Станут подносить, а я и скажу: «я не пью». И самому то страшно выговорить такое слово — «не пью», да и мужиков-то удивишь. Никто не поверит. Ведь, хоть разбожись, не поверят. Григорьичь не пьет!» После долгих колебаний и просьб, я все таки получил обещание не пить и действительно, никто не выпил ни капли. Я радовался от всей души.

Заручившись обещанием дьякона не пить, я поручил ему получать плату за молебны. Это много ускорило нашу ходьбу. Мужик, обыкновенно, делает не торопясь все, — с охотой ли он делает что-нибудь или нехотя, — это все равно. Поэтому пока он возится со мешком, я успевал отслужить в следующем своем дворе весь молебен, так что дьякон приходил к самому концу. При расплатах у дьякона, очень нередко, бы-

вал с мужиком и торг. Такие сделки бывали чуть не в каждом доме. Мужик непременно даст три-четыре коп., дьякон: что ты, Федор Иванович, побойся Бога: за пасхальный молебен 3 коп.! Все уж надо гривинничек!»!

– Э! о! дьякон, гривинничек! Больно много, жирен будешь!

– Уж так с твоего гривинника и разжиреешь! Не бойся, не разжирею! Прибавь, не скупись, прибавь!

Мужик вынимает еще 5 коп.

– На, вытянул!

– Нет, уж, не жалея, прибавь, тебе Бог веку прибавит. Дотягивай до гривинника-то!

– Так вот, за то, что я тебе прибавлю, и веку Бог! Будет, больно жаден!

– А я говорю, что прибавит. Не за гривинник, а за доброту твою Бог веку прибавит. Доброго человека и Бог любит.

– А ты, видимо, не хочешь, чтобы тебе Бог веку то прибавил, выжимаешь гривинник? Будет восемь копеек, чего тебе еще?

И так перебранка — несколько минут.

Однажды мужик вынул из кармана мешок, запустил туда руку и стал перебирать гроши. Дьячек мой, Григорьич, наклонил на сторону голову, глядит на мешок и невучим, жалобным голосом, пресерьезно протянул: «Истощайте, истощайте до основания его» (Псал. 136,7)! Я не мог удержаться от смеху.....».

Не раз и не два предпринимались попытки упорядочить взимание платы с прихожан за требоисправления. Так в 1879 году Преосвященный Уфимской епархии попросил начальника губернии, чтобы тот оказал содействие и употребил свое влияние, чтобы прихожане назначили духовенству оп-

ределенное жалование или определили известную таксу за требоисправления. Преосвященным указана была норма, которой прихожане бы держались приблизительно при определении жалования и таксы. Начальник губернии сделал распоряжение по волостным правлениям и, вместе с тем, предписал уездным исправникам наблюдать за ходом дела и содействовать в обеспечении духовенства.

Так как дело это было отдано, однако же, «на добрую волю» прихожан, то они и положили почти во всех приходах такие таксы за требы: за наречение имени младенцу и за крещение по 3 коп.; за исповедь 2 коп.; молебен 2 коп.; свадьбу 50 коп.; погребение младенца 5 коп.; взрослого 20 коп.; с выносом от дому до церкви и от церкви до кладбища 40 коп.; за обедню по усопшему 30 коп. и т.д. Так что священнику, например Вознесенской церкви Кара-Елги, с количеством чуть более 1000 душ мужского пола в приходе, не приходилось получать и 60 руб. в год! Некоторые приходы положили жалование 100 — 130 рублей в год на весь причт. Некоторые же приходы положили: «быть по старому». Тут уже влияло само духовенство. Такие постановления — «быть по старому» — были большей частью в приходах многолюдных и состоятельных, где духовенство видело, что с жалованием в 150 рублей и таксой 2-5 коп., оно получило бы в десять раз менее того, что получало оно ранее. «Присутствие по крестьянским делам¹» приговор некоторых обществ возвратило им назад. В

¹ Губернские по крестьянским делам присутствия были учреждены в 1861 году, при принятии «Положения о губернских и уездных о крестьянских делах учреждениях», в 1889 году, при введении «Положения о земских участковых начальниках», они были преобразованы в губернские присутствия.

волостных правлениях получили эти приговоры, но других сходов не собиралось. Так дело и заглохло.

Предпринималась попытка и иного рода. При назначении жалованья «от казны» было Высочайше повелено: не брать ни за какие обязательные требы, как-то крещение, исповедь, брак, елеосвящение, причащение и погребение, и дозволялось брать только добровольные подаяния за требы необязательные: молебны, панихиды и литургии.

Не смотря на Высочайшее повеление и жалование, брать за обязательные требоисправления духовенство не переставало. Поэтому через некоторое время последовало вновь Высочайшее повеление: за обязательные требы не брать! Духовенство осталось на жаловании и на добровольных платах за добровольные требоисправления. Священники и причт его должны были довольствоваться этой добровольной платой. Один, например крестьянин дает за молебен, допустим — 30 коп. — священник берет и благодарит, другой дает 10 — священник благодарит, третий дает 3 коп. — священник благо-

Присутствие представляло собой независимую межведомственную комиссию (а по некоторым делам — судебную инстанцию), под председательством губернатора, состоявшую из губернского предводителя дворянства, вице-губернатора, прокурора окружного суда или его товарища, и двух непременных членов от правительства. При присутствии состоял секретарь, чиновник губернского правления.

Присутствие выступало как верхняя судебная инстанция по отношению к уездным мировым съездам (съездам мировых посредников, занимавшихся урегулированием конфликтов по землепользованию между крестьянами и помещиками) — до 1889 года, а с 1889 года — по отношению к уездным съездам и непосредственно земским начальникам, а также рассматривало и утверждало все сделки, приводившие к изменению границ сельских обществ, а также вопросы исключения за провинности из сельских обществ.

дарит и этого. Всякому совершенно естественно платить, за что бы то ни было, как можно дешевле. Зачем, крестьянин будет платить за фунт хлеба 30 коп., когда хлебник останется доволен получив и 3 коп.? Молва о том, что поп берет за молебны и по 3 копейки разнесется по приходу мгновенно. И так действительно бывало и бывало неоднократно! Тут только и приходилось наверстывать тем, что священники служили многим вместе. Подобной практикой тех лет было испытано и доказано, что такая «добровольная плата» на приход в 1 500 душ мужского пола не давала и 50 рублей в год на весь причт. И даже если это только два человека, — священник и псаломщик, как прикажете существовать на подобные деньги? Поэтому при казенном жаловании и добровольных пожертвованиях духовенство хотя и было «облагорожено», но средства к содержанию его намного уменьшились. А этих оставшихся средств оказалось категорически недостаточно к его существованию. Правда, консистории нашли возможность обойти и этот закон — «не брать за обязательные требы»: они разрешили брать за запись треб, т.е. за крещение, например, не брать, но за запись крещения в метрику, — брать. За совершение таинства брака — не брать, но за запись брака брать было можно. Так и стало писаться в церковных приходно-расходных книгах. Сколько же брать за запись — этого не определено. Это опять добровольно. И на чьей стороне должна быть эта добрая воля — этого опять не сказано. А потому она и бывала всегда на той стороне, кто более настойчив. Грамотные и логически мыслящие прихожане, которые тоже встречались нередко, конечно тут же заметили явное несоответствие: Плата берется за «письмоводство», это понять можно. Однако же при записи в метрической книге о браке, письма столько же сколько и при крещении — пять

строк. Однако за запись о крещении берется 10 копеек, а за запись брака 10 рублей (в среднем).

Вот в такие во многом ложные отношения к приходам было поставлено сельское духовенство.

Священники, живущие с паствой в любви и взаимоуважении, к коим, безусловно относились и священнослужители Вознесенской церкви, устанавливали такой порядок. За все требоисправления была установлена такса, и такса самая небольшая. Поэтому никаких торгов и споров не бывало, почти, никогда. Но и эту, без всякого торга плату, сами священники обычно не брали. А отдавали это дело в руки дьякона-псаломщика. Они и брали установленную плату за все. В доме, например, священник служил молебен, после чего сразу уходил. Дьякон без него получает плату. В церкви отслужит молебны, панихиды, похороны, окрестит и так же сразу уходил. При свадьбе: священник пересмотрит документы и поручает дьякону написать обыск (установление подтверждающее, что никаких препятствий к браку по возрасту брачующихся, их родству и иным обстоятельствам не имеется). Потом, в определенное время священник проводит обряд венчания, плату за который опять же получает причетник.

Подобные платы за требоисправления называлась «кружечный сбор» и распределялась по всем членам причта. В 1880-х годах, при таком способе оплаты треб священник Вознесенской церкви, с тем количеством душ, которое было приписано к приходу, получал в год около 300 рублей, которые, конечно, не ставили его по доходам в ряд даже с зажиточными крестьянами, тем не менее позволяли более или менее сносно существовать.

Кроме «кружечного сбора» некоторым вспомоществованием для сельских священников являлся сбор хлебной руги,

или «руги с венца», о котором пишет Р. Игнатьев как о заведенном «из-стари» обычае. Действительно обычай такой существовал вплоть до октябрьского переворота, вот только автор цитируемой статьи, походя упомянув об этом обычае, не смог передать (да и знал ли?), каких нравственных мучений он порой стоил сельским священникам, вынужденным по своей бедности «собирать хлебом». Для того, чтобы это понять, следует обратиться к первоисточнику, — описанию этого униженного процесса, которое дает его непосредственный участник, сельский священник:

«В конце сентября я, по обыкновению всего сельского духовенства, пошел по приходу собирать хлебом. Церковный сторож заложил мне лошадь, растянул по всей телеге полог. Положил несколько мешков, и мы отправились.

Вхожу в первый же двор, встречаю хозяина и говорю: «не уродил ли Бог хлеба какого и на мою долю»? Мужик скинул шапку, нехотя поглядел на меня; поглядев себе под ноги, надел шапку. Сделал шага два к амбару, опять взглянул на меня и, нехотя, проговорил:

- Ты чем побираешься?*
- Все равно, что есть.*
- Можя ржи, ай овса?*
- Все равно, что есть.*
- То-то!*

Я поблагодарил его и ушел. Без меня он вынес мне полумерок ржи. Иду в следующий дом. Вся семья сидит за столом. Я спрашиваю:

- Не уродилось ли хлеба какого и на мою долю?*

Мужик положил ложку, рукавом утерся, почесал у себя за воротом, и спросил: ты рожью побираешься? Ай еще чем?

- Что дашь, за то и спасибо.
- А посуда своя, ай в нашу?
- Я своей не ношу.
- Поди, хозяйка, дай ему!

Та пошла впереди меня, в амбаре зачерпнула ковш ржи и вынесла. В третьем доме мужик заранее насыпал меру пшеницы, вынес за ворота и ждал меня. Мне пришлось только благодарить его.

Иду дальше, спрашиваю.

– Хлебушка-то мало у самого-то. Тем всем. И дьякону, и пономарю, и дьячку отказал. У самого семья, чай знаешь, мал-мала меньше, а ведь всем надо хлеба. А работник то я вот весь тут. А осенью пастух упустил табун, последнее то потравил. Теперь вот тут и живи как знаешь.

– Коль у тебя самого мало, так не нужно.

– Ну, не нужно! Не дать нельзя. Это я тем отказал. У тех шеи-то, как у быков, толсты. А тебе надо дать, — не дать нельзя, только на большем не взыщи. Один даст немного, другой немного, вот и прокормишься. Мир, — велик человек. В писании сказано: с миру по нитке, голому рубашка. Курочка понемногу клюет да сыта живет. Не дать нельзя. Много не дадим, а немножко уж дадим. Твоим лотком я уж не разживусь. Господь дает на всех: вы наши молитвенники.

Я обычно благодарил и уходил прежде, чем мужик успевал выносить. Но видел, что он вынес пол решетки.

Входишь, иногда, в дом зажиточного крестьянина: спросишь, по обыкновению; он не торопясь, спросит чем побираться, пойдет в избу за ключами, минут пять пропадает там. Подойдет к бочке напиться. Слезит на навес за сеном и отнесет в конюшню и потом пойдет в дальний за деревянью амбар. Он ушел, а ты стоишь и томишься от грусти и доса-

ды и не знаешь куда деваться. Стоишь иногда 15-20 минут, — сердце ноет, ждешь — не дождешься конца этой тоски, теряется всякое терпение и, наконец, видишь, что тебе несут пол решетки ржи.... Увидишь это и от досады, кажется, провалился бы. Нехотя поклонись, и пойдешь в следующий двор. Но здесь, иногда, мужичек, несравненно беднейший, давно уже припас тебе большое лукошко или меру пшеницы и ждет тебя. Перед этим крестьянином, наоборот, становится как-то уже неловко, стыдно и ты не находишь слов благодарить его — 5-6 раз скажешь ему спасибо и 5-6 раз поклонись ему.

Таков был мой сбор хлебом на первый год моего священничества (конец 1840-х), таков он и до сего дня 1880-го года, у каждого сельского священника.

Надобно быть сельским священником, надобно испытать, чтобы понять то невыносимо-тяжелое, то убивающее душу состояние, ту тоску, ту горечь, то унижение, то ледяющее кровь и жгущее сердце отчаяние, ту одуряющую злобу, какие испытывает собирающий хлебом священник! Человек, не испытавший этого на себе, понять этого не может. Даже я, — видевший сборы хлебом моего отца, деда и других, — не понимал этого вполне. И понял их вот только тут, — когда пришлось собирать самому...

Всякому нищему его нищенство должно быть намного сноснее, чем нам наше нищенство, — сборы хлебом, потому что между нами и нищими, и в умственном и в нравственном состояниях, лежит целая пропасть...».

Нет никаких оснований полагать, что священники Вознесенской церкви Кара-Елги, быт и условия служения которых мы пытаемся здесь хотя бы частично воссоздать, избежали

подобной участи. Подобные «зарисовки» дают полное представление о нелегкой жизни сельских пастырей и полностью опровергают многочисленные и исключительно живучие штампы, родившиеся силами советской пропаганды, — о «попах-мироедах», дерущих с бедных крестьян по три шкуры.

Хотя справедливости ради следует отметить, что, к сожалению, встречались и исключения из правил. Так, один из приходских священников практиковал следующее: брачующиеся заранее сообщали священнику о своем желании венчаться, после чего отработывали на личном подворье «попа» (тут уж извините «батюшкой» назвать, язык не поворачивается) настоящую бар-

скую повинность: жених должен был день отпахать ему, день откосить, день жать и день молотить. Невеста так же должна день сгребать сено, день жать и день молотить. Без отбытия подобной «повинности» венчать священник отказывался. Были и иные способы: например, непомерно высокие таксы за требоисправления и т.д. Конечно, у таких священников и дом был «полная чаша», и в банках сбережения водились, и отлучить от прихода его было гораздо труднее, так как «епархиальное начальство» не менее светского любило «брать». К счастью подобных священников, все-таки, были единицы, — не более двух — трех на «епархию», и именно они и пос-

лужили прообразом тех карикатурных персонажей, которые красовались на плакатах первых лет советской власти.

Возвращаясь к вопросу о хлебной руге, хотелось бы пояснить, почему у священника не было возможности заниматься хлебопашеством. Членам причта — дьяконам, псаломщикам, в принципе ничего не мешало сеять хлеб. Во время свободное от службы в храме их ничего более не отвлекало, поэтому, обычно после святой Пасхи, причетники сельской церкви своим горбом принимались за пашню. В это время, по описаниям современников, они ничем не отличались от мужика, — «такая же плохонькая лошаденка, такой же кафтанишко, сапожишки и прочее; единственное отличие, — что из под шляпенек выбивались прядями длинные волосы».

У священника же подобной возможности не было в принципе. Мы уже упоминали о том, что руководящими Указаниями Священнейшего Синода и множеством иных, так сказать, «законных и подзаконных актов», осуществлять святое причастие умирающим не было дозволено даже дьяконам, которые зачастую по семинарскому образованию ничуть не уступали священникам и не были лишь рукоположены в сан. Таким образом, в любое время дня и ночи, в любое время года и в любую погоду, будучи приглашенным к больному, священник и только он один обязан был, оставив все, выезжать на совершение требы. Поставьте себя на место настоятеля (особенно с учетом всего выше и ниже следующего): хватит ли у кого терпения и нравственной, да и физической, силы: вставать ночью, ездить и ходить в любую погоду, а зачастую и попусту, бросать свои занятия, прерывать их на самых важных пунктах: бросать перо, наполовину не выразивши мысли; бросать книгу, не дочи-

тавши десятка строк; бросать хозяйство — покос, жнитво, молотьбу и прочее с прямым ущербом для хозяйства; безоговорочно ездить в зной, пыль, бурю, дождь, снег, метель — бросать и занятия и отдых и все это — ни за что, без всякого вознаграждения! Причем все перечисленное — вовсе не какая то исключительность, а абсолютнейшая повседневность сельского священника.

К сожалению безотказностью батюшки в подобных случаях иногда пользовались крестьяне, в результате чего нередко были и подобные случаи:

В час ночи настоятель ложиться спать; вдруг слышит: бросились собаки. Значит, что кто-то у ворот чужой. Оказывается, что приехал крестьянин звать к больному, в страшную метель или проливной дождь из соседней деревни. На пример из Шумыша.

– Что ты, спрашиваешь, приехал в такую пору?
 – Да матушке принеможилось.
 – Давно ли она больна?
 – Охает-то она недели три, да теперь говорит: «ступай за попом, под сердце подкатило, как бы не умереть».

Едет. Оказывается, что старушка преспокойно сидит на лавке, в переднем углу наряжена и здоровей здорового.

– Зачем ты в эту пору прислала за мной? Ведь ты здорова!

– Како, батюшка, здорова! Третью неделю и на улицу не выхожу. Ныне весь день маковой росинки во рту не было. Исповедуй, кормилец!

– А приобщиться желаешь?
 – Как же, кормилец, желаю! Только ты теперь исповедуй, а причаститься то я завтра, Бог даст, приду в церковь к обедне. Там ты, кормилец, и причасти меня.

– Так ты и пришла бы завтра в церковь, там и исповедовалась бы, чем таскать меня в такую непогодь.

– Да оно дома-то исповедоваться как-то лучше, свободней. А там коли тебе говорить с нами? Я для тебя же!

И действительно, случается, что утром такая старуха приходила пешком в церковь, верст пять и восемь. Часа два — три батюшка и проездит. А в пять часов нужно служить утреню. И такие случаи бывали беспрестанно.

Рассуждая о повседневном быте сельского духовенства в целом, и настоятеля церкви, в частности, невозможно не упомянуть еще об одном аспекте служения сельского пастыря, игравшем значительную роль в XIX веке, а именно — об институте «благочинных».

Для надзора за порядком по церкви, — ее прочностью, чистотой и благолепием, доходами и расходами, письмоводством, поведением членов причта, сношений духовенства с епархиальной властью и прочим, существуют благочинные. Для этого каждый уезд и город разделяют на части или округа, церквей по 10–15. Каждый такой округ имеет благочинного, который и является ближайшим и непосредственным начальником сельского духовенства. Мы уже говорили, что Вознесенская церковь Кара-Елги относилась ко 2-му благочинному округу Мензелинского уезда Уфимской Епархии. Благочинными же, в разное время, являлись настоятели близлежащих приходов, — церквей села Акташ, Буты, пригорода Заинск и т.д.

Благочинные, хотя и под разными названиями, существуют с давнего времени, но уже в 70-х — 80-х годах XIX века многие священнослужители задавались вопросом: приносили ли они и могут ли приносить материальную или нравственную пользу церкви, духовенству, храмам и администрации?

В священники рукополагалось, вообще, лицо, известное и испытанное епископом в чистоте веры его и нравственности. Так, в священнических дипломах или становленических грамотах середины века писалось: *«...благоговейного сего мужа N.N всяким первее опасным истязанием прилежно испытавшее, и достоверными свидетельствами, наипаче духовного его отца Н.Н. о нем уверившееся.... посвятили в иерея...»*. Значит, что священник является таким лицом, в котором епископ совершенно уверен, потому что больших испытаний делать уже и невозможно, ему можно доверить что угодно, и отпустить куда угодно. Однако так поступали лишь с миссионерами. Но на приходского священника епископ почему то не полагался. Он не доверял ни собственному испытанию, ни «достоверным свидетельствам», ни «духовному отцу» и ни ему самому, — отпустивши в приход священника, над ним ставят благочинного, являющегося по сути своей дозорщиком. Этот дозорщик, как Дамоклов меч, висел над головою приходского священника всю его жизнь: он следил за ним всюду и вмешивался во все мелочи его жизни, — безусловно, во все, — не только в служебные, но и домашние, и даже семейные. Он имел право, и даже обязанность надзора во всякое время дня и ночи. Не довольствуясь полугодовыми донесениями и своими замечаниями в формулярных списках, благочинный обязан был доносить епископу обо всем, что найдет, по своему мнению, стоящим того, чтобы довести до сведения епископа. Такого строгого, такого постоянного, в таких мелочах жизни надзора не было нигде и ни за кем.

Предполагалось бы, — коль скоро человек «истязан» — испытан, как говорится, всесторонне и самим епископом, и людьми авторитетными, коль скоро ему вверена паства, удос-

товерено «достоверными свидетельствами», что он достоин быть руководителем веры и нравственности целого прихода, целых тысяч христиан, коль скоро ему поручен храм, коль скоро его нашли способным быть лицом самостоятельным — то зачем ему дозорщик? После такого «истязания» всякий дозорщик не должен иметь никакого значения. Это означает только круговое, и к себе и к другим, недоверие.

При всем при том: как бы человек ни был благороден, с каким бы самопожертвованием ни исполнял свои обязанности, каких бы наград он ни удостоился, — полного доверия от своего начальства он не заслуживал практически никогда. Благочинные следили за ним весь его век, — следили, пока он состоял на службе, следили даже и тогда, когда он, за дряхлостью или болезнью, выходил за штат.

Конечно, такое недоверие, такое неуважение к личности священников не могло не быть оскорбительным. Тем более, что осуществляли подобный надзор чаще всего и не скрыто, в присутствии паствы, которую составляли в большей своей части, хотя и малограмотные, но далеко не глупые люди. И это так же не могло не оказывать на пастыря определенного морального воздействия. Изменилось подобное положение вещей лишь с тех времен, когда благочинные, ранее назначаемые епархиальным начальством, стали избираться духовенством благочинного округа. Лишь тогда благочинный превратился более в настоятеля и помощника сельского священника в решении вопросов с епархиальным начальством. И, тем не менее, абсолютная независимость приходским священникам так и не была предоставлена.

В качестве небольшой «зарисовки» сельского быта крестьян начала XX века, а так же их отношения к приходско-

му храму, нетерпимости к односельчанам, допускавшим осквернение чтимых ими православных святынь, хотел бы познакомить читателей с письмом, составленным в 1904 году крестьянами села Десяткина, Бирского уезда Уфимской губернии.

КАРА БОЖИЯ ЗА КОЩУНСТВО

1904 годя января 11 дня, мы, нижеподписавшиеся, крестьяне села Десяткина, Пономаревской волости, Бирского уезда, Уфимской губернии, Прокопий Капитонов Выдрин, жена его Васса Александрова, мать его Татьяна Прохорова, Александр Клементьев Полюдов, Яков Иванов Гойтанов, Петр Гаврилов Черепанов, в честь и славу Угодника Божия и Покровителя нашего селения переподобного и Христа ради юродивого Михаила Копского. Письменно передаем нашему батюшке отцу Виктору Сергеевичу Нарцисову, по его просьбе, следующий случай, которому мы были свидетелями.

11 Апреля прошлого года, мы, по мирским делам своего селения были в доме сельского сборщика нашего селения вышепоменованного крестьянина Прокопия Капитонова Выдрина. Во время нашей беседы вошел к нам наш однообщественник крестьянин Афанасий Васильев Выдрин, в полупьяном виде. Этот крестьянин был некоторое время строителем нашего приходского храма, во имя Угодника Божия Михаила Клопского. Человек он был богатый, свою обязанность строительства проходил не по христиански, сильно пьянствовал, к церкви Божией не радел, за что и был временно удален от указанной обязанности. Войдя к нам он вынул из кармана своего горсть золотых монет и с усмешкою сказал нам, тря-

ся эту горсть с деньгами: «я пирую на ваши мирские деньги». А великим постом прошлого года он взял с нашего общества триста рублей себе за истраченные будто-бы им собственные триста рублей на постройку нашего приходского храма. Мы предложили ему приложить эти деньги в наш бедный храм Угоднику Христову. Но он, сняв с своих ног носки, бросил их на пол и с насмешкой сказал: «Вот мой приклад преподобному Михаилу Клопскому, возьмите!». И затем ушел.

Видя и слыша все это, мы одинаково помыслили, что такое насмешливое отношение к храму Божию и храмовому святому так не пройдет ему. И наша мысль вскоре оправдалась. В ночь на 14 число апреля прошлого года, то есть спустя около трех суток после рассказанного случая его не стало. Он скоропостижно умер от угара в принадлежащей ему яме, в которой жглась известь, умер не приготовившись к смерти исповедью и причащением Святых Таин Христовых. В таковой скоропостижной смерти, мы видим кару Божию несчастному Афанасию Выдрину за его непочтение к своему приходскому храму и кощунственные слова по отношению к своему храмовому Святому.

Все рассказанное свидетельствуем перед Богом и его угодником, предподобным Михаилом Клопским, по нашей чистой совести своими подписями. (Следуют подписи, скрепленные приложением печати местного сельского старосты).

В нашем повествовании о сельском духовенстве мы постарались рассказать о тех, весьма и весьма скромных доходах, на которое оно вынуждено было существовать. Но рассказ был бы не полон, если бы мы кратко не упомянули и о расходах, которые несло духовенство помимо своего собственного содержания.

Сельские приходские церкви, и Вознесенская церковь Кара-Елги в их числе, по большому счету имели лишь три вида доходов: это доходы от продажи восковых свечей, от кошелькового сбора и от частных пожертвований прихожан. Лишь на эти средства церковь содержалась по всем своим статьям расходов: ремонтировалось само здание, покупалась ризница, книги и прочее. Вполне понятно, что расходов иногда требовалось столько, что полученных средств не хватало на покрытие самых необходимых нужд. Но кроме расходов, так сказать, внутренних, собственных, она имела и весьма значительные расходы на сторону: например по распоряжению Святейшего Синода отчислялись средства на содержание духовных училищ, на содержание миссионеров и т.д. Священникам и церковным старостам приходилось употреблять все усилия и к увеличению доходов церкви, и к сокращению ее расходов.

Кроме же обще-церковных расходов сельское духовенство несло и другие материальные повинности, говоря современным языком, налоги, сказывающиеся весьма существенно на семейном бюджете священнослужителей.

Одной из специфических повинностей именно сельского духовенства являлась так называемая «**подводная**» повинность (не от слова «подводный» а от слова «подвода», как средство передвижения). По делам службы священник ездил к благочинному, в консисторию, в земские собрания, в уездный город (который отстоял от Кара-Елги на 140 верст) исключительно за собственный счет. Священник оплачивал подводы благочинным и следователям, даже если они ехали через села прихода совсем по чужим делам.

Несло духовенство и прямые денежные повинности: на жалование благочинным, на училищные и обще-епархиальные съезды, письмоводителям «попечительства о бедном

духовенстве»¹, на содержание духовных мужских и женских училищ, миссионеров епархии. Перечисленное являлось платежами вполне определенными и обязательными. Но кроме них были и такие, которые хотя и считались «добровольными», но от которых духовенство отказаться не могло. Например, на бедное духовенство, на постройку где-нибудь, вне Руси, храма, на бедных учеников, отправляющихся в академию и т.д.

В среднем, в благочинном округе Мензелинского уезда, на налог от каждого священнослужителя в конце 1870-х годов приходилось по 15 рублей в год. Фактически же священники платили от 18 до 27 рублей в год, а псаломщики от 6 до 9 рублей. Таким образом, если пересчитать на ежемесячный доход каждого, священник отдавал примерно двухмесячное жалование, а несчастный причетник на налоги отдавал свое жалование более чем за четыре месяца! А учитывая то, что жалование священникам платилось раз в полгода, да и то весьма несвоевременно, а налог взыскивался одновременно раз в год, псаломщик, отдавши свое пятимесячное жалование на жалование другим, сам он с женой и детьми должен жить на 2 р. 66 коп целых шесть месяцев. Ему приходилось существовать на 44 коп. в месяц!

¹ **Попечительство о бедных духовного звания в России** — учреждение, имеющее целью заботу о бедных вдовах и сиротах духовенства, а также о бедных больных священнослужителях и церковнослужителях (причетниках). Попечительства учреждены в 1823 г., в каждой епархии России; присутствие попечительства образуется из нескольких заслуженных священников, избираемых епархиальной властью. Средства, которыми распоряжается попечительство, образуются из сборов в кружки по церквам, добровольных пожертвований, части церковных доходов (со специальным назначением на лечение духовных лиц в земских больницах), процентов с капиталов и штрафов с духовных лиц епархии.

Мало того, зачастую горемычному пономарю — единственному чтецу и певцу при сельско-приходском богослужении — не доставалось и этих 44 копеек. Они уходили все целиком на наем подвод должностным лицам и на «добровольные» пожертвования. А если, вдобавок он делал ошибку при записи в метрической книге, то оставался еще и должен в размере может быть вроде месячного жалования в уплату штрафа за второе полугодие, за которое неизвестно еще когда и получит. Вот такая грустная арифметика, господа!

Штрафы, накладываемые на сельское духовенство, о которых я упомянул, вообще отдельная тема для разговора, как и отдельная, потенциальная статья расходов. Угроза быть оштрафованным, что над причетником, что и над настоятелем приходской церкви висела чуть не ежедневно. Причем штрафы налагались за совершенно различные провинности, которые в общем-то нигде не были перечислены в полном объеме, а значит могли налагаться практически по одной только прихоти духовного начальства. Штрафы налагались за ошибки и небрежности в ведении метрических книг, за несвоевременное предоставление запрашиваемых Консistorией сведений (коих, как мы уже видели, было просто немереное количество), за то, что при ремонте церкви не уложились в предварительно утвержденную смету (хотя ремонт все равно всегда осуществлялся на средства, собранные непосредственно церковью), за упущения в ходе порученного дознания по какому-либо делу, даже не духовного свойства и прочее, и прочее, и прочее.

Естественно, подобная «демотивационная» система, так же не способствовала благополучию и размерности жизни сельских священников.

Сколь бы ни была обширна сфера общественных и духовных обязанностей сельского пастыря, сколь бы ни была трудна и мало обеспечена его частная жизнь, существовала и еще одна напасть, которая преследовала священников на протяжении всего их иерейского служения в сельской церкви. Имя этой напасти, как бы это странно и ни звучало, — скука!

Сельские священники, люди на протяжении нескольких лет изучавшие в семинарии целый ряд предметов и наук, ни коим образом не пригодились им в дальнейшем, в селе вели жизнь совершенно уединенную. В приходе их, как правило, и за редким исключением, не было лиц, равных им ни по умственному развитию, ни по нравственным потребностям. С крестьянами, кроме обыденного хозяйства, говорить ему не о чем. Если в приходе были дворяне, то богатые смотрели на священника свысока и говорили с ним всегда покровительственным тоном. Бедные же, хотя народ простой и добрый, но по умственному состоянию от простого мужика отличались весьма немногим. И как ни богат, так и ни бедняк, деревенские дворяне не читали ровным счетом ничего, кроме, разве какой-нибудь местной газетки. Если в приходе и попадались один-два человека с университетским образованием, то эти люди смотрели на священника часто как на человека малообразованного и не могущего понять их высоких суждений. Днем дел у священника зачастую очень много, но иногда и целыми неделями не было практически никаких. Вечера и ночи свободны были практически всегда. Развлечений, никаких нет: священник, в отличие от университетского и иного светского образования, не обучался в семинарии ни музыке, ни рисованию, ни токарному или слесарному и тому подобному мастерству, и ему остается только читать. Но что читать? По скудности доходов и до-

роговизне периодической печати и книг, на приобретение их средств всегда не хватает. Правда, священники, как правило, все-таки что то выписывали, но, обычно это ограничивалось местной газетой и ежемесячными «Епархиальными ведомостями», — но надолго ли их хватало? И человеку, особенно в долгие зимние вечера, приходилось отдаваться абсолютнейшему безделью.

И все таки, не смотря на скудность доходов, обилие различных мирских и духовных обязанностей, весьма непростые отношения с духовным начальством, а иногда и с прихожанами и иные трудности, отягчающие несение нелегкой пастырской службы, сельские священники предпочитали находиться на своих должностях до последней возможности, — пока дряхлость и болезни не истощат уже их последние силы. И лишь при абсолютной невозможности нести свой крест, уходили «за штат».

Объяснение этому весьма простое, — состоя на должности, они могли ходить по миру и выпрашивать подаяния, вышедши же за штат лишались и этой горькой возможности к своему существованию. Заштатным уже никто не подавал. Доходы за требоисправления прекращались совсем, — и человек буквально оставался без куска хлеба.

Дом для причта, имеющейся при Вознесенской церкви, предназначен был лишь для штатных священнослужителей. Иные же священники, состоя на должностях, по неимению церковных и общественных домов, вынуждены были строить дома свои. Но так как продажной земли под усадьбы в селах не бывает, то и строились они на земле церковной или общественной. Пока служили, — жили в них, но как только оставляли службу — приходилось оставить их и убираться

куда угодно. И приходилось продавать их на снос или своим бывшим прихожанам за бесценок. И разоренный, может быть больной и дряхлый старик, не знал, что ему делать и куда идти теперь. Лишь в селах, состоящих из государственных крестьян, к которым и относилось село Кара-Елга, принято было все-таки выделять небольшой клочок земли и ставить келью, где-нибудь на краю села.

До 1866 года пенсии вышедшим на покой священнослужителям не полагались вовсе. С 1866 года священникам, прослужившим не менее 35 лет, стали назначать пенсию в размере 90 рублей в год, и то по прошествии нескольких лет после выхода «на покой». С 1879 года пенсия священникам была увеличена до 130 рублей в год. Дьяконы получили право на пенсию в размере 65 рублей в год лишь с 1880 года. Псаломщикам же (мы об этом уже упоминали) пенсии не полагалось вообще, хотя и все годы их служения у них вычитались 2 копейки из их мизерного 24-х рублевого жалования на «пенсионный капитал». Правда, было положение, согласно которого в том случае если причетник вышедший на покой, не состоял под судом и не имеет родственников, состоящих на службе (хоть бы это был брат, служащий в приходе на другом конце епархии) ему давалось пособие из попечительства епархии «О бедных духовного звания», но размер его был таков, что, пожалуй, иначе, как издевательским назвать его было сложно — 3–4 рубля в год!

Не сомневаюсь, однако, что были и из общей тенденции полунисценского существования священников исключения. Приведенный ниже поздравительный адрес от прихожан своему приходскому священнику в честь 50-летнего юбилея его иерейской службы говорит о той любви, той искренней

благодарности, с которой крестьяне относятся к своему священнику. И вряд ли при таком взаимном уважении и любви, позволили бы они своему батюшке, даже вышедшему за штат, влачить полуголодное существование.

АДРЕС ОТ ПРИХОЖАН¹

***Ваше Высокопреподобие
Досточтимый наш батюшка
Михаил Григорьевич.***

Служишь ты нам батюшка. При нашей Богородицкой церкви 18-й год, а всего, как мы знаем, ты служишь 50 лет. Дай Господи тебе еще много лет здравствовать и послужить во благо и пользу святой нашей православной церкви. За службу твою мы не знаем как и благодарить тебя. Всякое богослужение в храме и вне храма ты совершаешь неопустительно, во все Воскресные и другие праздничные дни и во все дни недели и дни Св. Четырнадцатницы положенное уставом Св. церкви Богослужение и все требы по приходу совершаешь ты исправно. Никогда и ни одной воскресной и другой праздничной, а так же будничной во дни великого поста службы ты не совершаешь без того, чтобы произнести нам назидательного поучения. Всегда ты трезв и обходителен. Заботлив по церкви. по приходу и по школе в звании законоучителя. Ты священник у нас хороший, наставник, примерный духовник, кроткий и нравоучительный. От всей души и сердца мы тебя любим и уважаем, почитаем и признаем своим сыновним и священным долгом в достопамятный день пятидесятилетия тво-

его священнического служения, с глубокой благодарностью за твою восемнадцатилетнюю службу у нас, благопочтительнейше просить принять от нас преподносимое тебе полное священническое облачение.

От всей искренней души желаем и будем со всем усердием молиться Богу. Чтобы Господь милосердный еще продлил твои здоровье и жизнь во благо и спасение нас, твоих прихожан и духовных твоих детей.

*Представитель от прихожан села Ургуша
Крестьянин Михаил Алексеев Костылев.*

Читая эти искренние, незамысловатые слова благодарности и любви, которые крестьяне испытывают к своему священнику, в очередной раз понимаешь, что трудно переоценить ту роль, которую играло православное сельское духовенство и в жизни сельской общины. То влияние, которое оно оказало на духовно-нравственное воспитание огромной части населения Российской Империи, отголоски которого сохранились частью и в нас — потомках тех прихожан. Очень хотелось бы, чтобы настоящая книга послужила памятником не только служителям Вознесенского храма села Кара-Елги, но и вообще всем незаслуженно забытым, оклеветанным, принявшим неимоверные страдания вместе со своей паствой, сельским православным священникам!

¹ № 2 Уфимские Епархиальные Ведомости за 1904 год.

Метрические книги села Караилга

Говоря о Вознесенской церкви Кара-Елги, ее истории и священнослужителях прихода, нельзя не упомянуть о таких ценнейших, и практически единственных из сохранившихся источников по истории сельских поселений, источниках, как метрические (или приходские) книги. В настоящем разделе я хотел бы познакомить интересующихся читателей с основными моментами, касающимися поиска и работы с церковно-приходскими метрическими книгами вообще, и села Кара-Елги в частности.

Для начала хотел бы подчеркнуть, что абсолютно не ставлю своей целью подменить настоящей работой то большое и комплексное исследование, которое представляет собой книга Д.Н. Антонова и И.А. Антоновой «Метрические книги России XVIII — начала XX в.» (Москва, Издание Российского государственного гуманитарного университета, 2006 г.), к которой и предлагаю обратиться тем, кто более подробно желает ознакомиться с этой темой. Здесь же я хотел бы остановиться лишь на тех проблемных моментах, с которыми столкнулся сам, приступив к исследованию метрических книг по Вознесенской церкви.

Если буквально в нескольких словах сделать небольшой экскурс в историю, следует отметить, что современное источниковедение относит первое официальное постановление по поводу ведения метрик к 1702 году. Так, статья в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона, гласила¹:

¹ Энциклопедический Словарь Брокгауза и Эфрона, СПб., 1896 г. т. XIX. стр. 203.

«В Московской Руси первое постановление о метрических книгах относится к 1702 году, когда Петром Великим издан был указ, чтобы все приходские священники г. Москвы доставляли в патриарший духовный приказ еженедельные ведомости о всех случаях рождений и погребений. Повсеместное ведение приходских книг, сначала для православно-го лишь населения, начинается не ранее 1722 года.

Судя по приложенным к синодальному указу 1724 формам книг, они велись в трех частях и заключали в себе следующие данные: о родившихся — у кого родился, число крещения и кто восприемники; о бракосочетавшихся — кто венчан, день венчания, кто поручители или поезжане; об умерших — кто умер, какою болезнью, когда приобщен, где погребен. Правильное ведение метрических книг привилось не скоро. В 1825 году Синод предписывает архиереям искоренять взыточничество, привившееся в ведении актов состояния, особенно в Консисториях. В 1806 году введены печатные формы книг. В 1838 году постановлено, чтобы родители, восприемники и свидетели подписью своею скрепляли верность записи в метрических книгах. В видах контроля именным указом 1802 года предписано, чтобы городская и сельская полиция, одновременно с подачею приходским священником своему

«Должны же отселе священники иметь всяк у себя книги, которые обычно нарицаются метрики, то-есть, книги записные, в которых записывать прихода своего младенцев рождение и крещение, со означением года и дня, и с именованьем родителей и восприемников. Також и которые младенцы, не получившие крещения, померли, с приписанием вины, коей ради младенец лишен святого крещения. Да в тех-же книгах записывать своего прихода лица, браком сочетаваемые. Тако-ж и умпрающие с приписанием по христианской должности в покаянии преставились и погребаемые; и аще кто не погребен, именно написать вину, чего ради не получил христианского погребения со означением года и дня. А повсегодно объявлять таковыя книги в приказ архиерейской: а сколько родится и умрет, по всякие четыре месяца репортовать во архиерейские приказы, а из архиерейских приказов о том уведомлять письменно в Синод». (Прибавления к Духовному Регламенту. ст. 29, 1724 год.)

начальству ведомости о вновь рожденных, вступивших в брак и умерших, представляли куда следует такие же ведомости, и чтобы по истечении года ведомости эти сличались с консисторскими».

Практически первые же Синодальные указы начали устанавливать ответственность причтов и настоятелей церквей за небрежное ведение и хранение метрических книг. Так Циркулярным Указом Святейшего Православного Синода от 16 мая 1802 года категорически предписывалось: *«хранить в каждой церкви в ризницах со всевозможной бережливостью от гнили и, чего Боже сохрани, от пожара — в чем тем же благочинным иметь надзирание и присмотр, поелику всякое со стороны сего предмета упущение и неисправность с них самих будет строго взыскаема... внуша при том всем священно и церковно-служителям и то, что о исправности метрических книг и обысков и верной в оныя всего, что следует, записке, как равно и о самой подаче первых в свое время в Консистории и Духовные Правления, есть общая и нераздельная обязанность не одних священников, но и дьяконов, дьячков и пономарей, и в случае упущения или неисправности, все за это должны ответствовать и подлежать равному взысканию, не взирая на то, хотя бы кто из них, заметя неисправность другого, и доносителем сделался; поелику всякого из них существенная обязанность состоит в рачительном исполнении служения своего и неупустительном исполнении должности, к которой непосредственно принадлежит и содержание в порядке метрических книг и обысков; и потому ежели бы иногда не было где по каким-либо обстоятельствам приходского священника, случающиеся в то время браки, рождение и крещение младенцев и погребение умирающих,*

исправляемые через других тутошних же или сторонних священников, записывать в метрические книги тогда же на вышепрописанном основании самим тем, кто исправлял какую из них требу, или хотя диаконом или причетником, но с точным показанием, каким священником было что совершено».

Таким образом, предполагалось минимизировать количество описок, ошибок и неточностей при ведении и хранении метрических книг.

Несмотря на то, что практически на протяжении всего XIX века, как духовенством, так и наиболее прогрессивными светскими чиновниками поднимался вопрос об освобождении духовенства от несвойственных ему функций, до Октябрьского переворота он так и не был решен. Устав Духовных Консисторий 1883 года так же, как и прежние законодательные акты, закреплял ответственность священнослужителей, предусматривая выговор или «денежные пени» (штрафы) за неисправное ведение метрических книг. Более того, в соответствии с ним (статья 193) *«неоднократные замечания в сем неисправность, соединенная с явным нерадением или неблагонамеренностью, подвергает виновных священников отрешению от места и определению на места причетнические».* При этом было разъяснено, что к «неисправностям», о которых шла речь в установлении следует относить пропуск записи акта, несвоевременную его запись, ошибочность записи, каллиграфическую небрежность ведения книг, общую неряшливость, подчистки и поправки, без надлежащих оговорок и исправлений, несоблюдение порядка и формы записей и т.п. При этом, наказывая приходских священников, Консистории особенно не утруждали себя производством должного дознания, — по чьей вине, напри-

мер, была допущена «неисправность», — священнослужителя или прихожанина.

Ужесточение ответственности за «неисправности» по ведению записей в метрических книгах продолжало прослеживаться и в более поздних документах. Так в Указе Святейшего Синода № 8 от 20 мая 1903 года, в частности говорилось: *«случаи неисправностей в ведении церковными причтами метрических книг не прекращаются и доселе, что видно из поступающих в большом количестве на разрешение Консисторий и Святейшего Синода дел об исправлениях в метрических книгах неправильных записей и о внесении в эти книги пропущенных актов о рожденьях, браках и смерти. Все это указывает на необходимость установления со стороны епархиальных начальств особливо твердого надзора за правильностью ведения метрических книг подведомственным им духовенством и применения наиболее строгих мер взыскания к виновным в нерадении о сем членам церковного причта».*

Приступив к поиску метрических книг села Кара-Елги, в первую очередь пришлось столкнуться с трудностью, связанной с тем, что церковь передавалась из Уфимской в Казанскую епархии. В конце концов было установлено, что хранятся они в Национальном Архиве Республики Татарстан г.Казани.

Доступ в Архив. Национальный Архив расположен в двух зданиях. Управленческий персонал (в том числе директор), читальный зал и часть фондов расположены в здании (в одном здании с Республиканским филиалом Федеральной инспекции исполнения наказаний) на улице Кремлевской недалеко от Физфака КГУ. Второе здание, где также хранится часть фондов и имеется читальный зал, оборудованный тре-

мя аппаратами для просмотра микрофильмов, расположен на улице «8 марта» д.5-а.

Для работы в Архиве необходимо получить читательский билет, для чего по прибытии следует обратиться непосредственно к Директору НА. Обычно просят какое-либо письмо от организации, но если его нет и визит частный, — необходимо устное обоснование («легенда») подтверждающее необходимость работы в Архиве. В целом, особых сложностей согласование работы в Архиве не вызывает.

После устного согласования с Директором, в читальном зале на основе установленного образца пишется Заявление, которое визируется директором. Сотрудник читального зала выписывает Читательский билет, действительный до конца текущего года. **Обязательно** наличие фотографии 3*4 для вклейки в читательский билет (При отсутствии могут отправить фотографироваться).

Для работы с ноутбуком необходимо еще одно заявление, которое так же должно быть завизировано директором, и оплата подключения к электричеству из расчета 3 рубля в день. Оплата осуществляется только в сбербанке на счет, который выдается сотрудником архива.

Метрические книги для работы предоставляются только на микропленках. Для работы с ними необходимо прибыть с читательским билетом на руках во второе здание (на ул. 8 Марта), зарегистрироваться у сотрудника охраны на вахте, который допускает в читальный зал. Если известны номера дел, которые нужны, в читальном зале сотрудник Архива выдает бланк заявки, который необходимо заполнить. По бланку готовят и предоставляют микропленки (в течение 30–60 минут).

Как было сказано выше, аппаратов для просмотра микропленок — всего три, поэтому в первое посещение вполне есть

возможность столкнуться с проблемой отсутствия свободно-го аппарата. Как правило, для работы на них записываются заранее. Есть возможность сделать это и по телефону, в том числе и из другого города: тел. 8-(843)292-42-33

Национальный Архив РТ работает с 9 до 18 часов (фактически заканчивать работу требуют в 17:40), с понедельника по пятницу. При планировании поездки следует иметь в виду, что каждую последнюю пятницу месяца Архив закрыт на санитарный день.

Микропленки с Метрическими книгами предоставляют-ся на бобинах, на которых обычно несколько (от 1-го до 4-х) дел, и нужное дело может оказаться как в начале или середине, так и в конце бобины. В каждом деле от 7 до 9 метрических книг по различным церквям одного уезда, но конкретной последовательности нет. То есть в одном деле список один, в другом компоновка уже другая. Более того, очень часто оказывается, что половина дела (Например, — Ф.4 Оп.166 д.186 (1) находится на одной бобине, а другая половина — Ф.4 Оп.166 л.186(2) — на другой. Соответственно, для того, чтобы найти нужную метрическую книгу, иногда приходится впустую просмотреть одну бобину, нужное же село обнаружить лишь на другой.

В Национальном Архиве в наличии метрические книги по следующим населенным пунктам бывшего Мензелинского уезда Уфимской губернии (Метрические книги велись в сельских приходских церквях. В каждый приход, кроме того села, где была расположена сама церковь, входили и близлежащие населенные пункты, иногда числом до 10-12. Соответственно разыскивая записи по конкретному населенному пункту, необходимо знать, к приходу какой именно церкви он был приписан. В этом может помочь список действовав-

ших на тот момент приходских церквей Мензелинского уезда, напечатанный в части 2 Памятной книжки Уфимской губернии за 1873 год):

Азибей, Акташ, Алексеевка-Федотово, Александровская слобода, Аты, Багряш, Балчиклы, Бишево, Борок, Екатеринбург, Лебяжье-Пальчиково, Налим, Пьяный Бор, Новоспасское, Сухорево, г.Мензелинск, Такмак (Токмак), Багряш Никольское, Уратьма, Кармалы, Шаклино, Малыклы, Афанасово, Матвеевка, Бережные Челны, Михайловка, Бетьки, Можаровка, Круглое поле, Николаевка, Мелекес, Ново-Михайловка, Мысовые Челны, Новое Маврино, Орловка, Сиренькино, Прости, Боровские Батрасы, Соболеково, Бута, Верхний Акташ, Новотроицкое, Дербедень (Дербень), Останково, Ерсубайкино, Старое Маврино, Караилга, Шильня, Кузайкино, Новая Елань, Онбия, Поручиково, Савалеево, Старая Елань, пригород Заинск, Ашпала, Балагаево, Боровецкое, Гордали, Игим, Ильбутино (Ильбахтино), Князево, Мелькени.

Всего: по 62 церквам.

Непосредственно по Вознесенской церкви села Кара-Елги имеются в наличии метрические книги за 1863–1915 года (за исключением 1911 г.). Для облегчения поиска привожу адреса хранения указанных метрических книг в Национальном Архиве РТ (Сокращения: Ф. — фонд; Оп. — опись; д. — дело):

1863 г. — Ф.4, Оп.153, д.276

1864 г. — Ф.4, Оп.153, д.280

1865 г. — Ф.4, Оп.153, д.286

1866 г. — Ф.4, Оп.153, д.288

1867 г. — Ф.4, Оп.153, д.296

1868 г. — Ф.4, Оп.153, д.299
 1869 г. — Ф.4, Оп.153, д.303
 1870 г. — Ф.4, Оп.153, д.308
 1871 г. — Ф.4, Оп.153, д.330
 1872 г. — Ф.4, Оп.153, д.337
 1873 г. — Ф.4, Оп.166, д.6
 1874 г. — Ф.4, Оп.166, д.7
 1875 г. — Ф.4, Оп.166, д.12
 1876 г. — Ф.4, Оп.166, д.19
 1877 г. — Ф.4, Оп.166, д.25
 1878 г. — Ф.4, Оп.166, д.29
 1879 г. — Ф.4, Оп.166, д.37
 1880 г. — Ф.4, Оп.166, д.39
 1881 г. — Ф.4, Оп.166, д.46
 1882 г. — Ф.4, Оп.166, д.54
 1883 г. — Ф.4, Оп.166, д.57
 1884 г. — Ф.4, Оп.166, д.63
 1885 г. — Ф.4, Оп.166, д.70
 1886 г. — Ф.4, Оп.166, д.82
 1887 г. — Ф.4, Оп.166, д.87
 1888 г. — Ф.4, Оп.166, д.92
 1889 г. — Ф.4, Оп.166, д.100
 1890 г. — Ф.4, Оп.166, д.108
 1891 г. — Ф.4, Оп.166, д.110
 1892 г. — Ф.4, Оп.166, д.120
 1893 г. — Ф.4, Оп.166, д.128
 1894 г. — Ф.4, Оп.166, д.137
 1895 г. — Ф.4, Оп.166, д.138
 1896 г. — Ф.4, Оп.166, д.148
 1897 г. — Ф.4, Оп.166, д.160
 1898 г. — Ф.4, Оп.166, д.165

1899 г. — Ф.4, Оп.166, д.173
 1900 г. — Ф.4, Оп.166, д.186
 1901 г. — Ф.4, Оп.166, д.195
 1902 г. — Ф.4, Оп.166, д.202
 1903 г. — Ф.4, Оп.166, д.209
 1904 г. — Ф.4, Оп.166, д.211
 1905 г. — Ф.4, Оп.166, д.221
 1906 г. — Ф.4, Оп.166, д.229
 1907 г. — Ф.4, Оп.166, д.238
 1908 г. — Ф.4, Оп.176, д.1402
 1909 г. — Ф.4, Оп.176, д.1407
 1910 г. — Ф.4, Оп.176, д.1549
 1911 г. — отсутствует
 1912 г. — Ф.4, Оп.176, д.1616
 1913 г. — Ф.4, Оп.176, д.1626
 1914 г. — Ф.4, Оп.176, д.1728
 1915 г. — Ф.4, Оп.176, д.1790

В делах, в которых подшиты метрические книги по селу Караилге, как правило соседствуют книги по Онбии, Поручикову, Акташу, Заинску и другим соседним селам, но абсолютно в различном порядке, без какой-то определенной системы.

На титульном листе каждой метрической книги рукописная надпись:

«Метрическая книга данная из Уфимской Духовной Консистории Вознесенской церкви села Караилги Мензелинского уезду для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших в.... году»

Изучение записей в метрических книгах показало, что кроме жителей Караилги и соседних деревень, приписанных

к приходу Вознесенской церкви, о которых мы уже писали (Шумыш, Савалеево, Утяшкино), встречаются записи по деревне Камышинка, по всей видимости, — просто очень маленькой деревеньке с небольшим числом жителей. Встречаются так же и записи по жителям соседних сел, в которых были и свои церкви, — чаще всего по Онбии, Акташу, Заинску, Новому Маврино. В метрических книгах за 1884 год начали встречаться записи по регистрации жителей села Уратымы, д.Светлое Озеро, д. Старое Маврино.

Записи в книгах рукописные, и поскольку почерк священнослужителей весьма далек от каллиграфического (хотя по другим книгам, попадавшим в одних с Караилгой делах, встречались весьма разборчивые и аккуратные почерки), это порой вызывает огромные сложности. По крайней мере, время работы и копирования записей это увеличивало значительно. Местами часть текста так и не удавалось прочитать.

Давая характеристику записям, с которыми предстоит столкнуться исследователю метрических книг, я вновь мог бы отослать заинтересованных читателей к специальной литературе, один из источников которой я указал в самом начале настоящего раздела, однако предполагая, что не все читатели найдут возможность и необходимость им воспользоваться, считаю возможным все таки кратко остановиться на этом вопросе.

Каждая метрическая книга состоит из трех частей: «О родившихся», «О бракосочетании», «Об умерших».

1 Часть. «О родившихся». В данном разделе фиксировались (точнее должны были фиксироваться согласно имеющихся граф, заполнявшихся зачастую весьма не полно) следующие позиции:

- «Счет родившихся» велся по двум колонкам отдельно по детям мужского и женского полу, по накопительной системе в течение года.

- «Месяц и день» — записывались по двум колонкам — отдельно «день рождения», отдельно «день крещения». Разница между днями составляла обычно от одного до трех дней.

- «Имена родившихся». Записывалось имя, даваемое при крещении. Имена, на сегодняшний день на слух весьма экзотические. Важным оказался один момент, который может существенно повлиять на поиски пересечений и сопоставлений по линиям родов при генеалогических исследованиях. Со стопроцентной достоверностью установлено, что имена, данные при крещении и записанные в метрическую книгу далеко не всегда соответствовали именам, нарекаемым «в миру». Так матушка моего деда Ивана Григорьевича Белова — Татьяна Архиповна Икомасова (так она записана и в свидетельстве о рождении, выданном в 1936 году), в метрической книге за 1875 год не была обнаружена. (Поиск велся по пересечению, — имя дочери «Татьяна», отец «Архип») и лишь в последующих годах (в записях о рождении ее детей) выяснилось, что она везде записана как «Ксения Архипова», то есть в крещении получила именно это имя. Факт весьма значимый, поскольку позволяет с достаточной долей уверенности предположить, что подобные случаи могли быть и с другими именами, и несоответствия, например, имени или отчества человека, известные по устным рассказам и воспоминаниям или по документам послереволюционного периода, с дореволюционными записями в метрических книгах, — вполне объяснимы именно с этой точки зрения.

- «Звание, имя, отчество, фамилия родителей и какого вероисповедания» — именно так записано наименование

графы. Записи же в ней велись далеко не полные. Начать с того, что в записях книг 1860-х — 1880-х годов фамилии жителей села не записывались вообще, что для исследователя вызывает значительные трудности. Записи этой графы указанного периода выглядят примерно так: «Государственный крестьянин села Караилги Петр Иванов (Где «Иванов» — именно отчество, т.е. Ивана сын) и его законная жена Ксения Петрова, оба православные». То есть, повторюсь, фамилии абсолютно нигде не писались, вероисповедание же указывалось в обязательном порядке. Единственным исключением из этого правила являлись случаи, когда родителем являлся священнослужитель. В этом случае записывался весь набор — имя, фамилия, отчество.

Первые записи с фамилиями у жителей села начинают встречаться в метрических книгах примерно с 1895 года. По какому принципу выбирались те, которым они записывались (то есть кому записывалась ФИО, а кому только имя отчество), осталось пока не понятным. В записях за последующие годы фамилии прихожан указываются все чаще, но даже в метрической книге за 1905 год примерно четверть записей остается «бесфамильными».

«Звания» жителей Караилги так же с годами претерпевали незначительные, но изменения. В 60–80-х годах XIX века чаще всего это были «государственные крестьяне», позже большинство мужчин записывалось, как «солдат», «отставной солдат», «билетный солдат», «билетный ополченец», встречались «отставные младшие унтер-офицеры». Женщины также часто записывались, как «солдатка», «солдатская жена», «солдатская вдова». Таким образом, принадлежность к «государевой службе» стала при определении социального статуса приоритетной.

- «Звание, фамилия, имя, отчество восприемников» — весьма любопытный раздел, в который записывались имена и отчества (опять же, к сожалению, без фамилий до определенного времени) крестников младенца. Учитывая, что крестниками выбирались, как правило, ближайшие родственники родителей (родные братья, сестры, дядья, тетки и т.д.) информация, изложенная в этом разделе в совокупности с именем крестника, именами отца и матери, дает дополнительный фактологический материал для сопоставления при исследовании родственных линий. Записи велись по аналогии с записью родителей, — звание, имя-отчество, вероисповедание (обязательно).

Мы уже говорили о значении, которое придавалось «духовному родству», обретаемому в ходе обряда крещения не только между восприемниками и крестниками, но и между восприемниками и родителями воспринимаемых (крестников). Дополнительно хотелось бы отметить, что для генеалогических исследований записи о восприемниках бывают даже более информативны, чем записи о родителях младенца. Например, если записано, что родителями родившегося младенца являются «Государственный крестьянин села Караилги Феодор Иоанов Верясев и его законная жена Фотинья Агафонова», то одной лишь этой записи было бы недостаточно, чтобы узнать, например девичью фамилию матери родившегося младенца. Если же в качестве восприемников, крестным отцом записаны «Села Караилги отставной солдат Игнатий Агафонов Белов и крестьянская жена Пераскева Иоанова Москвина» эта запись сразу дает двойную информацию о том, что: во-первых, — мать младенца Фотинья Агафонова в девичестве носила фамилию Белова (т.к. восприемником ребенка — с 99% вероятностью является ее родной брат

Игнатий Агафонов Белов), а во-вторых, что восприемница младенца — Пераскева Москвина, является родной сестрой отца ребенка, а значит в девичестве — Пераскева Иоанова Верясева. Именно с использованием подобных параллелей и пресечений можно лишь выявить с высокой степенью достоверности информацию по крестьянским родам. Примерно такую же аналогию следует применять и при исследовании записей при отсутствии информации о фамилиях. При наличии большого объема информации (Например, — за несколько десятков лет), вероятность выявления родственных связей между различными фамилиями и родами можно приблизить, практически, к 100%, а вероятность ошибки минимизировать.

2 Часть. «О бракосочетании». Бракосочетания (венчания) совершались, как правило, по месту жительства жениха. В данной части записывались отдельно имена брачующихся в формате «имя жениха (невесты), звание имя и отчество отца, которым браком (по счету) сочетается». Например «села Караилги Иван, сын государственного крестьянина Федора Петрова» или «Села Акташа Дмитрия Данилова дочь, девица (иногда — вдова) Елена». Обязательно указывался возраст брачующихся, позволявший, соответственно, при удавшейся идентификации конкретного человека определить год его рождения. Любопытна достаточно четко прослеживаемая тенденция, — невесты очень часто были одного возраста или старше (на 1-2 года), чем женихи. Наиболее часто встречающееся сочетание — невесте 20 лет, жениху — 18. Бывали и коллизии. В одной встретившейся записи, указано, что возраст жениха на момент бракосочетания составляет 14,5 лет, невесты — 22 года.

Как по действующим законам, так и фактически обычно браки совершались в утреннее время, сразу после литургии, чтобы брачующиеся принимали это святое таинство до принятия пищи. Законодательно было ограничено время, когда могло состояться бракосочетание. Так, браки не совершались: «во все посты. Под среду и пяток (накануне среды и пятницы — еженедельные постные дни), под 29 августа и под 14 сентября. Накануне воскресных дней (в субботу), во все дни сырной и пасхальной недели, от 26 ноября по 6 января включительно. Не совершается так же под все великие праздники Господские, Богородичные, а так же накануне 1 октября, 22 октября, 26 сентября и 9 мая, накануне престольного праздника и других местно-чтимых приходских и общественных праздников¹.

По гражданским законам было запрещено вступать в брак мужчинам ранее 18-летнего возраста, а девицам ранее 16-ти лет. Лишь епархиальным архиереям было предоставлено право «по личному своему усмотрению» разрешать браки, если «жениху или невесте недостает не более полугода до законного на сей случай совершеннолетия». Было ограничение и по максимальному возрасту. Запрещено было вступать в брак лицам старше 80-летнего возраста.

Примечательно, что даже дети, достигшие гражданского совершеннолетия (21 года), не должны были вступать в брак без согласия своих родителей, поскольку бытовало такое понятие, как «личная родительская власть», которая, согласно

¹ Полное Собрание Законов Российской Империи 1765 г. № 12433 и 1839 года № 11967; Циркулярный Указ Святейшего Правительствующего Синода 25 января 1839 года № 214; «Руководство для сельского пастыря» 1985 г. № 42.

гражданским законам, «прекращается единственно смертью естественною, или лишением всех прав состояния, когда в последнем случае дети не последуют в ссылку за своими родителями». Хотя в том же законе оговаривалось, что если «родители злоупотребляют своею властью и не радят о браке своих детей, то дети, достигшие гражданского совершеннолетия — 21 года, могут быть повенчаны без согласия родителей. Предварительно, разумеется, должны быть приняты меры убеждения к тому, чтобы родителей склонить к согласию на брак их детей».

В отдельном разделе данной части метрической книги указывались «Попечители» — т.е. свидетели, отдельно со стороны жениха и со стороны невесты. Поручители имели весьма важное значение при совершении браков, поскольку они удостоверяли о беспрепятственности к заключению брака и за ложное удостоверение подлежали ответственности перед гражданским и церковным судом. Записи о поручителях в разрезе генеалогических исследований также имеет очень важное значение. Согласно 9 пункта установленной в то время формы брачного обыска (совокупность документов, подтверждающих отсутствие причин, препятствующих вступлению в брак, — достижение необходимого возраста, отсутствие родства, в том числе и «духовного») совершение брака требовалось осуществлять при посторонних свидетелях. С другой стороны исследование записей показало, что в попечители записывались хотя и не близкие, но, как правило, родственники второй линии родства (двоюродные). Исходя из этого, так же можно получать дополнительную информацию, в том числе и при отсутствии записей о фамилиях поручителей.

3 Часть. «Об умерших». В данную часть по каждой записи были включены следующие разделы:

- «Счет умерших». Счет осуществлялся как и по родившимся — отдельно по мужчинам и женщинам, и велся последовательно в течение года. В последней записи подводился итог — общее количество умерших мужских и женских душ.
- В следующем разделе по двум графам записывались месяц и день смерти и погребения.
- «Звание, имя отчество и фамилия умершего». По факту записывалось аналогично записям о рождении, т.е. в 1860–90-х годах, — только по имени и отчеству, в последующие годы редко-редко начинали появляться фамилии. По детям указывалось так же имя-отчество отца, а по женщинам — мужа.

• «Лета умершего». Для младенцев записывались дни, недели или месяцы умершего, например «4 дня», «3,5 недели», «8 месяцев», «6,5 лет». У взрослых — количество лет. Важный для исследователя раздел, позволяющий опять же, при достаточной идентификации конкретного человека определить год его рождения. То, что с начала 1900-х годов у умерших стала записываться и фамилия, может помочь идентифицировать те записи, которые имели место ранее (в 1860–1880-х гг.). Краткий, насколько позволяло время, анализ этого раздела — ужасает. На вскидку, — от 90 до 95% всех записей — о смерти детей. Детская смертность была потрясающей и тенденция эта сохраняется на протяжении всех выборочно просмотренных лет — с 1863 по 1915 год. Что же касается взрослых, то следует отметить, что особым долгожительством жители Караилги не страдали. Записи по усопшим, старше 65-70 лет встречаются исключительно редко. Из мужчин самый старый встретился мне в записи от

20 марта 1884 года, согласно которой «Скончался села Караилги государственный крестьянин Фрол Феодоров — 90 лет».

Это по Кара-Елге. По приходу же встречались записи об умерших и более почтенного возраста, — 95, 100 и даже 108 лет. В статистике по Мензелинскому уезду 1870-х годов встречались записи и о более долгой жизни крестьян — до 122 лет!

- В следующей колонке данного раздела фиксировалась причина смерти с формулировкой «От чего скончался». Нужно сказать, что разнообразием причин смерти этот раздел не отличался. В качестве наиболее распространенных причин смерти указывались «Младенческая» (в том числе для детей до 6-ти лет), «От поноса», «От слабости», «От горячки», «От тифа», про людей же старше 60-ти лет, не особенно озадачиваясь, писали «От старости». Это — общая тенденция. Однако только лишь метрические книги позволяют выяснить, когда в пределах прихода бывали эпидемии, в период которых (как правило 2-2,5 месяца) умирало до 80% всех скончавшихся в течение года. Вопрос о смертности и ее причинах требует отдельного рассмотрения и мы его обязательно отдельно затронем в книге об истории села. Сейчас же, в дополнение к сказанному, следует лишь отметить, что данные метрических книг об умерших использовались для разработки мер по борьбе с распространением эпидемий. В 1890-м году Святейший Синод возложил на причты приходских церквей обязанность ежемесячной выборки из метрических книг сведений о числе умерших от заразных болезней. С целью способствовать осуществлению участия священно-церковно-служителей в регистрации смертности от заразных болезней, по распоряжению Святейшего Синода была издана брошюра

«О признаках и течении заразных болезней» приложенная к № 23 «Церковных Ведомостей» и разосланная по всем церковным приходам. В 1909 году в статистические карточки, запрашиваемые у настоятелей сельских приходских церквей, вносились сведения «об умерших от следующих заразных болезней: оспы, скарлатины, дифтерита и крупа, кори, коклюша, тифов (горячек), повально-заразного поноса, сибирской язвы на людях и водобоязни (бешенства)».

Итак, смею надеяться, что приведенные в настоящем разделе книги, сведения окажутся полезными для исследователей, занимающихся поисками своих корней и составлением родословных. Будут они, возможно, любопытны и для всех остальных читателей, интересующихся родной историей.

Разорение церкви

Участь большинства сельских православных храмов постигла и Вознесенскую церковь. Предполагаю, что разорение ее пришлось на лето-начало осени 1938 года, после ареста последнего священника — Федора Алексеевича Котлова. Не много сведений удалось собрать об этом, совсем не знаменательном событии, что же знаем — расскажу.

Поныне живы очевидцы, старожилы села, о которых мы уже писали — Василий Андреевич Ноякшин и его супруга Вера Кирилловна. Их дом стоит прямо напротив церкви, метрах в 50-ти, и происходило все на их глазах. Правда, имена тех, кто руководил всем, кто непосредственно выполнял, — подсказали другие. По всей видимости, слава Герострата действительно более живуча, чем память о добрых делах. Воистину, как пела незабвенная старуха Шапокляк, — «Кто людям помогает, тот тратит время зря!».

Известны имена двух людей — организатора и исполнителя, которые сбрасывали колокола Вознесенской церкви со звонницы. Руководил всем председатель сельского совета Мирон Афиногенович Фролов, одним из непосредственных исполнителей был Филипп Кириллович Икомасов (К моему глубочайшему сожалению, мой родственник, племянник моей прабабушки, Татьяны (в крещении, — Ксении) Архиповны). Василий Андреевич, наблюдавший из окна своего дома за творившимся (было ему тогда около 7 лет) не смог вспомнить — кто именно скидывал колокола. Про Мирона Афиногеновича Фролова же написано следующее (Рассказ относится к началу 30-х годов) (см. фото 4 прил. № 6):

«...Вот таким коммунистом-исполнителем был председатель Кара-Елгинского сельского совета Мирон Афиногенович Фролов. Он был человеком среднего роста, возрастом 35-40 лет, с глухим металлическим голосом в разговоре, не имеющим жалости к людям, имеющим в семье пятерых детей.

Полнота его власти будоражила всю деревню. Люди его боялись, и не только разговаривать с ним, но и встречаться. У него была какая-то магическая сила сразу воздействовать на человека, и люди терялись, говорили то что нужно.

По его указанию могли забрать в НКВД кого угодно, и сослать в неведомые места. Искать защиту от административных и правоохранительных органов было бесполезно....» (Казаков В.С. Родная деревня. Заинск. 2010 г. стр.38-39.)

Очевидцы-селяне отметили следующее: никто из участвующих в разорении церкви не прожил после этого и пяти лет. «Кто на войне, кто в лесу, кто где, — никого не осталось», — рассказывает Василий Андреевич Ноякшин. Филипп Икомасов и вовсе, через неделю после происшедшего события ослеп, а Мирон Фролов был на протяжении нескольких, предшествующих смерти, лет полностью парализован. Как не вспомнить приведенное нами выше письмо крестьян от 1904 года «Кара божия»?

Когда, в начале 1938 года начались аресты священнослужителей, церковные книги были спрятаны в подполе дома певчих, — Кирилла Даниловича и Татьяны Терентьевны Чугуновых. Одна из старинных книг сохранилась и по сей день и бережно хранится их дочерью, — ныне здравствующей Верой Кирилловной Ноякшиной (см. фото 5 прил. № 6).

Возрождение храма

Вознесенская церковь разделила участь тысяч и тысяч русских православных храмов, — разоренных, уничтоженных и разрушенных, поруганных применением их в самых далеких от служения Господу целях. Сброшенные колокола и кресты были переплавлены. Церковная ограда — красивая кованая чугунная решетка, частично была вывезена в село Акташ, где использовалась для ограждения Районного исполнительного Комитета, частью использовалась для ограждения сельского родника (см. фото 6 прил. № 6).

После разорения полуразрушенная Вознесенская церковь, так же как и многие, использовалась и в качестве зернохранилища (вследствие чего погибли рисованные на стенах иконы) и в качестве мастерской по ремонту сельскохозяйственной техники, когда была разрушена кровля, дырами зияли проемы окон и дверей. Внутри горами были навалены кучи мусора и ржавого металлолома.

Возможно, и по сей день, здание церкви высилось бы на окраине села в виде неприглядных развалин грустным напоминанием о былой красоте и величии, о временах незаконных и страшных, как и поныне стоят церкви в окрестных и близлежащих селах, — Онбии, Александровской Слободе, Поручикове, как замечательный храм Апостолов Петра и Павла в Батрасе, построенный в конце XIX века на средства помещика П.И. Кукаркина в греческом стиле со множеством орнаментов, колонн и т.д. Прихожане большинства больших и богатых сел, которые превратились в постепенно умирающие деревеньки — пожилые люди, пенсионеры, которые

сами едва сводят концы с концами. Церкви же испокон веков строились силами и на пожертвования прихожан. Поэтому, можно лишь с грустью констатировать, что перспектива восстановления большинства сельских приходских храмов и ныне весьма и весьма туманна, и скорее позволяет предположить, что просто нереальна.

Тем ценней и значимей представляется то, что волей Божьей, реализуемой через конкретных людей, именно Вознесенской церкви дано было возродиться, что и дает нам возможность не окончить настоящее повествование предыдущей главой, а рассказать о возрождении храма. Пусть же этот рассказ, на конкретном примере вдохновит людей, не решающихся прислушаться к зову сердца и совести, опасующихся препон и трудностей, которые, не скроем, обязательно встретятся на пути реализации проекта по восстановлению церкви.

Последние годы перед передачей церкви прихожанам в 1999 году, храм пустовал. Василий Николаевич Казаков, в то время — социальный работник Отдела социальной защиты по уходу за престарелыми людьми г. Заинска, а ныне — настоятель Вознесенской церкви отец Василий, говорит, — «Я не могу сказать, что был инициатором восстановления. Могу только сказать, что в этих делах мы оказываемся только участниками воли Божьей. Если есть на то воля Божья и Господь благословляет, значит, храм сей будет восстанавливаться. А если нет, — человек, как бы ревностно ни относился к этому — все будет напрасно. Мне нужен был этот храм, он меня, почему-то, заинтересовал. Появилась такая тяга приобщиться» (см. фото 7 прил. № 6).

Василий Николаевич родился в 1957 году в деревне Утяшкино, расположенной в паре километров от Кара-Елги

(которая, как мы помним, относилась до разорения к приходу Вознесенской церкви). Начальную школу окончил в родной деревне, с четвертого же по 8-й класс ходил в Караелжскую школу. Он даже и не предполагал в те годы, что воля Божья, на определенном, трудном этапе его жизни, приведет его когда-либо к служению в этой церкви. «Ну а потом уже, будучи когда в болезни, — вспоминает отец Василий — наверное, Господь благословил, чтобы я стал, по возможности, заниматься восстановлением». Следует отметить что, несмотря на то, что Василий Николаевич родился в Утяшкино, корни его предков так же выходят из села Кара Елги, о чем он в точности не знал и это еще раз говорит о не случайности Божественной воли. Матушка прадедушки Василия Николаевича, Игнатия, была дочерью зажиточного крестьянина села Кара-Елги Евлампия Федоровича Чугунова. Она, к сожалению, рано умерла, и Игнатий в конце XIX века, вместе с тремя своими сестрами, воспитывался, как родной, в доме своего дяди Романа Евлампиевича Чугунова (моего прадеда). Позднее дочь Игнатия — Хаврония Игнатьевна, вышла замуж за Караелжского крестьянина Михаила Верясева. Ее же дочь Евдокия Михайловна, выйдя, в свою очередь замуж за жителя деревни Утяшкино Николая Казакова, и стала мамой будущего иерея Вознесенской церкви отца Василия.

Итак, с Божьей помощью, Василий Николаевич в 2001 году приступил к восстановлению церкви. Приезжал из Заинска, где проживал, в свободное от работы время. Пришлось самому стать и столяром, и плотником, и сварщиком, и маляром, и каменщиком и сантехником.

Активным помощником Василия Николаевича был старожил села, проживающий поблизости от церкви — Василий Андреевич Ноякшин, которому уже тогда шел 72-й год. По

мере сил помогали и другие сельчане. Начались работы с очистки помещения церкви от мусора, стали вставлять окна и двери, соорудили временный иконостас (см. фото 8 прил. № 6).

Конечно, как на первоначальном этапе, так и по сегодняшний день, невозможно было бы всерьез говорить о каких-то восстановительных работах, и вообще о существовании и служении храма, если бы не помощь добровольных жертвователей — говоря официальным языком — «физических и юридических лиц». Подавляющее большинство пожертвований поступало от частных лиц, как родом из села, так и просто неравнодушных. «Кто сколько, сколько Господь благословлял, столько и давали», — говорит отец Василий. Посильное участие приняли и организации, среди которых можно назвать ОАО «Татнефть» выделявшее некоторое время по 50 000 рублей в год, ОАО «Татэнерго», оплатившее в частности изготовление иконостаса в сумме 100 000 рублей. Принимали посильное участие НГДУ «Елховнефть», НГДУ «Заинскнефть», ООО «Елховлес» и его руководитель Абдуллин З.М., ОАО «ТАТЕХ» из г. Альметьевск, ООО "ВУМН" и многие другие организации. Из частных предпринимателей большое участие приняли Николай Иванович Гордеев из Елабуги и Токмаков Виктор Михайлович с сыном Игорем из Заинска. На форуме о.Василия приведен очень показательный случай:

«Господь всегда слышит нас, наши молитвы! В самую трудную минуту помощь приходит. Когда начали восстанавливать Храм, в первую очередь — кровлю и купола, получилось так: крыша не закончена, а денег не хватило на металл, на оцинкованные листы. Мы молились о помощи. И слава Богу за всё!!! Заходит в Храм раб Божий Михаил из Заинска, он ехал по дороге издалека, взглянул на крышу Храма

увидел нас и завернул с центральной дороги. Говорит: «Мне показалось Храм реставрируется, может быть, чем-нибудь могу помочь?» И дал все необходимые деньги — 30 тысяч! Вот радость-то была! И крышу покрыли за несколько дней. Господи, даруй мир, здравие, благоденствие и спасение всем!».

Большие средства требовались не только на восстановление храма. Для того, чтобы сделанные работы не пропали даром, требовалось поддерживать необходимую положительную температуру в церкви в холодное время года. Поначалу была установлена простая железная печка, которая топилась дровами. Затем подключили электрическое отопление, которое оказалось исключительно дорогим. Были случаи, на оплату электричества, которая, порой, составляла до 20 000 рублей в месяц, просто не было средств и приходилось занимать деньги у прихожан, чтобы избежать отключения и размораживания системы отопления. Электрические тэны, порой, настолько часто перегорали, что все пожертвования вместо восстановления, уходили на обогрев храма.

Безусловно, сложности были. Немало хлопот доставило юридическое оформление огромного количества бумаг, хождение по куче инстанций, которое может представить себе любой читатель, хоть раз сталкивавшийся с оформлением земли и строений (см. фото 9 прил. № 6).

Но все трудности, с Божьей помощью, преодолевались стараниями, терпением и настойчивостью Василия Николаевича Казакова. С первых, практически, дней, с 2001 года, в восстанавливаемом храме начались воскресные и праздничные богослужения, а 27 ноября 2004 года настоятель Свято-Троицкого собора г.Заинск протоирей Александр Стрижак совершил освящение крестов, и купола с крестами возвысились над храмом.

В этом же году Василий Николаевич Казаков был официально рукоположен епископом в священнический сан и назначен настоятелем Вознесенской церкви села Кара Елга, став иереем отцом Василием.

По этому поводу отец Василий говорит, — «Из практики, когда недоставало священства, избирался кто-то из прихожан, благочестивых людей, и народ просил архипастыря или епископа, чтобы владыка благословил, рукоположил настоятелем храма. Так и со мной получилось. Когда меня рукоположили почти 9 лет назад, священства было мало. Так и теперь тоже мало. Если все храмы восстанавливать — у нас священства не достает, и нет возможности послать священника в приход, обеспечить его содержание — ему просто не на что будет жить. Священники — они семейные люди, а село — 10, 15-20 или 30 домов прокормить будет не в состоянии, потому что там, в основном уже не работающие, а пенсионеры, — люди в возрасте прихожанами являются. По их ведь просьбе — не по просьбе молодых людей, восстанавливаются храмы. Бабушки, в которых еще вера теплится, живут. Так же и здесь, в Кара-Елге, и в Заинске, и в старом Заинске — только по просьбе, настойчивости прихожан пожилого возраста восстанавливаются храмы».

За 11 лет, прошедших с начала восстановительных работ сделано многое: покрыли крышу, была сделана внутренняя отделка, приобретен иконостас, заменена входная дверь, на колокольне от лестницы не оставалось и следа, но и она с Божьей помощью и стараниями добровольных помощников была сделана. Было проведено, наконец, газовое отопление, построен церковный общежительский дом, в котором есть кухня и трапезная, кельи для богомольцев, комнаты для летнего детского лагеря.

Благодаря стараниям и пожертвованиям частного лица, пожелавшего остаться неизвестным, были заказаны и приобретены колокола. Колокола были заказаны в фирме «Италмас», расположенной в городе Тутаеве Ярославской области. Колокола известной фирмы, которые звонят на колокольнях многих приходских и соборных храмов Москвы, Санкт-Петербурга, Владимира, Костромы, Суздаля, Брянска, Сочи, Украины и Казахстана, отливаются по старинному способу формовки, — по кружальным лекалам, когда внутренний стержень колокола — болван — откручивается из глины по лекалу слой за слоем с полным высыханием каждого слоя. Глина используется исключительно из единственного подходящего карьера Ярославской области. Бронза содержит 18-20 % олова. Колокола не обтачиваются. На внешней поверхности колокола отливаются надписи, рельефные изображения, орнаменты в соответствии с исторически сложившимися канонами российских производств. Используемая технология обеспечивает исключительное благозвучие и качество звучания отливаемых колоколов (см. фото 10 прил. № 6).

15 апреля 2011 года колокола освятили, повесили и село, спустя 74 года вновь услышало радостный и прекрасный колокольный перезвон, который собирал на службы в храм наших дедов и прадедов!

Значимое событие случилось 7 мая 2011 года, спустя почти 144 года после освящения новой Вознесенской церкви, архиепископ Казанский и Татарстанский Анастасий совершил освящение престола Вознесенского храма (см. фото 11 прил. № 6).

Ныне в штате причта Вознесенской церкви числится лишь настоятель. Отец Василий отмечает, что необходимость в псаломщике давно назрела, но пока идет восстановление

храма, нет финансовой возможности его принять. Проблема не только финансового характера. «В приходах, — говорит отец Василий — большая нехватка людей знающих, которые составляли бы богослужение, помогали священникам».

Единственной постоянной помощницей настоятеля во всех делах является монахиня Васса (в миру — Липнягова Валентина Васильевна), которая живет и трудится при храме с первых дней начала его восстановления и по сей день. Родом она из деревни Нератовки Заинского района, но уже более 10 лет живет при Вознесенской церкви, пользуясь искренней любовью и взрослых и малолетних прихожан. До строительства церковного дома матушка, которой уже далеко за восемьдесят лет, жила в вагончике около церкви. «Я нахожу в своем служении большое моральное удовлетворение, — говорит матушка Васса — Знаю, Бог всегда слышит мои молитвы» (см. фото 12 прил. № 6).

Про первые годы восстановления храма, матушка вспоминает: «Вначале было очень трудно. Икон не хватало. Спасибо жителям Кара-Елги и окрестных сел. Они стали приносить свои иконы. Интересная история произошла с иконой Николая Чудотворца. Когда в 30-е годы закрывали церковь, одна местная жительница забрала икону Святителя Николая домой. Позже она передала ее своей дочери. И вот, когда наша церковь вновь распахнула двери для прихожан после реставрации, молодая женщина вернула икону в храм именно в День памяти Николая Чудотворца. Спасибо людям за постоянно оказываемую помощь».

С Божьим благословением и помощью добрых людей восстановление храма продолжается. В апреле 2012 года в алтаре на стенах начали писать иконы, те самые, которые были утрачены. А к началу сентября 2012 года художники закончили

работы по восстановлению росписей алтаря и купола храма, — сейчас они идентичны тем, которыми любовались жители села 150 лет назад!

Вознесенская церковь, относившаяся к Казанской и Татарстанской епархии, на основании определения Священного Синода русской православной церкви от 6-7 июня 2012 года, отнесена к вновь образованной Альметьевско-Бугульминской епархии.

6 июля 2012 года, в храме Всех святых, в земле Российской просиявших, Патриаршей резиденции в Даниловом монастыре, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл возглавил чин наречения архимандрита Мефодия (Зайцева), клирика Казанской епархии, во епископа Альметьевского и Бугульминского (см. фото 13 прил. № 6).

Завершить же, как настоящую главу, так и свое повествование в целом, хотел бы обращением иерея отца Василия, размещенным около двух лет назад на его форуме:

«Особенно хотелось бы обратиться к предпринимателям и руководителям организаций городов Заинск и Альметьевск оказать посильную помощь в восстановлении храма. Ведь даже самая малая помощь в святом деле не остается без внимания Господа, но как всякое доброе дело, должно совершаться не напоказ, а тайно. Зачастую приходится обращаться с письмами в организации и предприятия, но не всегда нас слышат, просящих много. Раньше люди жили единым духом, единой семьей, единой верой, сегодня они разобщены, каждый думает о себе. И это печально. Хотелось, чтобы радость единения вновь вернулась в нашу жизнь. Беды, поступившие одна за другой в виде финансового кризиса, войн, болезней — это последствия нашей греховной жизни, нарушения заповедей Божиих. Не

так должен жить человек. Спасение же наше в Боге, в вере. Бог — врачеватель души и тела. Если к нему обратиться искренне, с верой, Он поможет. Вспомните: «По вере вашей да будет вам». Тревожит состояние нашей молодежи, которая потерялась в жизни, не знает, как провести время, устроить себя в жизни. Наша земная жизнь — это приготовление к будущей жизни, приготовление души со встречей с Богом. По делам нашим Господь судить нас будет.

С уважением и искренними пожеланиями помощи Божией настоятель храма Вознесения Господня иерей Василий Казаков».

ХРАНИ ВАС ГОСПОДЬ!

Список литературы

Источниками для написания этой книги послужили:

Воспоминания и рассказы Лазаревой Надежды Михайловны (г. Наб. Челны), Ноякшина Василия Андреевича (с. Кара-Елга), Ноякшиной (ур. Чугуновой) Веры Кирилловны (с. Кара-Елга).

Форум Иерея Вознесенской церкви села Кара-Елга Василия Казакова на сайте: <http://kuraev.ru/smf/index.php?topic=448787.40>

Метрические книги Вознесенской церкви с. Кара-Елги. НА РТ. Ф.4. Оп.153. д.276-337; Ф.4. Оп. 166. д.6-229; Ф.4. Оп. 176. д. 1402-1790.

Адрес-календарь лиц, служащих в Уфимской Губернии. Уфа. 1873 г.

Памятная книжка Уфимской губернии. Ч.2 (Историческая). Уфа. 1873 г.

Уфимский календарь на 1876 год. Уфа. 1876 г.

Справочная книжка Уфимской Губернии. Сведения числовые и описательные относятся к 1882-83 г.г. составленная Н.А.Гуревичем. Уфа.1883 г.

Памятная книжка Уфимской губернии на 1889 год. Уфа. 1889 г.

Памятная книжка Уфимской губернии на 1891 год. Уфа. 1891 г.

Календарь Уфимской губернии на 1893 год. Уфа. 1893.

Справочная книжка и адрес-календарь Уфимской губернии на 1899 год. Уфа. 1899.

Справочная книжка и адрес-календарь Уфимской губернии на 1903 год. Уфа. 1903.

Адрес-календари Уфимской Губернии и справочные книжки на 1905, 1912, 1914, 1915, 1916 и 1917 года. Уфа. 1904–1917 гг.

Уфимские епархиальные ведомости №№ 1-24. Уфа.1904 г.

Записки Сельского Священника. Быт и нужды православного духовенства. Издание исторического журнала «Русская Старина». СПб. 1882 г.

Новиков Л.П. Метрики (общие акты состояний) у православных (по ведомствам епархиальному и военно-духовному), инославных, старообрядцев, сектантов, евреев, караимов и магометан. Под редакцией протоиерея Н.А. Калистова. СПб. 1907 г.

Антонов Д.Н., Антонова И.А. Метрические книги России XVIII — начала XX в. М. Издание Российского государственного гуманитарного университета, 2006 г.

Григоровский С. Сборник церковных и гражданских законов о браке и разводе. Узаконение, усыновление и внебрачные дети. Изд. 7-е. СПб. 1907 г.

Знаменский П. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра. Казань. 1873 г.

Рункевич С.Г. Русская церковь в XIX веке (исторические наброски). СПб. 1901 г.

Православное обозрение. М. 1861 г.

Казаков В.С. Родная деревня. Заинск. 2010 г.

Постановления, относящиеся к действиям губернских правлений и уездных начальников. Ведомство духовных дел. Варшава. 1867 г.

Сборник церковно-гражданских постановлений в России, относящихся до лиц православного духовенства. Составитель Н.Александров. СПб, в Типографии Главного штаба Его Императорского Величества по военно-учебным заведениям. 1860.

http://www.radostmoya.ru/project/neravnodushnyi_razgovor/video/

http://www.histor-ipt-kt.org/DOK/Tatariya/D_41-33.doc

<http://kazan.eparhia.ru/talks/ask/default.asp>

<http://www.rt-online.ru/aticles/rubric-72/51332/>

Приложения

Приложение 1

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ ПЕРЕЧЕНЬ¹ лиц, стоявших в главе управления, духовного и гражданского, Оренбургским краем и Уфимской губернии, от построения г.Уфы, 1574 года до настоящего времени

ЕПАРХИАЛЬНЫЕ АРХИЕРЕИ

Архиепископы Казанские:

- Лаврентий, в 1574 году сошел на покой в Иосифов Волоколамский монастырь.
- Вассиан, 1575 года, правил только три месяца.
- Тихон, с 1575 по 1576.
- Иеремия — с 1575 по 1579 г.
- Козьма и Тихон, — оба с 1579 по 1589 года.

Митрополиты Казанские:

- Ермоген, 1589-1606. Возведен в Патриаршество.
- Ефрем, 1607 по 1614. В 1613 и 1614 годах он был и правителем Казани в качестве Государева Наместника.
- Матфей, 1614-1646 год.
- Симеон (Симон), 1646-1650.

¹ Извлечение из Памятной книжки Уфимской губернии. Ч.2 (Историческая). Уфа. 1873 г. стр.19-22.

- Корнилий, 1650-1656.
- Лаврентий, 1657-1673. Отрекся от епархии и скончался схимником под именем Левкия.
- Корнилий, 1673-1674. Перемещен в Новгород.
- Иоасаф, 1674-1686.
- Адриан, 1686-1690. Возведен в Патриаршество.
- Маркел, 1691-1698. Им пожертвован в Уфимский Смоленский Собор серебряный позолоченный напрестольный крест с мощами и на кресте чеканная надпись «Лета 7202 (1697) месяца декабря 2 постоися сей Животворящий Крест Господень с Чудотворными мощами и посла во град Уфу в соборную церковь Богородицы Смоленския наобщее просвящение всех православных христиан живущих тамо смиренный Маркел Митрополит Казанский и Свияжский и ради поминовения души своея родителей своих: поновлен 7307 (1803) года Амвросием Епископом Оренбургским и Уфимским.». Этот крест теперь в Воскресенском Кафедральном Соборе.
- Тихон, 1699-1724.
- Сильвестр, архиепископ, а потом Митрополит, с 1725 по 1731 года. По доносу Губернатора Волынского послан на покой в Александро-Невскую Лавру.
- Илларион, 1732-1735, Перемещен в Чернигов.
- Гавриил, 1735-1738. Перемещен в Устюг- Великий.
- Лука Канашевич, из Епископов Устюжских, 1738-1755. Этот Преосвященный известен ревностью в обращении в христианство магометан и язычников. В ограждение его от опасности, Императрица Елисавета повелела перевести его в Белгород.
- Гавриил, из епископов Коломенских. С 1755 по 1762 год. Перемещен, со званием архиепископа же, в С.-Петербург, где впоследствии пожалован Митрополитом.

• Вениамин, из архиепископов С.-Петербургских, 1762-1782. За невинное претерпение по доносу сообщника Пугачева Аристова, в 1775 году пожалован Митрополитом и Екатерина II при особом рескрипте 26 января 1775 года, прислала ему белый клобук с бриллиантовым крестом. Митрополит Вениамин умер на покое в Казанской Седьмиозерской пустыни. При этом архиерее отобраны в 1764 году, в казну церковные имения и отделена Оренбургская губерния от Казанской епархии к Вятской, кроме города Оренбурга и Мензелинска. Пограничные крепости в пределах нынешних Троицкого, Челябинского и Верхнеуральского уездов Оренбургской губернии оставлены по прежнему в ведении Тобольской епархии.

Касаясь только в крайне необходимых случаях нынешней Оренбургской губернии, отделенной от Уфимской (случилось это в 1865 году. — В.Б.), не перечисляем Тобольских архиереев.

Итак, с 1764 года управление духовными делами Уфимской губернии разделилось между Казанской и Вятской епархиями, а именно:

Архиепископы Казанские, заведывающие городом Мензелинском с уездом:

- Антоний, с 1782-1786 (из епископов Нижегородских), уволен на покой в Макарьев Желтоводский монастырь.
- Амвросий (Подобедов), из епископов Крутицких, с 1785-1799, перемещен в г.С.-Петербург.
- Серапиан, из епископов Калужских, в последствии Митрополит Киевский. Прибыл в Казань в 1799 году, но управление его Мензелинском было только 3 месяца.

Епископы Оренбургские и Уфимские:

- Амвросий (Келембет), из архимандритов Новгородского Антониева Монастыря, с 1800 по 1807 г. — Перемещен епископом в Тобольск.
- Августин (Сахаров), из архимандритов того ж монастыря, с 1807 по 1819 год, — уволен на покой в Троицкую пустынь.
- Феофиз (Кожемяченко), из членов Московской Синодальной Конторы и архимандритов Донского Савропигального монастыря, с 1819 по 1823 г. Перемещен в Екатеринославль, где произведен в архиепископы и скончался по увольнении его на покой.
- Амвросий (Молев), из ректоров Орловской Семинарии, с 1823 по 1829 год. При нем посетил Уфу Император Александр I. В 1829 году Амвросий перемещен архиепископом в Житомир.
- Аркадий (Федоров), из архимандритов Пинского монастыря 2 класса Минской губернии, с 1829 по 1831 год. Перемещен архиепископом в Пермь.
- Михаил (Добров), бывший до того Ректором Тверской Семинарии, с 1831 года по 1836 г. Скончался на покое в 1859 году и погребен в Уфимском Успенском мужском монастыре, при церкви Св. Митрофана Воронежского Чудотворца.
- Иоаникий, бывший до того Епископ Вятский, с 1836 г. по 1849 г. Перемещен на епархию Кавказскую. Скончался на покое в г.Ставрополь в 1860 году.
- Иосиф, бывший до того Епископ Дмитровский, Викарий Московский, с 1849 года по 1853. Перемещен в Воронеж, где произведен в Архиепископы. При нем в Воронежской губернии было обретение Св. мощей Св. Тихона Епископа Воронежского и Елецкого. Преосвященный Иосиф по прошению уволен на покой в Воронежский Благовещенский монастырь.

- Антоний, бывший до того Епископ Старорусский, Викарий Новгородский, с 1853 года по 1858. Перемещен в Кишинев и произведен в Архиепископы.

- Антоний, бывший до того Архимандрит и Ректор Ярославской Семинарии, правил Уфимскою епархией 9 месяцев и в 1859 году перемещен в Оренбург, где открыта епархия Оренбургская и Уральская, с отделением туда городов Оренбурга, Уральска и земель Оренбургского и Уральского Казачьих войск.

С тех пор в Уфе начался ряд Епископов Уфимских и Мензелинских.

Епископы Уфимские и Мензелинские:

- Порфирий, бывший до того Епископ Дмитровский, Викарий Московский, с 1859 года по 1860 г. Перемещен в Томск, где и скончался в 1865 году, вскоре после увольнения его на покой.

- Филарет, бывший до того Епископ Ковенский, Викарий Литовский, с 1860 г. по 1869 г. Перемещен в Нижний Новгород. При нем отделены города Троицк, Челябин и Верхнеуральск к Оренбургской епархии: совершилось освобождение крестьян и последовало разделение Губернии на Уфимскую и Оренбургскую, Он основал в Уфе училище для девиц духовного звания и много по губернии церковных школ.

- Петр, бывший до того Епископ Якутский, а потом член Московской Синодальной Конторы, с 1869 года. Преосвященный Петр известен своей миссионерской деятельностью в Сибири и бывших Русских Северо-американских колониях и многими учеными трудами. Им изданы в Москве в 1856-1865 годах «Слово о монашестве», «Поучения, говоренные на Новоархангельском Соборе, что на острове Сихте» и «Объяснения 1-х 23 глав книги Святаго пророка Исаии».

Приложение 2

«Записки сельского священника»

(СПб., 1881 г. — извлечение)¹

«По окончании семинарского курса правление семинарии определило послать меня в академию, но врачебная наша управа нашла, что я, по слабости здоровья, продолжать дальнейшие науки не могу (!!!!!!!! — В.Б.), почему преосвященный и дал мне священническое место в селе Х.

Женившись на сироте, мне после рукоположения нужно было отправиться в приход, отстоящий от города верст на 150. Вдова, матушка-теща, могла дать мне деньгами в приданное за дочерью только тридцать рублей. Но они почти все разсорились по консистории, по протодьяконам, иподьяконам, певчим и подобному люду, при посвящении. Епархиальная власть не обеспечила, да и не могла обеспечить своего нового иерея ни прогонами до прихода, ни квартирою там, ни отоплением, ни хлебом, ни прислугой, — она не дала ему ровно ничего. Ему дали приход, посвятили и сказали: ступай и живи, как знаешь, но только с непременною обязанностью

¹ Записки сельского священника, отрывки из которых приведены ниже, публиковались в журнале «Русская старина» в 1870-х годах. Автор их, слишком откровенно и злободневно писавший о быте сельского духовенства, пожелал издать их анонимно. Лишь из многих отрывочных свидетельств можно понять, что автор, — благочинный, настоятель сельского храма, расположенного в Самарской, Уфимской или Казанской епархии, — но не более 200-т верст от Кара-Елги. В его рассказе есть и фамилии известных, в то время лиц, с которыми ему приходилось встречаться, из чего я и сделал выше озвученный вывод. Приведенный ниже рассказ относится к концам 1840-х годов.

возвышать религиозно-нравственное состояние своих прихожан, — послание было апостольское: «Ни сапог, ни жезла, ни пиры в путь...».

Из полученных мною от матушки денег у меня осталось всего три рубля. С этими тремя рублями мы должны были добраться до прихода и существовать там первое время. С неделю мы ходили с матушкой по постоянным дворам и искали попутчиков-мужиков. Наконец, мы нашли целый обоз мужиков, привозивших сено. На нескольких дровнях мы уложили свое имущество, а на одних мы с женой пристроились сами. Мне было тогда 21 год, а жене 16. Жена моя, как ребенок, не видевший деревни и не знавший быта сельского священника, не понимала ничего и отъезжала без особенного горя. Зато матушка ее не могла скрыть горя, раздиравшего ее душу.

Первая деревня, куда мы заехали отогреться и покормить лошадей, была деревня мордовская. Мы выбрали получше избу и заехали. Но оказалось, что изба устроена была, как называется у них, «по черному», и в это время топилась. Избы, которые топят «по черному», строятся не у одних мордвов, но и у многих русских, в захолустьях. Избы эти устраиваются: из глины сбивается огромная печь, но без дымовой трубы, а потому весь дым при топке идет в избу. Не смотря на то, что дверь на это время отворяют, изба наполняется дымом до того, что чистого местечка остается всего четверти две от полу. В это время ни стоять, ни сидеть и ни прилечь негде, — нет дыму только у самого полу, но так как дверь отворяется, то прилечь нельзя и там от холода из отворенной двери. От ежедневной копоти с потолка, полатей и полок висят сосульки, как сталактиты. Падающие капли копоти образуют внизу сталагмиты. Побывать в такой избе и не выпачкаться до-не-

льзя нет никакой возможности. Полов и лавок крестьяне эти не моют никогда и только раз 5-10 в год подчищают скребками; самые даже столы грязны до невозможности. Сквозь густой дым людей едва видно, но между тем ребятишки лежат себе на полатах, свесив головы, и — ничего!

Тут же под столом лежало несколько собак, а в углу теленок и свинья с поросятами. Мы измучились, передрогли еще более, чем в дороге, одежду всю испачкали и не чаяли выбраться. Так тащились мы три дня. Таких остановок у нас было несколько и мы пришли в совершенное изнеможение. Наконец приезжаем в приход, в свое село. О нем я и не имел понятия.

– Куда же мы въезжаем? — спрашиваю. — Въезжая квартира здесь есть?

– Нет!

– Постоялые дворы?

– Нет!

– Где живет дьякон? — мне указали лачугу.

– Дьячек, пономарь? — мне указали лачуги еще хуже.

– Поедем в церковную сторожку!

Приезжаем и видим: небольшая каменная церковь облыняла, ограда развалилась. Церковная сторожка, — это маленькая, гнилая, покосившаяся и полуоткрытая избенка. Мы вошли: пол земляной, два полуаршинных оконца покрылись слизью, стены мокрые, углы загнили и заросли плесенью.

– Что мы, — думаю, — будем здесь делать?

Сейчас разнеслась молва, что приехал молодой поп, и сбежался народ. Все, что было лучшего, нам внесли в сторожку, другое внесли в сени, а гардероб, комод, диван и стулья расставили по ограде. К нам налезло зевак, — и баб, и

ребятишек, со всевозможной своей атмосферой, — столько, что ни стоять, ни сидеть, и ни дышать не было возможности! Это были настоящие дикари: одна молодая баба дотронется к жене до шеи, другая пощупает косу, третья чуть не уткнется носом в лицо и выпялит свои буркалы, и тут же, вслух передают одна другой свои замечания: «ах, а ты глянь-ко, какая у ней коса-то, с мою руку!» — «А какая белая-то! Она, мотри, набелена»...

Пришел мой причт. Первым делом дьячек выгнал всех, потом стали судить как и где нам пристроиться. Посудили, порядили и порешили, — что в сторожке зиму не проживешь, что нужно искать избу у мужиков, но что во всем селе свободных изб нет. Что если есть у некоторых по две избы, через сени, то эти семейства многолюдны и обе избы заняты. Что нужно просить стариков, чтобы они согнали какую-нибудь подобную семью в одну избу, а другую, на время, дали нам. Так мы и покончили. Прошла ночь. У нас запасной свечи не было, а в селе лавочки не существовало. Сторож зажег, по обыкновению, лучину и сел у «светца» ковырять лапти. В избенке набралось столько дыму, что и взглянуть невозможно. Народ натаскал на пол снегу и натоптал грязи, по крайней мере, на пол вершка. Стены были мокры, лавки узенькие, — и спать нам совсем было негде. Старик наш нашел где то две скамейки и мы пристроились, а старик, как кот, забрался на печку. Утром я послал за старостой и попросил его, чтобы он отвел нам уголок, гденибудь у мужика. Нужно было позаботиться и об обеде, но оказалось, что во всем селе, кроме черного хлеба, кислой капусты и гречневых круп, нельзя было достать ничего. Прошел день, прошел и другой, а квартиры нам нет да нет. Послал опять за старостой, но тот сказал моему старику: «Скажи ему, что у меня с похмелья его

голова болит; коль хочет, так нетрош, сам придет». Посланный мой тут же пояснил мне, что староста обиделся, что я не угостил его винцом, что ко мне он не пойдет и квартиры отводить мне не будет. Я пошел к нему. Долго он ломался надо мной! Я едва не плакал, едва не кланялся ему в ноги. А он сидит как пень, как и не слышит меня, и только: «ты мир почитай, ты еще молод, не знаешь как в миру жить. У нас были попы до тебя, да мир не ломали. Поживешь зиму в сторожке, а летом свой дом поставишь, а то у старой попадьи купишь». Насилу он согласился собрать сход и пособить мне — дать квартиру. Но все таки и после этого я ходил к нему, изо дня в день, целых две недели!...

...Две недели, изо дня в день, я ходил к старосте, чуть не каждый день стал ходить ко мне и он, но уже не один, а с тремя-четырьмя мироедами. Придут ко мне мои гости, рассядутся, я пою их чаем, а они: «ты нас уважай: ты знай только нас, — мы тебе все дадим. Будешь уважать нас, и мы тебя во всем уважим. Не будешь — так уходи теперь же. Ты своей спины не жалея. Поклонишься миру, самому слюбится...».

После множества просьб, поклонов и болезненных унижений с одной стороны, — наставлений и ломаний с другой, через две недели старики прислали за мной десятника звать меня на сход просить мир о квартире. Долго-долго мне пришлось тут толковать с ними и просить, почти каждого по одиночке, чтобы дали мне какую-нибудь особую избенку. Наконец все согласились дать. После меня начались перекоры и пересуды между ними самими. Ссоры и крику и тут было немало, но дело уладилось и здесь, и мне велено было перебираться к одному мужику.

У этого крестьянина было две избы, — одна в улицу, другая во двор, с общими сенями и под одной соломенной

крышей. В семье были: старик, старуха, три сына женатых и с дюжину ребятишек всех родов и сортов. Нам отвели переднюю. Вся семья перебралась в заднюю. Но старик со старухой остались с нами. Изба эта лучше сторожки была немногим, но зато сухая. В ней кругом были лавки, а вверху полати. Топилась «по белому», пол дырявый и грязный-прегрязный, с двумя оконцами в улицу и одним во двор. Я спрашиваю: «Моете ли вы когда-нибудь пол?».

– Как же, моем, каждый год к пасхе!

– Нельзя ли, дедушка, вынуть лавки и полати? Мы поставили бы стулья и диван.

– Когда вы вынесете из избы в гробу меня, тогда выносите хоть все, а пока я жив, не трошь.

Мы поставили все в сени и под навес, а в избу взяли только самое необходимое. Вечером нужно было поставить самовар. У хозяев углей не было и я послал в церковную сторожку. Но сторож заворчал на моего посланного: «Две недели поп жег церковные угли, а теперь и с фатеры будет жечь? На, да скажи ему, что больше не дам». К чаю пришел к нам дьячек, сильно выпивший, подошел под благословение и прямо дринулся — сел на постель. «Зачем, — говорю, ты сел там, разве нет тебе места на лавке?»

– А почему же и не здесь? Почему же не посидеть на батюшкиной постельке? Вишь, она какая мягкая! Вы, батюшка, нами не брезгуйте. Мы, хоть и пономари, жа такие же люди. А со временем и сами пригодимся: пойдете по приходу собирать хлебцем, я лошадки дам. Мужикам нечего кланяться за всяким делом. Они — музланы, народ необразованный. Да вот, к примеру, и матушка, как пойдет собирать шерстью, так с ней пойдет моя Федосеевна. А одна-то она кого знает?

– Зачем ты, Григорьич, выпил?

– Вы, батюшка, еще не огляделись. Поживите так хоть с годок к примеру, так будете пить больше моего. Приход наш бедный. А главное — черный, руку приложить не к чему. Весь век бьешься, изо дня в день, из за куска хлеба, с ума сходишь, тоска заедает. Ну, и выпьешь у доброго человека рюмочку, как будто все горе и забудешь. Ну, и вы, к примеру, чашечку чайку налейте.

Вечером, после чаю, мы сидели вдвоем в переднем углу, а старик со старухой — против печки в другом. Жена вязала кружево, а я, как и в сторожке, сидел безо всякого дела. Говорить с женой — все переговорено, со стариками — не о чем. Делать нечего, читать нечего, писать не о чем, да и не на чем. Что же делать? Да ничего — сидеть, да и только. Я думаю, кто испытал в жизни такое состояние, тот согласиться со мной, что самый тяжкий труд переносить легче, чем продолжительное состояние совершенной бездеятельности. Там можно изнемочь, а здесь — сойти с ума.

Старики улеглись спать рано, но нам спать еще не хотелось и мы сидели долго. Старуха легла на печке, а старик на полатах, над нашей постелью. Когда они захрапели, нам с женой стало как то отраднее: мы почувствовали, что нам и тепло, и сухо, и свободно, — как камень какой свалился с души нашей. Старики легли рано, рано и выспались. Часа за три до света они поднялись, стали топить печку и готовить завтрак. Со стариками поднялась и вся семья — и пошло шмыганье мимо нас и хлопанье дверью. К нам налезло ребятишек. Поднялся визг, напустили холоду, крик, смех, слезы, и то тот подойдет посмотреть на нас, то другой. Нужно было вставать и нам, но вставать было нельзя, потому что изба была набита народом. Я едва мог упросить, чтобы все вышли, хоть на несколько минут, пока мы одеваемся. Просьбы моей никто не

мог и понять, потому что одеваться и раздеваться при всех никто не считал стыдом, точно так же, как никто не считал там за стыд идти всем кому попало вместе в баню. Неприлично быть одетым днем — стыдно, но идти всем, и своим и чужим, мужчинам и девушкам, вместе в баню, дело обыкновенное...».

О том, как вообще появлялись династии сельских священнослужителей можно судить по следующему отрывку из тех же «Записок»:

«Возьму в пример своих предков. Прадед мой был священником из нигде не обучающихся пономарей. Дед мой и брат его росли при отце, выучились читать, писать, петь и звонить; но вместе с отцом и пахали, и сеяли, и молотили. При первой возможности дед мой определился в пономари в то же село к отцу, а брат его в соседнее. В пономарях он вел советы с мужиками, когда выезжали пахать, косить, жать и пр. и вместе с ними работал. Мужик был неразлучным спутником его во всех обстоятельствах его жизни. Житейские потребности его были те же самые, что и у мужика: такая же изба, одежда, пища и прочее. Не только на него — пономаря, но и даже на отца его — священника, смотрели все, как мужики, так и господа, как на мужиков. Придет, бывало, весь причт к господам служить по какому-нибудь случаю, молебен отслужит, — и лакей ведет его в людскую обедать. Отобедает. И еще похвалиться, что мы-де ныне у барина обедали!»

Из пономарей дед мой поступил во дьяконы, в то же село. Потом, по смерти отца, во священники и был 16 лет Благочинным. Я помню его, когда он был уже благочинным. Он был очень любознателен. Много читал, по тому времени, не пьющий и в высшей степени аккуратный старичок. Домик его был простая крестьянская изба. С лавками и полатями,

но все в ней было необыкновенно чисто. Вообще же это была выдающаяся личность своею скромностью и солидностью и любовью к чтению. А как у местного помещика, богача, аристократа, нельзя было найти никаких книг, то дед мой много покупал их сам и все, что можно было достать брал у соседей — священников. Он лично сам работал до глубокой старости, бывши даже Благочинным. Батюшка мой обучался уже в семинарии, хлебопашеством хотя и занимался, но сам лично уже не работал. Выпрашивать, притеснять прихожан он не мог, по его крайне кроткому характеру, как и дед мой, и потому жил в страшной бедности. Я же не нашел для себя возможным работать и наемным трудом. Взгляд мой на общество совсем не тот, что имели отец мой и дед. Взгляд самого общества на духовенство изменился, может быть еще более».

Приложение 3

“УТВЕРЖДАЮ”

ПП ОГПУ ТР _____ (ГАРИН)

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По делу религиозно-монархической контрреволюционной группы православных церковников Акташского района Татарской АССР, всего в числе 19 человек — следственное дело № 41

В июле месяце 1932 года в село Кузайкино Акташского района Татарской АССР из Соловецких концлагерей ОГПУ возвратился по отбытию срока наказания бывший священник этого села ЛУКИН Иван Лукич, каковой в 1929 году за к. р. деятельность был осужден к 3 годам заключения в концлагерь и который по прибытии в село Кузайкино, где у него оставалась после его осуждения в 1929 году проживать семья, в церкви служить не стал, но прикрываясь профессией портного, начал бродить по селениям района и заниматься среди населения антисоветской агитацией и пропагандой.

Как установлено следствием и по признанию самого Лукина Ивана Лукича, он принадлежит к контрреволюционной организации «Истинно-православной церкви», каковую в пределах бывшей Уфимской губернии и части районов Татарской республики возглавляет бывший епископ города Уфы Андрей, он же — бывший князь Ухтомский, ныне находящийся в ссылке, т.е. Лукин Иван Лукич принадлежит к церковно-монархической контрреволюционной организации, известной под названием «Андреевцы».

Основными задачами эта церковно-монархическая к.-р. организация ставит пропаганду и агитацию против мероприятий Соввласти, распространение различных провокационных слухов с использованием религиозных предрассудков масс, в том числе слухов о пришествии антихриста в лице Соввласти, и на этой почве — организацию массовых выступлений, и конечной целью имеет подготовку свержения Советской власти.

Некоторые церковные приходы Акташского района, как территории бывшей Уфимской губернии, до 1923 года были в церковно-иерархическом подчинении Уфимской епископии, а, следовательно, и в подчинении епископа Андрея, бывшего князя Ухтомского. С 1923 года большинство церковных приходов в церковно-иерархическом подчинении перешли по административному делению к епископии города Казани, а в подчинении Уфимского епископа Андрея остались только приходы селений: Ерсубайкино, Кузайкино, Верхний Акташ и Дербедень, которые стали в оппозиции к церковному центру, возглавляемому после смерти патриарха Тихона митрополитом Сергием Нижегородским. Особенно это проявилось с 1927 года в связи с декларацией митрополита Сергия Нижегородского о лояльном отношении к Советской власти.

Лукин Иван Лукич до 1927 года был священником в селе Ерсубайкино, а потом, до момента его ареста в 1929 году, священником в селе Кузайкине. С ним вместе в 1929 году были арестованы за к.-р. деятельность и священники перечисленных приходов селений: Дербедень, Верхний Акташ и Ерсубайкино, которые и в настоящее время еще находятся в ссылке. В этих приходах после ареста священников оставались члены церковно-приходских управлений с ориентаци-

ей на епископа Андрея, принадлежащие преимущественно к кулацко-зажиточным слоям, которые в период проведения коллективизации и, на основе этого, ликвидации кулачества как класса были в той или иной степени подвергнуты раскулачиванию, некоторые в порядке спецпереселения выселены за пределы Т.Р., а оставшиеся в селениях проявляли к.-р. деятельность только в отдельных моментах. Кроме того, в этих же селениях после ареста священников в 1929 году и фактическим прекращением церковной службы, осел бежавший из закрытых монастырей монашествующий элемент.

Возвратясь в июле месяце 1932 года из ссылки, Лукин Иван Лукич для установления связей с названными сторонниками епископа Андрея, бывшего князя Ухтомского, и активизации их к.-р. деятельности, прикрываясь профессией портного, стал переходить из одного села в другое, вербуя в то же время и новых членов в к.-р. организацию.

Следствием установлено, что Лукин И. Л. при его первом посещении вновь завербовал в к.-р. организацию «Истинно-православной церкви» священников из:

- 1) села Буты — Покарова Петра Захаровича,
- 2) села Юсупкино — Горбунова Филиппа Демьяновича,
- 3) села Старая Елань — Фокина Андрея Николаевича;

а из монашествующего элемента в:

- 1) селе Буты — Кильдюшеву Ксению Ильиничну,
- 2) селе Дереведень — Васянину Матрену Владимировну,
- 3) селе Старое Маврино — Киляченкову Марию Ивановну.

Кроме того, учтя ярую враждебность в отношении Соввласти со стороны попа Фокина Андрея Николаевича, Лукин И.Л. возложил на него обязанность выяснить возможность присоединения к ним попов из села Кара-Елги — Кот-

лова Федора Алексеевича и села Онбии — Котлова Павла Никифоровича, что Фокин и выполнил и установил с ними связи, после чего оба Котловых стали выполнять указания к.-р. группы. Из проживающих в районе «андреевцев» Лукин Иван Лукич установил связи в:

1) селе Ерсубайкино: с Макаровой Евдокией Андреевной, дочь кулака, которая считает себя монашкой по данному обету о монашестве; с Ильмигашевым Павлом Сафроновичем, бывшим церковным регентом в бытность в селе Ерсубайкине попа Лукина и др. попов «андреевского» направления;

2) селе Александровской Слободе: с монашкой Волковой (Евфалией) Анной Петровной и с монашкой Климовой (Серафимой) Анной Ивановной;

3) селе Верхний Акташ: со свояченицей Лукина, женой осужденного по линии ОГПУ попа «андреевца» КОСЬМИНОЙ Агапией Павловной, которая явилась одной из ближайших сторонниц попа Лукина в его к.-р. деятельности; с монашкой Февроньей Устимовной Рузановой;

4) деревне Гулькино — с Ковалевым Григорием Милосиповичем, активным членом церковно-приходского управления, сторонника епископа Андрея.

Завербованный в члены к.-р. организации «андреевцев» Покаров Петр Захарович использовал для отдельных к.-р. выполнений свою жену Покарову Ефросинью Ивановну, а поп села Старой Елани Фокин А. Н. — церковного старосту Архипову Евдокию Агаповну, которая в то же время являлась его фактической женой.

Кулак села Караелги Бутяев Димитртй Петрович, не являясь членом указанной выше к.-р. организации, тем не менее, как церковный староста, имел близкие взаимоотношения с

попом села Караелги Котловым Федором Алексеевичем и проводил действия на разложение колхоза, причем он привлекался по следственному делу весной 1932 года за организацию массового выхода из колхоза, но от следствия скрылся и был объявлен в розыск.

Таким образом, под руководством попа Лукина Ивана Лукича создавалась к.-р. группа православных церковников в числе 19 человек, которая и стала проводить к.-р. деятельность, направленную на возбуждение населения против советских мероприятий в деревне и на подготовку, на основе этого, восстания против Соввласти.

О контрреволюционной сущности этой организации обвиняемый Ильмигашев Павел Сафронович показывает:

«Я являюсь истинно- православным верующим. Ни староцерковничества, ни обновленчества я не признаю» (л.д. 111).

«Как истинно-православный верующий, не могу признавать власти антихриста, власти безбожия, каковою является советская власть. Не могу и выполнять и законы этой власти, в своих убеждениях я не один» (л.д. 151).

Другой член к.-р. группы — обвиняемая Макарова Евдокия Андреевна говорит:

«Советскую власть как власть безбожия считаю порождением дьявола и ко всем мероприятиям этой власти должна относиться только враждебно, быть против мероприятий Соввласти. Я являюсь последовательницей епископа Андрея, который только в числе немногих остался верным истинно-православной христианской церкви. Он, как и я, не признает Советской власти» (л. д.149).

О к.-р. целях этой организации, направленных на возбуждение населения и имеющих конечной целью подготов-

ку восстания против Соввласти, свидетель Казанский А.Н., с которым Лукин был в дружественных отношениях, при допросе показал, что Лукин вел подготовку восстания против Соввласти, когда обходил селения под видом портного. В этой части Казанский сообщает: Лукин говорил ему:

«Нужно ожидать в недалеком будущем восстания. И в нашей местности народ к такому восстанию подготовлен, этому сама власть содействует чрезвычайными налогообложениями крестьян, да и он, Лукин, об этом постарался» (л.д. 154).

О времени восстания Лукин И. Л., как возглавляющий к.-р. группу, говорил, что надо подготовиться к апрелю или июню 1933 года. Об этом он говорил свидетелю Казанскому А.Н., который при очной ставке с Лукиным 5 мая 1933 года показал:

«После ноября месяца (1932 г.) Лукин еще бывал в моем доме, когда высказанные мысли о массонском управлении в СССР расширил и поставил меня в известность, что в недалеком будущем должно быть восстание, определил и срок восстания апрелем или июнем» (л. д. 194).

Другой свидетель, бывший псаломщик села Дербедень Кочемасов И.Д., с которым Лукин имел давнюю дружбу, показал, что Лукин, будучи у него в доме весной (в феврале или в марте) 1933 года, просил подождать с принятием сана священника:

«Лукин выразил желание остаться служить в Дербедени в церкви. О причинах перехода его в Дербедень Лукин говорил, что в Кузайкине колхоз большой, да и люди за веру некрепко стоят, того и гляди все колхозниками будут, а в Дербедени народ более привержен церкви, да и против колхоза сопротивляется упорнее, это-то и нужно ему, потому что

перемены не долго ждать осталось. Он так говорил мне: “Подожди поступать священником до мая, июня, а там жизнь для верующих изменится”» (л. д. 188).

Обработка верующих против советских мероприятий производилась в специально организуемых кружках по изучению священных книг и групповых сборищ на молебствия. Кроме того, агитация против Советской власти производилась и открыто, с амвона в церкви путем проповедей, в которых Советская власть выставлялась как гонитель православия, а коллективизация и раскулачивание как формы угнетения православных.

Следствием установлено три места групповых сборищ «андреевцев»:

1) в школе села Юсупкино, где сторожихой была раскулаченная Мария Уваровна Петрова. Этой группой руководил поп Горбунов Ф. Д.;

2) в селе Александровской Слободе в квартире монашек Волковой Евфалии и Климовой Серафимы;

3) в селе Ерсубайкине в доме ИЛЬМИГАШЕВА Павла Софроновича.

6 марта 1933 года при обследовании Юсупкинской школы ответсекретарь Кузайкинской ячейки ВКП (б) Байбатов натолкнулся на группу лиц в числе 5 человек, в том числе сторожихи школы Петровой М.У., которая читала в своей квартире при школе какую-то книгу, которая оказалась «Историей Православной Церкви». При осмотре книга оказалась принадлежащей по надписи, сделанной на ней, попу села Юсупкино Горбунову Ф.Д. В книге имеются пометки, сделанные рукою попа Горбунова о том, когда читана отдельная глава этой книги. Так, на стр. 44, 56 и 66 имеется пометка: «Читано 12 февраля 1933 г.».

Содержание этой книги — о мучениях христиан в первую эпоху существования христианства. О том, какое толкование этой книги давалось верующим, свидетельствует пометка Горбунова на 45 странице. Там говорится: «Если бы у меня, — говорит один из современников, — были сотня уст и железная грудь, то и тогда я не мог бы исчислить всех годов мучений, перетерпанных верующими» (л.д. 108-109 и приложение к след. делу № 2). Поп Горбунов не отрицает факта выдачи этой книги Петровой и добавил, что он вообще использовал для внедрения идей православия книги из церковной библиотеки.

О групповых сборищах в доме Волковой и Климовой не отрицают они и сами и имеется подтверждение в показаниях обвиняемых Ильмигашева П. С. и Макаровой Евдокии, которые несколько раз в 1932 году ездили на групповые сборища в дом к этим монашкам, где присутствовали еще несколько человек (л.д. 111, 115, 151). О сборищах в доме Ильмигашева показывает он сам:

«Как истинно-православный верующий, я считаю существующие церкви обновленческими и их не посещал. Я, Евдокия Макарова и Елена Прохорова обычно собирались у меня в доме, где молились и пели священные песнопения» (л. д. 151).

Свидетель Соловьев число участников сборищ в доме Ильмигашева насчитывает до 7 человек, в том числе и попа Лукина И.Л. (л.д. 210).

Агитация с амвона имела тоже направление против советских мероприятий. Поп Горбунов в проповеди в начале марта, говоря о мучениях христиан в первые века христианства, указал на положение религии при советских условиях с

призывом теснее сплотиться вокруг церкви и свергнуть врагов христианства (л.д. 148, 150).

Кроме того, вышеозначенная к.-р. группа распространяла среди верующих и к.-р. листовки. Обыском в доме обвиняемого Ковалева Григория Милосиповича в дер. Гулькине было обнаружено несколько таких листовок, которые он подготовил к распространению, переписывая их от руки. Наиболее характерной из этих листовок является так называемый «Кант»:

*Россия погибла, Россия пропала, России уже нет,
Как прежде бывала — теперь уж не будет:
Есть ужас, есть горе, жалость, муки и стон,
Плач горький. Есть горькие слезы,
И в божьем храме не слышен звон,
Как прежде бывало — вновь уже не будет.
Возврата уж нет. Воскресла Россия и смерти уж нет.
Иисусе воскресший, сладчайший спаситель,
Божий день гнева — ответа все нет.
Но малое стадо — не бойся:
Здесь вера, терпенье святых.
Егда разлучают, егда вас изгоняют —
Здесь радость твоя и других .
Ты веришь, Христос ведь с тобою,
Призови же в день скорби — Его.
Еще малое время — закончится
И вечность заменит его.
Новое небо и землю я вижу,
В них-то вот правда живет.
Мало стадо избранных смеется,
Отец ему царство дает.*

*Кончились дни испытаний,
Искупленья година прошла,
Вкушает блаженство общенья
С Богом верен, кто пребыл тогда.
Слава святых на вечера великая,
В радости жизнь без конца,
Будем же верны, до смерти,
Будем терпеть до конца.
Ищем опоры, ждем утешенья,
Слабы, греховны, душой больны мы.
Приди же на помощь нам, Боже — спасенье,
Во плаче, юдоли земной —
Не дай нам погибнуть на веки.
Боже, мы просим и молим Тебя,
Даруй смиренность, молитву, терпенье,
Верить, любить и страдать за Тебя.
Днесь, и вчера Ты тот же вовеки,
В силах бессилья свои победить.
Спасая, спаси же, Боже навеки,
Ищущих нас не дай души погубить.
Россия пропала, восстанет иная,
Воистину будет Святая уж Русь,
Бывало, что прежде — вновь уж не будет
Богу о том я молюсь.
Сгибнет безбожье, зловерье исчезнет,
Смотрю я, любя уж есть.
Поняли все, что в Боге свобода,
Равенство, братство и свет.
Россия погибла, Россия пропала, России уж нет.
Как прежде бывало, теперь уж не будет» (л. д. 25-30).*

В унисон этой листовке обвиняемая Макарова Евдокия показала:

«Советская власть, будучи властью антихриста, идет и борется с Богом и учением Бога, верующих людей притесняет и мучает, и свой арест я считаю мучением за веру Христову» (л.д. 149).

Обвиняемый Лукин И.Л. прямо заявил:

«Считаю, что на территории СССР преследование христианства есть и выражается оно в закрытии церквей, в арестах духовенства, в чрезмерном налогообложении духовенства и церкви. Преследования эти являются со стороны Советской власти» (л. д. 182).

При обработке вербуемых в к.-р. группу Лукин И.Л. первым вопросом ставил нетерпимое отношение к Советской власти. Об этом он говорил во всех беседах с Казанским, с Кочемасовым, Горбуновым и Макаровым, об этом он, Лукин, гласно заявлял в арестном помещении, уже будучи арестованным. Лукин в разговорах с лицами, которых он метил к вербовке в к.-р. организацию, говорил, что правительство СССР составляют евреи и представители высшей американской буржуазии, что диктатура пролетариата — по существу — диктатура буржуазии и еврейства. Свидетелю Казанскому Лукин в ноябре 1932 года в доме последнего говорил:

«В настоящее время в СССР управление государством — масонское. Правительство составляют представители высшей буржуазии Америки из евреев. Главная цель этого управления — окончательно задуть православие, которое для них представляет историческую ненависть. И диктатура пролетариата — по существу диктатура того же самого масонского управления, что масоны держат русский народ

впроголодь, а голодный человек делается гибким и послушным» (л.д. 154).

Обвиняемый Покаров Петр Захарович — поп села Буты при допросе сказал откровенно, что такие разговоры с Лукиным у него были и, пожалуй, он по многим моментам с ним согласен (л.д. 166 об., 196).

Покаров сблизился с Лукиным как у себя, так через монашку Ксению Кильдюшеву, в одну из таких встреч было принято совместное решение Лукина, Покарова и Кильдюшевой Ксении о поездке Лукина в Нижний Новгород. Цель этих поездок в Нижний Новгород следствием не установлена, но безусловно производились они в интересах к.-р. группы, так как по возвращении из Нижнего Новгорода Лукин И.Л. лично сам обходил всех участников к.-р. группировки. О том, что поездки Лукина в Нижний Новгород производились с определенными целями в интересах к.-р. группы, показала жена попа села Буты Покарова Петра Захаровича, обвиняемая Покарова Ефросинья Ивановна, подтвердив, что о поездке Лукина в Нижний Новгород знал ее муж и Ксения Кильдюшева, и что поездка эта была небезосновательной (л.д. 275).

Возвращаясь из Нижнего Новгорода, Лукин заходил к монашкам Волковой и Климовой в село Александровская Слобода, в село Старое Маврино к Киляченковой Марии Ивановне, которой поручил снести в село Верхний Акташ Косьминой Агапии Павловне письмо, и наказал, чтобы это было сделано секретно (л.д. 282, 285).

По пути же Лукин зашел в село Буты к Покарову Петру Захаровичу и монашке Кильдюшевой Ксении Ильиничне, которым он принес литр красного вина для церкви (л.д. 154, 193, 275). Одет был Лукин под крестьянина, в старом кафтане

и в лаптях. Поездку в Нижний Новгород Лукин отрицает, но сообщил при допросе, что по возвращении из ссылки ездил два раза в Казань, после чего попутно заходил к Покарову, к Кильдюшевой и к другим обвиняемым, проходящим по настоящему делу (л.д. 155, 276).

Об этом посещении Лукина Покаров Петр Захарович пытался скрыть от следствия, но впоследствии подтвердил и пояснил, что причиной покрытия им этого посещения Лукина было опасение разоблачения существующей у него связи с Лукиным (л.д. 276).

С прибытием Лукина из ссылки, он посетил священника села Юсупкина Горбунова Филиппа Демьяновича, у которого, уходя в ссылку, оставил миро и др. церковные принадлежности. При посещении Горбунова Лукин поведал ему о своей жизни в ссылке и планах своей деятельности в районе (л.д. 162 об.).

После этого Лукин заходил к Горбунову еще два раза, причем 12 августа в престольный праздник Ивана-воина в доме Горбунова вместе с Лукиным присутствовал обвиняемый Покаров П.З., его жена Покарова Е. И., монашка Кильдюшева Ксения И. и Архипова Евдокия Агаповна (л.д. 166, 171).

Обвиняемый Фокин Андрей Николаевич с прибытием из ссылки Лукина И. Л. и после посещения его Лукиным резко изменил курс в церковной ориентации, перестав признавать митрополита Сергия Нижегородского, как главу Церкви, ориентируясь на черносотенного митрополита Кирилла, бывшего епископа Казанского, находящегося в ссылке за к.-р. деятельность. О сущности уклонения Фокина А.Н. к «кирилловцам», что составляет одно целое с «андреевцами», как ответвление к.-р. организации «истинно-православной

церкви», близкий друг и сторонник Фокина — обвиняемый Горбунов Ф. Д. показал:

«Фокин стал уклоняться от того церковного течения, к которому мы принадлежали, и стал поминать за литургией митрополита Кирилла, т. е. перешел к тому же лагерю, к которому принадлежит и Лукин. «Кирилловцы» считают нас безблагодатными из-за того, что мы признаем Советскую власть» (л.д. 163, 272).

Фокин для привлечения Горбунова в организацию «кирилловцев» заходил в дом к последнему неоднократно, а, будучи вызван в город Елабугу епископом Палладием по этому же вопросу, Фокин, опасаясь быть лишенным сана священника, и для согласования своих действий имел тайную встречу с Горбуновым Ф. Д. ночью в сентябре месяце 1932 года в селе Юсупкино.

О посещении епископа Фокин так передает разговор с последним, что епископ Палладий свою беседу начал с того, почему Фокин перешел на сторону священника села Кузайкина Лукина, упомянул, что непризнание главою церкви митрополита Сергия Нижегородского ставит священника на к.-р. почву, на непризнание Советской власти (л.д. 161).

Фокин после посещения епископа Палладия, хотя формально остался «сергиевцем», так же как Покаров П.З., Горбунов Филипп Демьянович, Котловы, но по утверждению обвиняемого Горбунова, это был лишь маневр перед верующими, а фактически связь Фокина с Лукиным осталась, и их общение является фактом воссоединения во взглядах и действиях с Лукиным (л.д. 272 об.)

Близкое общение Фокина с Лукиным базировалось на враждебном отношении Фокина к Советской власти, как члена кулацкой семьи, выселенной по II категории, а отец его Ни-

колай Ионович Фокин в 1930 году был за к.-р. деятельность осужден по линии ОГПУ. Такое социальное положение Фокина позволяло Лукину И. Л. видеть в нем сильную опору для проведения и осуществления своих к.-р. действий. Лукин использовал Фокина для связи с другими священниками района. Фокин посетил по заданию Лукина Горбунова, Покарова, Котлова Павла, Котлова Федора, обход он делал под видом сбора денег на епархиальные нужды. Посетили Фокина в его квартире Горбунов, Покаров и Лукин, причем, на предварительном следствии общение с Фокиным они пытались скрыть, а признание их в этом вылилось в форму случайной встречи, что, однако, опровергается запиской Горбунова к Фокину, когда тот просил его зайти к нему для переговоров «из уст в уста», которое нельзя выразить на бумаге, «да и с людьми посылать неудобно» (л.д. 273 об., 274, 276 об., а также Приложение к след. делу № 1 — дело переписки обвиняемых, л.д. 94).

Квартира Фокина являлась одно время явочным пунктом «андреевцев», где встречался Фокин и Горбунов с монашками. Обвиняемый Покаров по этому вопросу показал: «14 ноября Горбунов был в доме Фокина, угощался там вместе с какими то монашками и имел с ними длительную беседу» (л.д. 276).

Горбунов на следствии вначале отрицал это, но 24 мая вынужден был своеручно написать об этом заявление и подтвердить такой факт связи его с Фокиным и с монашками (л.д. 273-274).

Покаров, вначале также отрицавший факт его общения с Фокиным, впоследствии признался, что в 1932 году был в доме у Фокина три раза с целью узнать церковные новости, так как Фокин часто ходил в Елабугу к епископу Палладию (л.д. 276).

Таким образом, с несомненностью устанавливается факт тесных связей между Лукиным, Фокиным, Покаровым, Горбуновым и Кильдюшевой Ксенией, основанных на отрицательном отношении к Соввласти и оппозиционного отношения к церковному центру, возглавляемому митрополитом Сергием, из-за лояльного отношения последнего к Соввласти.

Монашка Волкова Евфалия (Анна) Петровна до 1927 года находилась в Бугобашкском монастыре около города Бакалы Белебейского уезда Башкирской республики. В этом монастыре она вместе с обвиняемой монашкой Климовой Серафимой (Анна) Ивановной пробыла свыше 30 лет. Монастырь находился в подчинении епископа Андрея, бывшего князя Ухтомского. В этом монастыре она жила с матерью священника, ныне осужденного по линии ОГПУ Волокитина Аркадия, являющегося одним из активных членов к.-р. организации «андреевцев», с которыми Волкова и Климова имели постоянную связь. Когда митрополит Сергей Нижегородский опубликовал в 1927 году декларацию о лояльном отношении к Соввласти, Волкова Евфалия с поручением от настоятельницы монастыря ездила в Нижний Новгород специально к митрополиту Сергию узнать о причинах, вызвавших подписание им декларации. Как она сама дает в своих показаниях, — поездка ее туда была с целью выяснить истинность православия Сергия, но из беседы с ним вынесла впечатление, что он уклонился от православия (л. д. 119). Этот факт свидетельствует об авторитетности Волковой в рядах «андреевцев» и той роли, какую она занимает в этой группе.

После закрытия монастыря в 1927 году Волкова и Климова сначала переехали на жительство в село Ерсубайкино, а после того, как там арестовали священника «андреевца» Ни-

колая Паштыкова, — Волкова и Климова переселились в село Александровская Слобода к родственникам, где построили келью и жили там до их ареста. Волкова и Климова, проживая в Александровской Слободе, занимались обновлением икон, т.е. подновление их красками, внешнего убора цветами, для чего в своей келье устроили специальную мастерскую, кроме того, выдывали нагрудные деревянные крестики. Это их занятие имело широкую известность в районе и за пределами его и привлекало к ним большие группы верующих. Используя скопление верующих в своем доме, Волкова и Климова вели с ними беседы, устраивали молебствия и обрабатывали верующих в «андреевском» направлении, распространяя различные провокационные слухи против Соввласти.

Получая значительную доходность от своего ремесла, оказывали значительную материальную помощь ссыльным священникам и преимущественно раскулаченным «андреевцам», из мирян, находящимся высланными в г. Магнитогорск. Кулаку Шарыгину Илье ими было послано в 1932 году 6 продовольственных посылок (см. приложение к следственному делу № 1 — л.д. 36, 63, 65, 72-73).

О характере переписки, ведущейся Волковой и Климовой со ссыльными и выселенными "андреевцами", свидетельствуют письма, обнаруженные у них при обыске. В письме, адресованном кулаку Варганову, Волкова и Климова пишут: «Время опасное, смерть за плечами, суд божий приближается» (приложение № 1 — л.д. 50). В ответ на их письма кулак Варганов отвечал из ссылки: «Начинается сильная война. Как об нас Господь надумал — не знаем, кто останется жив. Горе приходит гонителям нашим» (приложение 1 — л.д. 53). А в другом письме, описывая жизнь в Магнитогорске, Варганов говорит: «Господь послал жалость врагам и гонителям

нашим, они всем нас снабжают в пище» (приложение 1 — л.д. 74).

Из этой переписки видно отношение Волковой и Климовой к Советской власти, эта переписка характеризует и еще раз подтверждает к.-р. сущность «андреевцев», которые Советскую власть признают открыто «врагом», гонителями и выражают радость по поводу того, что «горе приходит гонителям нашим», — это в том отношении, когда распускаются ими же слухи о войне. О принадлежности к «андреевцам» Е.П. Волкова дала показание:

«Я считаю себя сторонницей епископа Андрея — единственным последователем истинно-православной церкви, а всех других епископов считаю обновленцами».

В 1930 или 1931 году Волкова Е.П. ездила в город Казань для свидания с прибывшим из ссылки священником Волокитиным Аркадием, последний ее познакомил со ссыльным епископом Нектарием Яранским, который, по показанию Волковой, «такой же святости как и Андрей» (л.д. 119). Для связи «андреевцев» между собой существовала сеть курьеров-связистов, в письме от Антония (личность его следствием не установлена) к Волковой и Климовой имеется сообщение, что он получил посылку от них и просит письма впредь посылать не почтой, а нарочными (приложение № 1 0151 л.д. 76). Волкова и Климова, при следствии вначале отрицавшие наличие курьеров-связистов, признали в конце следствия, что связисткой у них была монашка Мариша из Первомайского района, по данному делу привлеченная (л.д. 289 об.).

О связях Волковой и Климовой с привлеченными по настоящему делу обвиняемыми: Лукиным И.Л., Макаровой Е.А. и Ильмигашевым П.С. свидетельствует тот факт, что Лукин

заходил к ним в дом, возвращаясь осенью 1932 года из Нижнего Новгорода (л.д. 282).

Макарова и Ильмигашев в 1932 году приезжали к ним несколько раз на молебствия, причем, Ильмигашев получил от Волковой и Климовой две «обновленные» иконы (л.д. 149, 151).

Будучи уже арестованными, Волкова и Климова отказывались от подписи протоколов допроса, заявляя, что «печать Божию в руки антихриста они отдавать не могут» (л.д. 109, 128). Это еще раз подтверждает их отношение к Соввласти и ее органам.

Практическими действиями «андреевцев» против советских мероприятий были агитация против школы, против колхоза и уплаты налогообложений. Здесь опять же руководящая и главная роль принадлежит обвиняемому Лукину И.Л.

Лукин Иван Лукич зимой 1933 года, побывав в Нижнем Новгороде и обойдя всех членов к.-р. группы, стал проводить и практические действия против советских мероприятий. Его сын Петр — школьник, 8 лет, в Кузайкинской школе в январе 1933 года был намерен вступить в пионер-отряд, причем, это последовало в результате широко поставленной работе среди школьников со стороны учителей-комсомольцев. Среди учеников тяга в пионеры была большая. Лукин И.Л. с целью воспрепятствовать росту пионер-отряда научил своего сына гласно в школе объявить, что «он от вступления в пионер-отряд отказывается потому, что пионеров скоро будут вешать и резать». Этим заявлением сын Лукина создал сильное волнение в школе, рост пионер-отряда прекратился. О том, что его так настроил отец, сын Лукина подтвердил это учителям (л.д. 217, 219).

По этому поводу обвиняемый Лукин Иван Лукич показал, что хотя он сына и не настраивал в таком направлении,

но против того, чтобы его дети записывались в пионер-отряд, так как считает советскую систему воспитания безнравственной.

«Воспитание при советской системе, — показал Лукин, — я вижу и наблюдаю только через тюрьмы. Результатом советской системы воспитания есть увеличение числа преступности» (л.д. 232).

Против колхоза действия Лукина И.Л. сказались в том, что он среди лиц, с ним общавшихся, называл колхозы ячейками безбожия и отталкивал тем самым от колхозов. Квартирохозяин Нуждин Михаил, у которого на квартире жил Лукин в селе Кузайкино, вступил весной 1932 года в колхоз, но мать и сестра Нуждина в колхоз не пошли, заявляя, что не хотят отдавать душу дьяволу. Нуждин относит это к влиянию попа Лукина (л.д. 215).

Массовая работа среди верующих со стороны Лукина подтверждается еще и теми обстоятельствами, что, как это явствует по показаниям обвиняемого Горбунова: «как пришел Лукин из ссылки, верующие села Кузайкина, Добрамыш и других селений стали посещать церковь села Юсупкина меньше, чем было до прихода Лукина из ссылки». «Через верующих мне стало известно, — говорит Горбунов, — что Лукин ведет среди верующих работу против меня, называя обновленцем из-за того, что мы признаем Советскую власть» (л.д. 162 об.).

Другой член к.-р. группы Котлов Павел Никифорович в своем заявлении, данном следствию (л.д. 245-248), называет представителей Советской власти эксплуататорами, угнетателями трудового крестьянства, о чем он заявил, по его признанию, публично в сельсовете. Данное следствию заявление Котлов П.Н. не отрицает, но подтверждает к.-р. его взглядов

на все проводимые в деревне мероприятия. Сам он прямо говорит:

«Возражать трудящемуся гражданину, а особенно единоличнику на неправильные действия свободы нет» (л.д. 245 об.).

О чистке колхозов от кулаков Котлов П. Н. отозвался так:

«Нынче зимой во время чистки колхозов выдворяли из колхозов полезных трудящихся, оставляя без куска хлеба».

Вообще, там, где проживали члены к.-р. группы, советские мероприятия проходили благодаря их к.-р. деятельности среди населения с большими напряжениями. В селе Ерсубайкино, Кузайкино, Дербедень, Полянка и Верхний Акташ особо напряженно проходила подготовка к весеннему севу 1933 года и самый сев. Единоличники, на которых преимущественно держали ставку «андреевцы», отказались сеять, вследствие чего в селе Верхний Акташ было лишено земли с отображением производственного земельного инвентаря — 31 хозяйство, селе Дербедень — 58 хозяйств, селе Полянка — 9 хозяйств, селе Ерсубайкино — 12, селе Кузайкино — 13 (л. д. 268).

«Андреевцами» среди единоличников создавались такие мнения, что и сеять не надо и в колхоз не входить. Свидетель из села Ерсубайкино, где колхоз составляет 33 процента к общему числу хозяйств в селе, медленный рост колхоза характеризует к.-р. деятельностью группы церковников: Макаровой Е.А., Ильмигашевым П.С. и Лукиным И.Л. во главе. Он говорит:

«В селе имеется группа религиозников, которые и проводят антиколхозную работу. В состав этой группы входят: 1. Евдокия Макарова, дочь раскулаченного, монашка; 2. Ильмигашев П.С., бывший церковный регент; 3. Слепая Елена Прохорова.

Макарова привлекла на свою сторону молоденьких девушек Красновых Елизавету и Екатерину. Эта группа стала себя проявлять с 1926 года, но особенно ее активность сказалась нынче в момент подготовки к севу, и активность ее (этой группы) была вызвана приездом из ссылки попа Лукина, который с осени 1932 года находился в нашем селе постоянно» (л.д. 210).

Подтверждение к.-р. деятельности группы Макаровой-Ильмигашева-Лукина в селе Ерсубайкино против коллективизации имеется и в показаниях свидетеля Грузова Семена, жена которого Ксения Куприянова, бывшая монашка, приехав в село Ерсубайкино, связалась с Евдокией Макаровой, посещала молебствия, устраиваемые в доме Ильмигашева, а когда ее муж Грузов весной 1933 года вступил в колхоз, Ксения Куприянова ушла от него (л.д. 212). Агитация против колхозов группы Макаровой, Лукина состояла в распространении слухов о войне, во время которой будут уничтожать колхозников и стариков и детей (л.д. 211).

Кроме того, «андреевцы» в целях срыва советских мероприятий шли на открытую дискредитацию представителей сельских советских органов. Это нашло отражение в поведении Лукина, который по вызову сельсовета для уплаты налога не явился, а будучи приведенным в сельский совет, демонстративно покинул здание сельсовета, заявив председателю сельсовета Сафронову, члену ВКП (б): «Мы с тобой на одной парте не сидели, чтобы я подчинялся тебе» (л.д. 218).

При следствии Лукин по этому вопросу пояснил, что он не намерен подчиняться «Гришкам» и «Мишкам», под которыми подразумевает таких представителей сельских советов, которые допускают неправильные действия в отношении духовенства (л.д. 180).

Еще сильнее намерение дискредитировать сельский совет проявилось со стороны обвиняемого попа села Онбии Котлова П.Н., который публично в сельсовете назвал председателя сельсовета «эксплуататором», эксплуатирующим трудových крестьян (л.д. 229, 245, 248).

В целях отвлечения крестьян от подготовки к весеннему севу поп Лукин в селе Ерсубайкино стал производить крещение детей, в том числе уже взрослых. Крещение производил в доме кулака Афанасьева Димитрия и Ильмигашева Павла, что не отрицает и сам Лукин и что подтверждается обнаруженными у Ильмигашева священническими принадлежностями, принадлежащими Лукину (л.д. 210, 100).

Для большей конспирации в переходах по селениям района и разъездов в Нижний Новгород Лукин приобрел подложное удостоверение, в котором он значится бедняком (приложение № 1 — л.д. 83). Лукин причину приобретения им подложного удостоверения не скрывал и сказал, что, возвратясь из ссылки, он имел только один документ, удостоверяющий его возвращение из ссылки, что являлось только помехой в его поездках (л.д. 155 об).

Все хождения Лукина по району кончались каждый раз у его родственницы в селе Верхний Акташ Косьминой Агапии, которой им же было передано секретное письмо через монашку Киляченкову Марию Ивановну, из чего следует заключить, что Косьмина являлась членом к.-р. группы, посвященной во все детали к.-р. деятельности этой группы. К тому же при обыске в ее квартире было найдено скрытое в земле и других местах оружие (л.д. 96, 223-227).

Рузанова Февронья Устимовна, в прошлом монашка, является реакционно настроенной верующей. В прошлом, в 1905-1906 годах, она ходила на богомолье в Иерусалим, Саров

и на Кавказ. Была на миссионерских курсах в Богобашском монастыре, то есть в том же монастыре, в котором монашками были Волкова Евфалия и Климова Серафима. При обыске в ее доме обнаружен портрет императрицы Елизаветы Федоровны, которую она, Рузанова, по ее показаниям, чтит. Принадлежность ее к ним, группе Лукина, свидетельствуется ее связями с Косьминой Агапией и Лукиным И.Л., но активных к.-р. действий с ее стороны не установлено (л.д. 110, 176).

Васянина Матрена Владимировна, монашка села Деребедени, привлечена по настоящему делу вследствие того, что имела и сохранила связи с Лукиным, который ее посетил, возвратясь из ссылки, после чего она стала говорить среди верующих: «Я запишусь в колхоз, побуду год в колхозе, а там выпишусь» (л.д. 188). Обыском в ее доме во дворе обнаружено зарытыми в снегу 30 штук поминаний и различные погромные листовки «Союза Русского народа», относящиеся к 1907 году (л.д. 174).

Покарова Ефросинья Ивановна, жена попа села Буты Покарова И. З., вместе с мужем принимала участие в связях его с Лукиным, Фокиным, Горбуновым, являясь связисткой между ними, что конспирировалось формой посещения церкви (л.д. 172, 275, 278).

Архипова Евдокия Агаповна, церковный староста села Старая Елань, имела тесные взаимоотношения с попом Фокиным, а, следовательно, все к.-р. действия, производимые Фокиным, имели общее в действиях Архиповой, о чем она сама говорит в своих показаниях (л.д. 175).

Бутяев Дмитрий Петрович, церковный староста села Караелги, привлекался по следственному делу еще в 1932 году за организацию массового выхода из колхоза, причем, от следствия скрылся и был объявлен в розыск. Организация

им массового выхода из колхоза была основана на религиозной почве, что имеет в своих действиях отражение группы «андреевцев», почему Бутяев и привлечен по настоящему делу. Следственное дело на него имеется в ПП ОГПУ ТР, к.-р. деятельность Бутяева, направленная на организацию массового выхода из колхоза, отражена в «Обвинительном заключении», вложенном в след. дело № 41 (л.д. 157, 234, 241).

Произведенным следствием к.-р. деятельность со стороны всех привлеченных по настоящему делу обвиняемых установлена с достаточной очевидностью, на основании чего подлежат обвинению:

1. Лукин Иван Лукич — подлежит обвинению в том, что, будучи одним из представителей к.-р. организации «Истинно-православной церкви» и ее филиала «андреевцев», прибыв в 1932 году в Акташский район, создал организационно оформившуюся к.-р. группу из православных церковников с ориентацией на епископа Андрея, бывшего князя Ухтомского, которую возглавил и проводил к.-р. действия, направленные на возбуждение населения против советских мероприятий, и, на основе этого, подготовку восстания против Соввласти, т.е. в преступлениях, предусмотренных ст. 58 п. 10 и 11 УК.

Виновным себя не признал, но не отрицает своего враждебного отношения к соввласти на основе религиозных убеждений.

2. Ильмигашев Павел Сафронович — подлежит обвинению в том, что вошел в члены к.-р. группы «андреевцев», возглавляемой попом Лукиным, и под его руководством проводил действия, направленные на возбуждение населения против советских мероприятий, став в оппозицию к существующему церковному центру, возглавляемому митрополи-

том Сергием Нижегородским из-за лояльного отношения последнего к Соввласти. Ильмигашев превратил свой дом в молельню «андреевцев», а так же под видом молебствий в его доме происходили собрания членов к.-р. Группы, т. е. в преступлениях, предусмотренных по ст. 58 п. 10 и 11 УК.

Виновным себя признал и пояснил, что он был и остается враждебным в отношении Соввласти и ее мероприятий, боролся и будет бороться против Соввласти (л.д. 111, 115).

3. Макарова Евдокия Андреевна — обвиняется в том, что вошла в к.-р. организацию «андреевцев» в 1926 году и с середины 1932 года состояла членом к.-р. группы попа Лукина, вместе с которым принимала активное участие в распространении среди населения антисоветских слухов и провокаций в целях возбуждения против советских мероприятий, организовала вокруг себя группу молодежи из девушек, которых обрабатывала в духе и направлений «андреевцев», участвовала на собраниях и молебствиях к.-р. группы как в доме Ильмигашева, так и в доме монашек Волковой и Климовой, т. е. в преступлении, предусмотренных по ст. 58 п. 10 и 11 УК.

Виновной себя признала и заявила, что она настроена вообще против советской власти, является врагом ее и не может выполнять законы этой власти (л.д. 149).

Приложение 4¹

Зерна веры

«Плох ум, да свой, своим умом живи», — наставляла меня бабушка в далеком детстве. Сколько раз потом нуждалась я в ее советах — незатейливой житейской мудрости, зрящей в самый корень! Она говорила мне то, что сегодня я повторяю своей дочери. А та спорит со мной, как спорила некогда я, отстаивая свое, желая идти в ногу со своими сверстниками, чтобы не обсмеяли, не отлучили от своей ребячьей компании.

На бабушкины уговоры надеть крестик я отвечала неизменным отказом. И она уже не звала меня, упорную пионерку, к причастию. А только с укором качала головой: «Потеряла внучку, отдала бесовским властям...». И ошибалась. Были ведь в моем детстве и знакомство с Чудотворной иконой Божьей Матери в доме знакомой старушки Мироновны, и присутствие при долгих беседах богомолков — бабусиных подруг — у печки, и необыкновенные рассказы об исцеленных...

Правда, иногда мне и самой казалось, что не осталось и следа от той глубокой веры, от тех воспоминаний, которые были воздухом моего детства. Но грозный окрик судьбы, не раз бравшей за шиворот, освещал это детство яркой вспышкой, и все вставало на свои места. Икона, подобранная отцом еще в тридцатые годы на какой-то казанской свалке и тем самым спасенная, стала моим фамильным достоянием и помогала неизменно в трудные минуты. Помогала и Чудотворная, которую я разыскала у потомков Мироновны. К ней, теперь

уже в мой дом, до сих пор приходят те, кто просил у Богородицы заступничества и двадцать, и пятьдесят лет назад. Она все та же — милосердная для отчаявшихся...

Бабушку свою — Елену Петровну — я вспомнила и в тот раз, когда командировка привела меня в Заинск, ибо услышала там от настоятеля Свято-Троицкого собора рассказ о старушках, живо напомнивших мне ее, давно ушедшую в мир иной. Нечасто ныне встречаются истинно верующие люди. Скорее, наоборот. Церкви пустуют. Некому бороться за опустившихся, пропадающих в пьянстве сыновей и внуков. Но здесь, в Кара-Елге, есть надежда, что будут вновь всю округу радовать малиновым, вещим звоном церковные колокола.

Возникло это село в начале XVIII века. Жили тут русские, мордва, татары-кряшены. Местные каменщики славились далеко окрест. Это они строили церкви по всей губернии. Свою, в честь Вознесения Господня, воздвигали целых семь лет. Она была освящена 3 июня 1867 года.

Немало прихожан было в этом храме. До революции в селе жило полторы тысячи крестьян. Было свое училище, две мельницы. Во многих хозяйствах — по две-три лошади, не считая прочей живности. Словом, умели работать и отдыхать. Венчались в церкви, здесь же крестили детей, отсюда и в последний путь своих близких провожали.

А уже в семидесятые годы в Кара-Елге и школа была закрыта. Население разъехалось. Только бабушки цепко держатся за свою родимую землю. И для них великая радость — возвращение церкви, которую в тридцатые годы превратили в зернохранилище, куда под сень старинных фресок заруливали автомашины и заезжали трактора с тележками.

Бабушек не так уж много осталось в селе.

¹ Источник: <http://www.rt-online.ru/articles/rubric-72/51332/>

– Но каких! — говорит отец Александр. — Не имея своего прихода, они молятся в храме, который сами же и приводят потихоньку в порядок. Ничего не просят у начальства, надеются на Бога и на себя.

Тут, в храме, нужно менять кровлю, полы, оконные переплеты, провести штукатурные и малярные работы. Однако уже приведен в порядок алтарь, собраны иконы. И хоть сейчас, зимой, в церкви холодно, но намолено и чисто.

Сам настоятель Свято-Троицкого собора любит приезжать сюда. Старые женщины настолько покорили его сердце своей верой и терпеливостью, что он отправил в Кара-Елгу инокиню Кириену, чтобы помогала она оживлять церковь.

Службы проводятся не только по субботам. Весть «Батюшка приехал!» моментально облетает село. И отец Александр обязательно отслужит молебен. Открывается скрипучая старинная дверь, и в храме, освещаемом пока только свечами, звучат молитвенные слова.

По благословию владыки Анастасия церковь Вознесения Господня теперь вошла в приход Свято-Троицкого собора. И летом произошел удивительный случай. Стояла изнуряющая жара. Никли выжженные хлеба. Все живое ждало дождя. И бабушки попросили отца Александра приехать в Кара-Елгу, чтобы отслужить молебен.

Крестным ходом пошли верующие до Святого источника. А едва стали приближаться к нему, как обрушился настоящий ливень на исстрадавшуюся землю. Говорят, он прошел выборочно — только на полях и огородах молящегося села, за их границей осталась сушь...

– Здесь вообще такое место, что хотелось бы жить самому, — говорил отец Александр.

Конечно же, он имел в виду не только и не столько красоту земную, но главным образом — старожилов этого местечка. И бабушки платят ему тем же. Многие из них часто бывают в Свято-Троицком соборе Заинска. Вот так помогают друг другу люди на пути духовного просветления.

И старшее поколение вразумляет молодых, наставляя своим примером на путь веры. Одна спасенная душа, обращенная к Богу, спасает вокруг себя многие, и в первую очередь — своих близких, родных. Эти невидимые миру духовные нити связей — как живая цепочка людей, крепко взявшихся за руки. А вместе можно выстоять в любых испытаниях. И так важно, чтобы в этой цепочке были юные. Зерна веры, посеянные бабушками в сердцах внучат, все равно взойдут. Не сегодня, так завтра. А это — самые надежные обереги в суровой человеческой жизни.

Людмила СУХАНОВА
25.01.2001

Приложение 5**Обращение иерея храма Вознесения Господня
села Кара-Елга Василия Николаевича Казакова
на форуме миссионерского портала
диакона Андрея Кураева¹**

***Возлюбленные о Господе, братия и сестры!
Мир Вам и благоденствие!***

Настоятель храма Вознесения Господня села Кара-Елга, обращается к Вам с просьбой о помощи в восстановлении храма, который является не только духовным и религиозным заведением, но и признан архитектурным памятником нашей республики. Постановлением кабинета Министров Республики Татарстан № 772 от 28 сентября 2010 г. Храм Вознесения Господня внесен в перечень объектов культурного наследия, расположенных на территории Заинского муниципального района Республики Татарстан.

Храм построен в XIX веке и в настоящее время, несмотря на многие недоделки, радует своей красотой, поражает особой благодатью. Долгое время здание храма использовалось не по назначению и находилось в полуразрушенном виде: разрушена кровля, дырами зияли проемы окон и дверей, храм был разграблен.

Храм Вознесения Господня является продолжением духовных традиций православной церкви, здесь проходят богослужения, возносятся молитвы, совершаются таинства венчания, крещения, причастия и находят поддержку те, на чью долю выпали тяжелые жизненные испытания.

Издrevле на Руси храмы строились на пожертвования благотворителей и прихожан. В 1867 году храм был построен силами жителей села, но чтобы его реставрировать в настоящее время, у жителей села — стариков нет средств, но с помощью Божьей и добрых людей сделано много. В надежде на Ваше доброе расположение почтительно обращаемся к Вам с просьбой оказать нам святую милостыню и принять посильное участие в богоугодном деле.

У Господа даже малая лепта, принесенная от всего сердца, не остается без награды. Будем благодарны за любую помощь в этом святом деле! Благодарственные молитвы за всех благотворителей будут возноситься вечно!

С Божьей помощью будем возрождать духовность и распространять веру Христову!

Настоятель Храма Вознесения Господня
Иерей Василий Казаков
Тел. 8-917-281-37-87

¹ Источник: <http://kuraev.ru/smf/index.php?topic=448787.0>

Наименование получателя в банке:

Местная православная религиозная организация Казанской епархии Русской Православной Церкви (Московский Патриархат)

**МПРО приход церкви Вознесения Господня
с. Кара-Елга Заинского района РТ
ИНН 1647012573/ КПП 164701001
Р/с 40703810562170100060
Кор. счёт 3010181060000000603
БИК 049205603
ОСБ «Банк Татарстан» № 8610, г. Казань**

Нижекамское отделение № 4682/057 г. Заинск
Назначения платежа: Благотворительные цели
Почтовый адрес 423520, РТ, Заинский район,
с. Кара-Елга Храм Вознесения Господня

Записки с именами для поминовения на богослужениях, вы можете присылать мне на адрес электронной почты zainsk.vk@mail.ru

Содержание

Елдашев А. О книге В.Н. Белова	3
Отзывы (из писем читателей).....	5
От автора.....	17
Истоки	19
Священно-церковно-служители Вознесенской церкви села Караилги.....	36
Сельский пастырь	69
Метрические книги села Караилга	126
Разорение церкви.....	146
Возрождение храма	148
Список литературы	158
Приложения.....	160

Белов Виктор Николаевич

**ВОЗНЕСЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ СЕЛА КАРА-ЕЛГИ
И ЖИЗНЬ СЕЛЬСКОГО ДУХОВЕНСТВА
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА**

Корректор:
Н.И. Белова

Компьютерная верстка:
В. Калинин

Дизайн обложки:
Е. Лысова

Подписано в печать 28.05.2013. Формат 60x84 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Печать ризографическая.
Гарнитура «Minion Pro». Усл. печ. л. 12,56.
Тираж 500 экз. Заказ 05-13/09-2.

Издательство «Центр инновационных технологий».
420108, г. Казань, ул. Портовая, 25а.
Тел./факс: (843) 231-05-46, 231-08-71

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

420108, г. Казань, ул. Портовая, 25а.
Тел./факс: (843) 231-05-46, 231-08-71.
E-mail: citlogos@mail.ru
www.logos-press.ru